

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Мохаммед Абдальвахид Мохаммед Хуссейн

СТРАТЕГИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ СУДАН)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель

Брега Александр Васильевич,
доктор политических наук, профессор

Москва – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования этнополитических конфликтов и механизмов их регулирования	15
1.1 Этнополитический конфликт как явление и область политического знания.....	15
1.2 Основные стратегии урегулирования этнополитического конфликта.....	37
Глава 2 Причины и основные этапы развития этнополитического конфликта в Республике Судан.....	59
2.1 Генезис и динамика развития этнополитического конфликта в Республике Судан	59
2.2 Факторы эскалации современной этнополитической напряженности и основные политические силы в Судане	83
Глава 3 Основные стратегии урегулирования этнополитических конфликтов в Судане	100
3.1 Пути достижения этнополитического консенсуса в Республике Судан.....	100
3.2 Привлечение третьей стороны к урегулированию этнополитических конфликтов в Республике Судан.....	144
Заключение	191
Список литературы	196
Список иллюстративного материала.....	215
Приложение А Таблица А. 1 - SWOT-анализа Дарфурских соглашений от октября 2020 года.....	216

Введение

Актуальность темы исследования. Современный мир стал свидетелем множества этнополитических конфликтов, особенно в Африке, Азии и Латинской Америке. Эти конфликты имеют сложный исторический характер, отражая серьезные нерешенные вопросы, связанные с правами меньшинств, распределением ресурсов, территориальными спорами и политическим представительством. Разрешение этнополитических конфликтов становится не только вопросом внутренней политики государств, но и необходимым условием региональной и глобальной безопасности. Это обусловлено, прежде всего, опасениями распространения этих конфликтов на соседние страны, а также негативными последствиями, связанными с проблемами миграции, социального напряжения, экономического истощения.

В настоящее время всё большую актуальность приобретает поиск эффективных подходов урегулирования подобных конфликтов, в частности, в Республике Судан, которая имеет сложный этнический состав. За всё время независимости с 1955 года, страна так и не справилась с проблемами, образовавшимися в результате накопленных исторических противоречий, маргинализации общественной среды, борьбы за ресурсы и власть в большинстве регионов страны. В этой связи разработка стратегий по урегулированию этнополитических конфликтов в Судане имеет чрезвычайно высокую востребованность как в теоретическом осмыслении, так и на практическом уровне.

Степень разработанности темы исследования. Исследования, связанные с темой диссертационной работы, могут быть структурированы путем выделения трех основных блоков.

Первый блок составляют исследования, направленные на выявление сущности, общих причин и проявлений этнополитических конфликтов. В рамках этого направления были разработаны теоретические модели и концепции, объясняющие природу этнополитических конфликтов, их

причины, закономерности развития и способы разрешения. В контексте настоящей диссертационной работы особую научную значимость имеют исследования российских учёных П.В. Осколова [1], С.А. Буторова [114], В.А. Тишкова и В.В. Степанова [2], и Р. Брубейкера [3]. В данных работах анализируются различные теоретические модели и постулаты, предложенные для объяснения этнополитических конфликтов, их происхождения, развития и разрешения. Среди исследований зарубежных авторов, относящихся к данному блоку, прежде всего, следует выделить работы Т. Ванханена [4], М.Е. Вебеля, А. Хирса, В. Флессена А. [10].

Второй блок составляют исследования факторов и эволюции этнополитических конфликтов в Судане. В данном блоке особый интерес представляют работы А.Х. Абдуллы «Управление и администрация в Судане» [55], и комплексное исследование «Суданская революция (2018-2019): документально-аналитический подход к ее целям, этапам и проблемам», в которых раскрываются влияние этнических факторов на развитие суданской системы государственного и местного управления, а также анализируются причины и последствия суданской революции, в том числе роль этнических и политических противоречий в ее развитии. Кроме того, исследовательский интерес представляют труды А.В. Макутчева «Война за ресурсы: Абьейский конфликт между Суданом и Южным Суданом» [7], Т.В. Кочановой «Судан и Южный Судан: через демонтаж и трансформацию власти к ее эволюции» [8], и А.Ю. Урнова: «Политика США в отношении Эфиопии, Демократической Республики Конго, Судана, Южного Судана, Анголы и Ливии» [9].

Следует отдельно отметить, что суданская революция 2019 года и ее последствия оцениваются исследователями неоднозначно. Так, например, М.А. Исмаил подчеркивает, что революция стала важным шагом на пути к построению нового Судана и создала основу для национального примирения. С другой стороны, исследователь Ш. Мохиддин отмечает, что продолжение военных столкновений – это конфликт с нулевой суммой, который не приведет

к прекращению конфликта, но приведет к росту человеческих и материальных потерь, а также увеличит политические издержки [10].

Третий блок научной литературы связан с исследованием различных методов и путей по разрешению этнических конфликтов в Республике Судан. К наиболее значимым работам этого блока относится исследование «The SAGE Handbook of Conflict Resolution» [38], содержащее теоретические и практические рекомендации по разрешению этнических конфликтов. Кроме того, в рамках настоящего блока научной литературы следует выделить исследования, в которых анализируются и предлагаются различных пути урегулирования этнополитических конфликтов на африканском континенте [12].

Анализ научной литературы позволяет заключить, что в российских и зарубежных исследованиях проанализированы как теоретические аспекты, так и разнообразный круг практических вопросов, связанных с изучением этнических конфликтов в различных странах. Однако следует отметить, что исследования, посвященные роли этничности в политических конфликтах на африканском континенте, не характеризуются достаточной степенью научной разработанности. В этой связи настоящая работа способна внести посильный вклад в понимание природы этнических конфликтов, их причин, закономерностей развития и способах разрешения с учетом специфики изучаемого региона. На текущий момент представляется целесообразным рассмотреть следующие исследовательских вопросов: взаимодействие этнических и политических факторов в развитии конфликтов, роль внешних факторов в эскалации конфликтов, возможности использования альтернативных методов разрешения конфликтов. С точки зрения автора, их изучение может способствовать дальнейшему развитию теории и практики урегулирования этнических конфликтов не только в Судане, но и в других похожих ситуациях.

Цель исследования состоит в выявлении комплекса причин и обстоятельств развития современных этнополитических конфликтов, а также

в определении и реализации стратегий их урегулирования в системообразующих регионах Республики Судан (Юг, Запад и восточный Судан с центром и северными регионами).

Для достижения цели исследования были определены следующие **задачи:**

- 1) охарактеризовать теоретико-методологические подходы к исследованию этнополитических конфликтов;
- 2) выявить особенности и тенденции современного политического и этнополитического процесса в Республике Судан;
- 3) охарактеризовать роль третьей стороны в урегулировании/инициировании этнополитических конфликтов в Республике Судан;
- 4) выявить возможные варианты развития этнополитической ситуации и определить направления урегулирования межэтнических противоречий в Республике Судан;
- 5) предложить стратегии урегулирования этнополитических конфликтов в Республике Судан.

Объект исследования – современные этнополитические конфликты в Республике Судан и их урегулирование.

Предмет исследования – особенности и возможные стратегии урегулирования этнополитического конфликта в Республике Судан.

Область исследования – диссертации соответствует п. 21. «Этнополитические процессы и конфликты. Национально-государственное, национально-территориальное, национально-культурное самоопределение»; п. 26. «Социальные и политические конфликты: причины, факторы, типы и технологии регулирования»; п. 28. «Политическая идентичность: сущность, типы, структура. Механизмы политической идентификации личности и социальных групп» Паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Методология и методы исследования. В рамках исследования этнополитический конфликт предстаёт как многоликий феномен, для изучения которого требуется сочетание различных методологических подходов.

Исторический подход позволил охарактеризовать эволюцию причин и факторов, определивших современное конфликтное состояние страны, а также определить ключевые этапы развития конфликта и идентифицировать поворотные моменты его развития, выявить исторические параллели и аналогичные ситуации в других регионах, проанализировать действенность различных стратегий урегулирования этнополитических конфликтов в прошлом.

Системный подход использован при рассмотрении совокупности причин и взаимосвязей, определяющих динамику этнополитического конфликта в Судане, его связи с различной степенью насилия, эскалации/деэскалации и разрешения конфликта.

В исследовании широко использовались такие общенаучные методы как индукция, дедукция, анализ, синтез, аналогия, обобщение, классификация, прогнозирование. Особое внимание было уделено эвристическому потенциалу таких прикладных методов как традиционный анализ документов, SWOT-анализ и метод индексов.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) уточнении причин и обстоятельств, препятствующих урегулированию этнополитического конфликта в Республике Судан (С. 66-82);
- 2) комплексной характеристике интересов основных политических сил, являющихся сторонами этнополитического конфликта в Республике Судан, которая позволяет оценить совпадение и, напротив, расхождение их позиций на урегулирование кризиса и постконфликтное устройство страны (С. 125–129);
- 3) обосновании стратегических направлений урегулирования этнополитического конфликта в Судане. По мнению автора, в современных

условиях наиболее востребованными являются следующие стратегии урегулирования: а) достижение консенсуса элит и всего суданского общества, на основе осуществления политики национального примирения, учитывающей этнические, языковые, религиозные и культурные различия народов, населяющих страну; б) федерализация государственного устройства страны; в) всеобъемлющая деполитизация военной организации Судана и создание единых вооруженных сил; г) привлечение «третьей стороны» к урегулированию конфликта как на региональном, так и международном уровнях (С. 102-134);

4) определении роли иностранных государств и международных организаций, способствующих как урегулированию, так и, напротив, в интенсификации этнополитического конфликта в Судане, а также определении путей привлечения «третьей стороны» в интересах социально-политической и экономической стабилизации ситуации в Республике Судан (С. 134-175).

Положения, выносимые на защиту.

Первое, причины этнополитических конфликтов в Судане разделяются на две основные группы: внутренние и внешние, где:

внутренними причинами являются противоречия между центром и регионами, выразившиеся в конкуренции за природные ресурсы, отсутствии консенсуса относительно конфигурации политической системы и государственного устройства, длительная маргинализация широких слоёв общества, слабый контроль над распространением оружия, политизация религиозных отношений, исторически сложившийся и искусственно созданный дисбаланс в социально-экономическом развитии различных этнических групп и регионов, длительное бытовое недоверие на национальной почве в Западном Судане и в восточных регионах страны (С. 63-80):

к внешним причинам относится перманентное вмешательство иностранных государств в политические процессы в Судане. Особенно

соседних государств, поддерживающих сепаратистские и повстанческие движения. (С. 63-80).

Второе, основными факторами, препятствующими политическому урегулированию этнополитическим противоречиям в Республике Судан, являются:

- привыкание как населения, так и власти к перманентному кризисному состоянию политической жизни, поскольку, начиная с восстания Южного Судана в 1955 г. и по сегодняшний день страна находится в состоянии «войны всех против всех»;

- устойчивые сепаратистские устремления западных регионов страны, таких как Дарфур, Голубой Нил и Нубийские горы, а также восточных регионов Судана – Порт-Судан, Кассалу и Гедареф. Данные риски, прежде всего, связаны с неспособностью властей справиться с проблемой экономической, финансовой и административной коррупции, в силу укоренившихся институтов местничества, унаследованных от колониального периода и последующих политических процессов, начиная с обретения независимости в 1956 г.;

- рост, с одной стороны, протестной активности населения, а с другой, наличие социальной апатии к прогрессивным изменениям из-за устоявшихся теневых и насильственных практик государственного управления и политического участия;

- обострение внутривнутриполитических противоречий из-за всё большего неприятия обществом милитаризованного характера власти, а также включенности множества военно-политических группировок в политическую жизнь страны;

- аккумуляция недовольства среди населения Судана из-за нерешённости проблем, связанных с исторической несправедливостью в отношении некоторых территориальных образований, что, по их мнению, обуславливает нынешнюю дискриминацию по религиозному и этническому основанию;

- уход многих международных организаций из Судана, прекращение иностранных инвестиций, включение других государств во внутреннюю политическую борьбу, а также рост присутствия частных военных компаний, преследующих собственные экономические и военно-политические цели.

Третье, перманентный социально-политический кризис в Судане, требует системного подхода к его разрешению. Исходя из этого целесообразно использовать взаимосвязанный комплекс стратегий по урегулированию конфликта настоящего конфликта. При этом важно тщательное изучение зарубежного опыта решения схожих проблем и его адаптирование к специфическим условиям политического процесса Судана. Гибкость и глубокое понимание местного контекста являются значимыми условиями устранения причин этнополитического конфликта.

Основными стратегиями урегулирования этнополитического конфликта в Судане являются:

- институционализация постоянно действующего переговорного процесса, в том числе с помощью международных посредников по достижению консенсуса в обществе на основе проведения политики национального примирения с учётом этнических, религиозных и культурных различий суданского общества (С. 99-105);

- выработка «дорожной карты» по деполитизации военной организации Судана и созданию объединённых вооружённых сил под единым командованием. При этом должны учитываться региональные и этнические особенности руководства и личного состава вооружённых сил (С. 105-109);

- осуществление конституционной реформы, предусматривающей на основе достижения общего консенсуса, формирование и поэтапное внедрение федеративного устройства страны (С. 109-122).

Четвёртое, продолжающийся конфликт в Судане усугубляется деструктивным вмешательством ряда иностранных государств, а также несоответствием международных и региональных инициатив, которые зачастую носят противоречивый характер. В свою очередь, это способствует

десуверенизации политической системы Судана, а также маргинализации общественных движений и политических партий.

В этой связи предлагается властям Судана и реально заинтересованным международным акторам, в том числе при участии Африканского союза следующее:

- через политику национального примирения сформировать общий координационный механизм между политическими силами страны для предотвращения вмешательства, прежде всего, соседних государств во внутренние дела Судана;
- последовательно реализовывать сценарий: национальные лидеры без «своих» армий, перекрытие незаконных финансовых каналов и противодействие вмешательству иностранных деструктивных сил, поддерживающих военизированные группировки;
- возобновить международные усилия по организации взаимодействия между политическими силами Судана в интересах достижения консенсуса относительно принципов отношений с различными внешними сторонами;
- привлечь парамилитарные подразделения других стран для обеспечения правопорядка и защиты собственности иностранных инвесторов, с присутствием которых согласны основные стороны конфликта.

Пятое, значимую роль в урегулировании суданского конфликта способна сыграть Российская Федерация. Укрепление сотрудничества со странами Африканского континента (в том числе, с Суданом) в национальных интересах России. В части снижения конфликтного потенциала Судана и, сообразуясь со своими национальными интересами, Российская Федерация в рамках проведения своей внешней политики на африканском континенте способна:

- 1) содействовать нормативно-правовому, экспертному и организационному обеспечению гражданских реформ (в частности, помощь в разработке и реализации новой конституции, поддержка институтов гражданского общества в направлении поощрения диалога и примирения,

а также помощь в адаптации своего положительного опыта по выстраиванию федеративных отношений к местным условиям);

2) предложить реальные альтернативы западному присутствию в регионе, продемонстрировавшими свою несостоятельность в урегулировании этнополитического конфликта в Судане;

3) создать противовес попыткам других государств организовать поддержку «своих» политических сил в интересах внешнего контроля над ресурсами и политическим курсом страны;

4) оказать посильную гуманитарную помощь, прежде всего, в образовании, науке, культуре и иных сферах. В частности, организовать специализированные образовательные программы для государственных служащих, представителей региональных образований и студенческой молодёжи могут, уделяя особое внимание налаживанию отношений, фасилитации, посредничеству, сбору данных и совместному принятию решений (С. 166-175).

Кроме того, опыт Российской Федерации в разрешении этнополитических противоречий, в частности, в Кавказском регионе вполне может быть применен к некоторым этнополитическим конфликтным ситуациям в Судане. Укрепление верховенства закона, рационализация межбюджетных отношений, защита прав человека, обеспечение личной безопасности и деятельность по улучшению отношений между этническими группами – все это является важными направлениями стабилизации ситуации в Республике Судан, где участие России способно принести положительный результат.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что исследование позволило комплексно выявить и описать причинно-следственные связи современных этнополитических конфликтов в Республике Судан, тенденции их развития и на этой основе разработать стратегии и механизмы регулирования данного конфликта. Результаты диссертационной

работы могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях в области этнополитики и предупреждения этнополитических конфликтов.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при разработке стратегий регулирования этнополитических конфликтов в Республике Судан, а также в других странах, где существуют подобные проблемы. Полученные в работе выводы могут быть использованы государственными и международными организациями, занимающимися решением этнополитических проблем. Кроме того, результаты исследования могут быть полезными в образовательном процессе при изучении проблем этнополитики.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Результаты и основные положения диссертации обладают подтвержденной степенью достоверности, использованные методы научного исследования отвечают цели и задачам исследования. Корректно использованы исходные статистические и справочные данные, специальная научная литература и законодательные базы, которые связаны с решением этнополитических конфликтов в Судане.

Результаты исследования по мере их получения публиковались в журналах, входящих в перечень ВАК, и докладывались на научных конференциях.

Основные теоретические и методологические положения, результаты и выводы исследования обсуждались и получили положительную оценку на следующих мероприятиях: Всероссийская научная конференция с международным участием «Страна, опередившая время: к 100-летию образования СССР» (Москва, Финансовый университет, 15-16 декабря 2022 г.); XIV Международный научный студенческий конгресс «Экономика России: новые тренды развития» (Москва, Финансовый университет, 24 марта 2023 г.); XIV Международная молодежная научная конференция «Новая политическая реальность: возможности и вызовы» (Санкт-Петербург, СбГУ, 18 ноября 2023 г.).

Материалы диссертационного исследования используются в практической деятельности РОО «Центр политической информации». В частности, предложенная модель выбора стратегий урегулирования этнополитического конфликта, среди таковых стратегий, обобщение данных по этнополитическим позициям враждующих группировок и движений на территории Судан. Разработанная сопоставительная таблица может служить методикой для обнаружения и иллюстрации точек соприкосновения и дифференциации между программными целями противостоящих социальных групп. В аналитической деятельности РОО «Центр политической информации» используется разработанный автором комплекс показателей, позволяющий осуществлять анализ этнополитического конфликта.

Предложенная автором методика анализа этнополитической ситуации успешно применяется в деятельности РОО «Центр политической информации» при выявлении причин и движущих сил современных этнополитических конфликтов.

Материалы диссертации используются кафедрой политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета в преподавании учебных дисциплин «Теория и методология политической науки», «Политическая конфликтология и технологии урегулирования политических конфликтов», «Политическая регионалистика и этнополитика».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения исследования отражены в 6 публикациях общим объемом 4.01 п.л. (весь объем авторский), в том числе 5 работ авторским объемом 3.06 п.л. опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации. Определяется целью, задачами и логикой проведенного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, состоящего из 163 наименований, списка иллюстративного материала, одного приложения. Текст диссертации изложен на 217 страницах, содержит 6 таблиц и 6 рисунков.

Глава 1

Теоретико-методологические основы исследования этнополитических конфликтов и механизмов их регулирования

1.1 Этнополитический конфликт как явление и область политического знания

Выявление фундаментальных и сущностных аспектов этнополитических конфликтов, прежде всего, предполагает обращение к соответствующим концепциям, являющимся неотъемлемой частью теоретических основ исследования. Вполне очевидно, одной из базовых категорий является понятие «политический конфликт».

Политический конфликт (от лат. *conflictus* – разногласие или спор, чреватые борьбой) представляет собой столкновение и противоборство различных социально-политических сил и субъектов политики в их стремлении реализовать свои цели и интересы, связанные, прежде всего, с изменением политического статуса, с политическими перспективами развития общества [1]. Иными словами, если социальный конфликт представляет собой противоборство больших социальных групп за различные ресурсы, обеспечивающие жизнедеятельность общества, то политический конфликт может быть выражен как борьба за интересы больших социальных групп, выраженные в форме ценностей, задач, требований и политических лозунгов, связанных с борьбой за власть.

В научной литературе различают три основных типа политических конфликтов [2]:

1) Конфликты интересов; как правило, этот тип конфликтов возникает в стабильных и экономически развитых странах, политической основой здесь является «торг» по поводу раздела экономических благ, например, конфликт по поводу размера налогов, объема социального обеспечения и т.п. Этот тип конфликтов сравнительно легко разрешим, поскольку компромиссы здесь

зачастую затрагивают социальные, культурные, исторические, идеологические и в меньшей степени личные интересы.

2) Конфликт ценностей; такие типы конфликта часто возникают в странах с нестабильной государственной системой и требуют больших усилий по урегулированию, так как достичь консенсуса по таким ценностям, как свобода, равенство и толерантность, трудно достигим по отношению к ценностям традиционного порядка, если вообще достигим.

3) Конфликты идентичности; характерны для обществ, в которых субъект идентифицируется с определенной группой (например, социально-экономической, идеологической, этнической, религиозной или языковой), а не с обществом или государством в целом. Этот тип конфликта возникает в условиях классового, расового, этнического или языкового противостояния.

Отношения между политическим и этнополитическим конфликтом следует рассматривать как соотношение общего и частного. Политические конфликты являются более широкими по содержанию, поскольку они могут возникать между любыми социальными группами, независимо от их этнической принадлежности. Этнополитические конфликты, в свою очередь, особый случай политического конфликта, возникающий между этническими группами, в которых присутствует элемент борьбы за власть и ресурсы.

Необходимо отметить, что не все политические или другие социальные конфликты, прежде всего, в многонациональном обществе обязательно перерастают в этнополитические. Однако, если эти конфликты не разрешаются должным образом, то они могут привести к росту этнической напряженности, создавая условия для возникновения этнополитических конфликтов.

В научной литературе имеются различные концептуальные подходы, исследующие причины и способы урегулирования этнополитических конфликтов. Так, ряд ученых анализирует их исходя из структурных социальных изменений, характерных для межэтнических отношений, другие

осмысливают их посредством анализа факторов, в частности, как неравенство, социальные и экономические условия, исторические процессы. Иными словами, этнополитические конфликты, как правило, определяются широким контекстом обстоятельств, которые приводят к политизации противоречий при взаимодействии этносов. Переход от социального, политического конфликта к этнополитическому конфликту может произойти по различным причинам, среди которых: неравномерное распределение власти и ресурсов между различными этническими группами; дискриминация одной этнической группы со стороны другой; угроза физического существования этнической группы; стремление этнической группы к самоопределению или независимости и другие. Это, в свою очередь, требует разностороннего взгляда на развитие этнополитических противоречий.

Понятие «политизация этничности» требует детального обсуждения методологических основ исследования этнополитических конфликтов. К такому обсуждению можно подойти через призму американско-британской научной школы, где этнополитология ориентирована на латеральный конструктивистский взгляд на этничность.

Следует отметить, что научная дисциплина этнополитология начала формироваться около 1957 года, когда была опубликована статья М. Паренти «Этнополитика и жизнеспособность этнических идентичностей». Это направление достигло своего расцвета в начале 1980-х годов. Соответственно, популяризация таких терминов, как «этническая политика» и «политизированная этничность», может быть отнесена к влиянию книги Дж. Ротшильда «Этнополитика» [3]. По его мнению, этничность является основой суб-элитные политические стратегии, конфликты и движений. Степень политизации этнической идентичности определяется степенью ее мобилизации, превращения из психологической, культурной или социальной ценности в эффективную политическую силу, способную изменять или поддерживать сложившиеся в обществе системы неравенства между этническими группами. Соответственно, Дж. Ротшильд считает

«политизированную этничность» наиболее значимым политическим явлением нашей эпохи. В этой связи для понимания этнополитических процессов необходимо постоянно и систематически анализировать политические цели «субэлиты», а также средства, на которые опирается государство [4]. Также важно выделить среди этой субэлиты «специалистов по этнической принадлежности», представляющих группы интересов, основанные на этнополитике [5].

Это необходимо, поскольку поведение специалистов по этнической принадлежности часто принимает перформативный характер, как точно заметил Бурдые. Согласно Р. Брубейкеру, использование расово окрашенных категорий для действия часто вызывает, провоцирует, оправдывает, мобилизует, подстрекает и вдохновляет расовые группировки. Изучение перехода значений в социальное действие позволяет понять, как объективируются этнические группы, позволяя воспринимать их как конкретные объекты в окружающей среде [6].

В свою очередь, конструктивисты утверждают, что этничность подверглась политизации в интересах узких групп вследствие объективации этнических групп в сфере этнополитики. Согласно Р. Брубейкеру, объективация этнических групп означает социальный процесс, который играет центральную роль в парадигме политической этничности [7].

Критики конструктивистского подхода к этничности обвиняют «специалистов по этничности» в феномене политизации этничности. Эти деятели в области этнополитики являются заинтересованными участниками этого социального процесса и поэтому не могут быть объективными. Р. Брубейкер считает, что если «этнические предприниматели» преуспеют в политике, то фикция единства этнической группы может достичь краткосрочного, но мощного практического проявления в результате подлинной кристаллизации группового чувства. Напротив, А. Божич-Робертсон отмечает, что этнические представители, которые намеренно занимаются этнической мобилизацией, используют инструменты

этнической политизации, такие как СМИ и политический дискурс. По его оценке, этнические предприниматели в переходных обществах обладают наибольшим потенциалом для политизации этничности, поскольку политизированная этничность является важнейшим фактором, определяющим их политическую легитимность [8].

Согласно конструктивистской парадигме, этническая принадлежность сама по себе не является наблюдаемым явлением, а может рассматриваться как социально сконструированная сущность. Эта социальная конструкция воплощена в идентичности индивидов и укоренена в поведении, которое является этнически значимым. Было показано, что деятельность «этнических предпринимателей» наделяет этническую принадлежность политическим измерением, тем самым делая ее наиболее заметным политическим явлением нашей эпохи. В то же время в культурах, которые политически и экономически нестабильны, этнические предприниматели часто используют этническую принадлежность для достижения своих политических целей [9].

Достижение политических целей может быть реализовано с помощью ряда методов. Обзор современной этнологической литературы показывает, что большинство исследователей в основном обсуждают негативные последствия этнической политики. По мнению некоторых из них, страны, переживающие политизированные этнические процессы, демонстрируют низкую макроэкономическую стабильность, медленный рост, плохое управление, высокую коррупцию, ненадежные демократические системы, задержки и/или жестокие конфликты [10]. В то же время другие исследователи фокусируются на наиболее распространенном результате политизированной этничности. Этнополитические конфликты являются наиболее эффективными в укреплении политического значения этничности и укреплении групповой сплоченности и солидарности [11]. Подводя итог, можно сказать, что наиболее пагубным результатом политизированной этничности является этнополитический конфликт. Тем не менее, эти конфликты с этнополитическим характером дискурса имеют потенциал для возникновения

другого последствия, а именно, усиления политической значимости этничности и консолидации групповой сплоченности.

В этом смысле этническая идентичность является мощным источником политической мотивации. Когда люди чувствуют, что их этническая группа находится под угрозой или несправедливостью, они более склонны к политическому участию, в том числе к голосованию, демонстрациям или даже к насилию. Вместе с тем, сопричастность к этнической идентичности может способствовать достижению позитивных политических последствий. В частности, различные этнические группы могут объединяться для достижения общих экономических, социальных или политических целей. Наиболее ярким этого является консолидации многонационального советского народа против немецко-фашистских захватчиков во Второй Мировой войне. В результате взаимодействующие этнические группы становятся более сплоченными и более склонны к отстаиванию общих интересов.

Кроме того, необходимо учитывать исторический контекст взаимодействия народов. Так, в течение длительных исторических периодов многие вынужденные миграции происходили в результате войн, катастроф и в поисках новых источников богатства. Колониализм сыграл в этом деструктивную роль, поскольку он нередко противопоставлял этнические группы ради воплощения интересов колонизаторов. Судан не является исключением, где колониализм повлиял на его демографическую структуру. Миграции, вызванные колониальной политикой, помимо всего прочего, привели к появлению новых многоэтнических образований населения во многих странах региональной периферии.

В настоящее время многие страны характеризуются этнической неоднородностью. Данный факт является объективной основой возникновения этнических противоречий, которые в своём развитии способствуют возникновению напряженности и разногласий между группами. Этнические конфликты зачастую могут иметь серьезные последствия,

включая потерю человеческих жизней, разрушение инфраструктуры, массовую миграцию населения, дестабилизацию политической системы, создание условий для распространения терроризма и экстремизма. Данный вид конфликта зачастую имеет более комплексный, трудноразрешимый характер, чем политические конфликты, поскольку в них затрагиваются глубинные вопросы существования, объединённого «мы», опирающегося на свою идентичность, культуру и историю. По своим разрушительным последствиям этнополитические конфликты могут быть весьма значительными – приводить к геноциду, этническим чисткам и другим формам массового насилия.

Существует различные определения этнополитического конфликта. Рассмотрим некоторые из них, чтобы определиться какой из подходов к определению политического конфликта наиболее целесообразно использовать в настоящей работе.

В самом общем виде под этнополитическим конфликтом понимается конфликт, возникающий между двумя или более сторонами, когда хотя бы одна из сторон организована на этнической основе или действует от имени этнической группы. В других определениях помимо обозначения наличия этничности сторон фокусируется внимание на борьбе за политическое доминирование и общественно значимые блага, подразумевая под этнополитическим конфликтом противостояние между двумя или более этническими группами по поводу власти, ресурсов, территории или идентичности [2]. Третья группа трактовок концентрируется на процессе включения «политического» в имеющийся этнический конфликт, трактуя этнополитический конфликт как «форму этнического конфликта, связанную с политизацией этнической общности» [12].

Заслуживает внимания определение этнополитического конфликта в контексте применения насилия. Определение этнополитического конфликта, данное Э.Н. Ожигановым, определяет его со конфликтом, в котором один из участников, опираясь на этнический статус социальной солидарности,

предполагает возможность применения вооруженной силы или демонстрирует такое желание и готовность для реализации собственных интересов [13]. В интерпретации академика, российского политика Р.Г. Абдулатипова; «этнополитический конфликт – это агрессивное столкновение интересов и противоречий, взглядов на восприятие, интерпретацию и участие в социально-экономических и политических процессах, выраженных в плоскости этнических и национальных отношений, использование этих разногласий и различий для решения каких-либо политических задач» [14].

Имеются и другие трактовки этнополитического конфликта, которые так или иначе выделяют его сущностные черты.

Анализ научной литературы показывает, что основными признаками этнополитического конфликта являются [15]:

- наличие двух или более этнических групп, которые имеют различные интересы и цели;
- наличие противодействия между этими группами по поводу власти, ресурсов, территории или идентичности;
- наличие этнической напряженности или предрассудков у групп;
- способность относительно быстро привести к использованию насилия или угрозы насилия для достижения своих целей;
- неспособность властей разрешить назревание конфликта.

Как отмечает В.А. Тишков, несмотря на то, что этнополитические конфликты имеют ряд общих черт, при разработке стратегий их урегулирования крайне необходимо учитывать специфику каждого конкретного случая этнополитического противостояния. Он справедливо обращает внимание на сложность и многогранность данного явления.

Подытоживая выше представленные точки зрения, автор считает, что этнический конфликт представляет собой взаимодействие, основанное на отсутствии мирного сосуществования как минимум между двумя группами, отличающимися по элементам идентичности (т.е. относящими себя к расе,

этничности, меньшинству и др.), при котором наносится вред со стороны одной или другой группы.

Множественность проявления этнополитических конфликтов, их масштабов, направленности, причин обуславливает разнообразие их классификационных признаков.

Этнополитические конфликты могут возникать в любом обществе, независимо от его уровня развития. Вместе с тем, имеются факторы способные повысить риск их возникновения. Среди них: наличие большого количества этнических групп в обществе, несбалансированное распределение власти и ресурсов между различными этническими группами, негативные стереотипы по отношению к другим этносам из-за прошлых конфликтов, распространённость этнических предрассудков и практик дискриминации в обществе, неразвитость институтов демократии и верховенства права, низкий социокультурный уровень в области толерантного отношения к другим этносам.

К основным детерминантам возникновения этнополитических конфликтов автор относит следующие:

1) Экономические факторы. К таковым относится неравенство в экономическом развитии между различными этническими группами, конкуренция за ресурсы, безработица, бедность. Например, конфликт в Сомали в немалой степени был спровоцирован столкновением интересов в распределении и так весьма скудных ресурсов между различными этническими группами. Бедность и неравенство в распределении ресурсов, в том числе нехватка земли, являлись также одной из детерминант этнополитического напряжения в Колумбии. В свою очередь, конфликт в Дарфуре в Судане был спровоцирован дефицитом воды и пастбищных угодий в этом глубоко аграрном районе.

2) Политические факторы. К ним относятся отсутствие или слабость демократических институтов в процессе формирования властных органов в полиэтническом обществе, политическая дискриминация по этническому

признаку, жёсткая конкуренция за политические статусы между различными политическими силами, представляющие разные этносы, ошибки и преднамеренные действия при территориально-государственном устройстве страны и др.

Именно политические обстоятельства во многих случаях определяют формирование и развитие конфликта. Отсутствие институциональных механизмов учёта и разрешения этнических противоречий интересов разных этносов может привести к конфликту. Например, конфликт в бывшей Югославии был спровоцирован кризисом партийной идеологии, перекосами в государственно-территориальном устройстве страны, отсутствием институциональных механизмов разрешения возможных этнических конфликтов, исторической памятью и т.д.

Политическая практика показывает, что при любом известном типе политического режима могут возникнуть этнополитические конфликты. Хотя демократия априори имеет механизмы учёта интересов различных этнических сообществ, но далеко не всегда предотвращает этнополитические конфликты, поскольку принятие решений зависит от количественной поддержки (которая может достигаться с помощью манипуляций) и активности по продвижению своих убеждений или деятельности тех или иных групп (причём некоторые из них могут достигать власти, не отражая реальные интересы большинства). Авторитарный режим, напротив, посредством жестких мер может блокировать этнополитические конфликты, но всегда способен обеспечивать устойчивый внутренний консенсус отношений без контроля и принуждения. В случае ослабления такого режима вполне могут обостриться, «загнанные в глубь» этнополитические противоречия. Во многом этим обстоятельством объясняется, что этнополитические конфликты свойственны основанным на авторитарных традициях переходным обществам, где этническая конфигурация, территориальные границы сложились в результате войн, массовых миграций, формирования новых государств без учёта этнополитических реалий.

Наиболее наглядными примерами таких конфликтов является распад в 1990-х годах Югославии на несколько независимых государств в результате межэтнических конфликтов. Причем демократизация, начавшаяся в стране в 1980-х годах, напротив ожиданиям, привела к росту национализма и сепаратизма среди различных этнических групп [16]. Другим примером может служить государство Сомали, которое находится в состоянии гражданской войны с момента распада центрального правительства в 1991 г. Демократические выборы, проведенные в 2012 году, не смогли положить конец конфликту, поскольку различные этнические группы не смогли договориться о справедливом распределении власти [17].

С другой стороны, авторитарный режим, казалось бы, способен блокировать этнополитические конфликты, но при этом важно, чтобы противоречия не подавлялись, а разрешались. Ливия при Муаммаре Каддафи была авторитарным государством, в котором подавлялась любая форма оппозиции, включая этнополитическую. Однако, после свержения Каддафи в 2011 году в стране началась длительная гражданская война, в которой участвуют различные этнические и религиозные группы.

Как отмечалось выше, не являются исключением этнополитические конфликты и в развитых демократиях. Примером этого могут служить попытки сепаративного отделения провинции Квебек в Канаде, Каталонии и Басков в Испании, а также нарастающий конфликтный потенциал в Европейском Союзе в связи с массовой миграцией со стран Ближнего и Среднего Востока, а также со стран Африки.

3) Социокультурные и исторические факторы, прежде всего, проявляются в различиях в языке, религии, обычаях, традициях, прошлых конфликтах между различными этническими группами, территориальных претензиях, наследии колониализма, религиозных противоречиях или спорах о территории. Так, исторические корни имеют многие современные этнополитические конфликты. В частности, в Африке, Азии, да и в Европе немало конфликтов обусловлены колониальной политикой прошлого, которая

проводилась по принципу «разделяй и властвуй». Например, конфликт в Северной Ирландии был спровоцирован разделением острова между Великобританией и Ирландией, которое было установлено в результате британской колонизации.

Религиозные противоречия между различными религиозными группами также являются значимой причиной возникновения этнополитических конфликтов. Они подкрепляют напряженность в случае, когда социальное меньшинство исповедует другую, отличную от большинства населения страны религию. Наглядным подтверждением этого является конфликт между мусульманами и индуистами в Индии. При этом в индийских штатах Пенджаб и Кашмир ислам и индуизм сосуществуют на протяжении веков.

Религиозный фактор отражает идентичность различных слоёв населения страны. Понятно, что этнический национализм не обязательно совпадает с религиозным национализмом, так как в этническом национализме может быть несколько религий, и наоборот. Например, религиозный арабский национализм как историческая, культурная и языковая ассоциация не связан только с арабским этносом, поскольку среди арабов есть христиане и мусульмане. Это добавляет сложность в измерение этнических и религиозных противоречий. Как уже упоминалось, национализм может представлять большинство населения, или, напротив, меньшинство населения, и требования последовательны, если они варьируются от удовлетворения человеческих потребностей и интересов, но в большинстве случаев мы обнаруживаем, что модель конфликта часто имеет тенденцию к разделению.

Конфликты из-за территории. Территория проживания этноса является одним из важнейших аспектов идентичности. Например, конфликт между Израилем и Палестиной, народы которых имеют общие корни, во многом связан тем, что исторически евреи и арабы претендуют на одни и те же земли.

Социально-экономические процессы также играют существенную роль в развитии этнополитических противоречий. В частности, конфликты могут быть вызваны миграцией населения, ростом безработицы, нарушением

общественного порядка при выдвижении социальных и экономических требований.

Демографические изменения, такие как рост либо снижение населения, изменение этнической структуры, вполне могут вызвать напряженность между различными этническими группами. Например, одним из факторов конфликта в Руанде являлся рост населения и изменение возрастной структуры, которые привели к обострению противоречий между этническими группами Хуту и Тутси [18].

Фактор этнической принадлежности создаёт достаточно прочное основание идентичности. Практика показывает, что националистическая трактовка идентичности является одним из ведущих источников возникновения конфликта. Например, в случае с Нилотскими племенами в Судане несмотря на то, что они принадлежат одному этносу, в силу различных культурных и религиозных традиций возник этнополитический конфликт.

Вышеперечисленные факторы могут воздействовать на возникновение этнополитических конфликтов как по отдельности, так и в комбинации друг с другом. Важно отметить, что каждый конфликт уникален и имеет свои собственные причины, связанные с национальным государством, системой правления, формой государства и системой контроля над аппаратом государственного управления, гражданством и национальностью, конституционно-правовой структурой или идеологией, ориентированной на основную и субполитическую структуру (правительственные и политические организации, такие как партии и организации гражданского общества) [19].

Все эти характеристики варьируются в зависимости от того, как они используются. Любая из них может выражать идентичность, но некоторые добавляют и иные независимые идентичности, которые являются несущественными, субъективными, моральными содержаниями, проявляющимися в единстве интересов, судьбы, общей истории, морального и материального содержания, представленного в регионе.

Разумеется, наличие данных факторов изначально требует системных усилий по предупреждению этнополитических конфликтов. В частности, таковыми усилиями может быть осуществление политики, направленной на укрепление национального единства и межэтнического сотрудничества, распределение власти и ресурсов на принципах равенства и учёте интересов между различными этническими группами, борьба с дискриминацией и этническими предрассудками, создание условий для развития этнических культур и языков, укрепление институтов демократии и верховенства права.

В соответствии с причинностью возникновения этнополитические конфликты могут быть разделены на:

1) конфликты социально-экономического характера, которые возникают из-за недовольства экономическим статусом этнических групп и стремления достичь как минимум социального равенства в обществе;

2) конфликты властно-управленческого характера, связанные с представительством определённого этноса в высших элитных кругах. Примерами таких конфликтов являются столкновения между черными и белыми сообществами в регионе Дарфур;

3) этно-территориальные конфликты. Они возникают из-за потребности пересмотра существующих этнических границ, стремления присоединиться к культурно близкому государству или национально-административному образованию, или желания создать собственное независимое государство. Примерами таких конфликтов являются противостояние между курдами и турками в Турции, конфликты между палестинцами и израильтянами, сербами и Косово арабами и т.д;

4) этно-демографические конфликты возникают из-за опасений ассимиляции этнических групп, когда требуется защита не только прав коренных народов, но и их социального и культурного статуса, а также введение ограничений в иммиграционной политике. Примеры таких конфликтов включают «конфликты между басками и испанцами, а также конфликт между Тибетом и Китаем» [12].

Исследование этнополитических конфликтов всегда требует обращения теоретическим и методологическим основам, на которых будет выстраиваться познавательная логика конкретного этнополитического конфликта. Опора на ту или иную методологию при анализе этнополитических конфликтов способствует выявлению сущности проблем, выходящих на передний план исследовательского интереса к данной теме (конфликту), а также определению специфических углов зрения для проверки природы и структуры других аспектов взаимодействия, связанных с составляющими этнополитических конфликтов.

Сегодня многие исследователи признают, что использование только одного подхода не дает желаемого результата. Анализ конфликта «в данном случае этнополитического» предполагает использование нескольких методологических подходов. С точки зрения полноты осмысления феномена этнополитических конфликтов, по мнению автора, уместно рассматривать следующие методологические подходы: структурный подход, функциональный подход, поведенческий подход и деконструктивный подход.

Структурализм (Structuralism). Этнополитический конфликт, как и любой другой может быть представлен в виде структуры, поскольку в нем можно выделить взаимосвязанные элементы.

Структуралистская парадигма воспринимает конфликт как естественное явление, возникающее из реального столкновения реальных интересов. Эта теоретическая ориентация обычно концентрируется сначала на интересах, а затем на развитии базовой структуры. Многие выдающиеся ученые и теоретики, включая К. Маркса, М. Вебера, А. Бентли, Р. Дарендорфа, А. Турина и Д. Рикса, пытались определить социальный конфликт как конфликт интересов. Заметной силой структуралистского подхода является его применение не только в изучении конфликта, но и в анализе мирных ситуаций. Значимость подхода очевидна в его способности определять роль конфликта в формировании структур между государствами и между национальностями, а также в возникновении политических систем.

Структура, в широком смысле, означает «ту группу составляющих ее элементов, взаимосвязанных и взаимно существующих таким образом, что она становится целостной и качественно определенной единицей» [20]. Американский социолог и структуралист П.М. Плау, проанализировав различные точки зрения, пришел к выводу, что существует три основных подхода к определению структуры:

Первый подход рассматривает структуру как теорию, которая объясняет социальные явления. Согласно этому подходу, структура является набором законов или принципов, которые управляют социальными отношениями.

Второй подход рассматривает структуру как явление, которое само по себе нуждается в объяснении. Согласно этому подходу, структура не может быть объяснена только с помощью законов или принципов, она также должна быть объяснена с помощью других факторов, таких как история, культура или экономика.

Третий подход, рассматривает структуру как набор существующих или необходимых различий, которые накладывают отпечаток на социальные отношения. Согласно этому подходу, структура не является чем-то статичным, она постоянно меняется и развивается.

П.М. Плау считает, что каждый из трех подходов к определению структуры имеет свои положительные и отрицательные черты. Так, первый подход, рассматривающий структуру как теорию, объясняет социальные явления. Однако он не может объяснить происхождение структуры. Второй, рассматривающий структуру как явление, которое само нуждается в объяснении, может объяснить происхождение структуры, но не может объяснить ее функционирование. Третий подход, характеризует структуру как совокупность существующих или необходимых различий, накладывающих отпечаток на социальные отношения, может объяснить происхождение и функционирование структуры, но не может объяснить ее динамику. Думается, что наиболее продуктивным для анализа этнополитических является подход, сочетающий в себе элементы всех трех подходов. Такая интеграция может

объяснить происхождение, функционирование и динамику структуры конфликта.

Существует и другое видение, при котором структура исследуется посредством моделей социальных отношений, приводящих к различиям. Такая коннотация более динамична, чем традиционные подходы к определению структуры, поскольку позволяет увидеть, как структуры изменяются и развиваются во времени, а дифференциация, противоречие и конфликт являются решающими факторами [21].

Отличительной чертой сторонников структурализма является выделение ими некоторых элементов социальной структуры, таких как индивиды, роли, существующие ситуации, различные и сходные установки, группы, места и другие единицы сложных или комплексных обществ. Анализ социальных компонентов под углом зрения их неравенства друг с другом очень важен для структурного подхода. Основой неравенства является дифференциация в степени обладания теми или иными ресурсами в виде богатства, дохода, власти, образования и так далее, так как структуралисты утверждают, что различные формы неравенства являются различными горизонтами структуры социального целого.

Конфликты позиций и ролей развиваются не только по вертикали (элиты против масс), но и по горизонтали, а значит, тяготеют к конфликтному взаимодействию между различными социальными классами, а поскольку каждый класс или социальная группа имеют определенные позиции, это, в свою очередь, приводит к состоянию дисгармонии. Специалисты отмечают, что несоответствие социальной ситуации и роли несет в себе запас конфликтности. Источник этого типа конфликта кроется в несоответствии условий: физической ситуации (экономической и политической), социокультурной и политической ситуации, а также условий, связанных со спецификациями (национальными, расовыми, этническими, сектантскими), и условий, связанных с достижениями (профессиональными, служебными, политическими) [23].

Таким образом, с позиции структурализма исследование этнополитического конфликта, прежде всего, фокусируется на выделении:

- Интересов сторон. Конфликтующие стороны имеют свои собственные интересы, которые могут быть связаны с ресурсами, властью, территорией или другими ценностями. Важно понять эти интересы, чтобы определить движущие силы конфликта.

- Структуры власти. Конфликты часто возникают в условиях неравенства власти между различными группами. Важно изучить структуры власти, чтобы понять, как они способствуют возникновению конфликта.

- Системы ценностей. Конфликты могут быть обусловлены различными системами ценностей, которые разделяют конфликтующие стороны. Важно понять эти системы ценностей, чтобы определить причины конфликта.

- Исторических факторов. Конфликты часто имеют исторические корни. Важно изучить историю конфликта, чтобы понять его причины.

- Социальных институтов. Конфликты могут быть обусловлены различными социальными институтами, такими как семья, религия, образование и экономика. Важно изучить эти институты, чтобы понять, как они способствуют возникновению конфликта.

Функционализм (Functionalism). Функциональный подход рассматривает конфликт как с объективной, так и с субъективной точек зрения. Данный подход из того, что социальные структуры сами по себе содержат конфликтный потенциал трансформации: «социальные структуры порождают конфликт, поскольку они представляют собой в определенной степени исторически обусловленные лабиринты ситуаций, существующих социальных организаций и блоков, которые имеют общие интересы и ценности, хотя и несут в себе энергию конфликта» [22].

По мнению Р. Мертона для изучения социального взаимодействия (одним из форм, которого является конфликт), следует обратиться к систематической инвентаризации скрытых и выявленных функциональных концепций. Выявленные «раскрытые» функции классифицируются как объективные и

целенаправленные результаты социального действия, и они способствуют групповой адаптации. Что касается скрытых функций, то они классифицируются как объективные, непреднамеренные последствия, которые не были приняты во внимание или не были восприняты.

Использование таких аналитических различий применяется с целью сокрытия сознательных мотивов, присущих социальному поведению или само-установкам, таких как цели и интересы, а также неосознаваемых, объективных функциональных результатов, таких как поведение [24]. Например, конфликт может иметь как выявленные, так и скрытые функции. Так, выявленной функцией войны может быть защита страны от внешней угрозы или расширение ее территории. Скрытой функцией может быть усиление национального единства или развитие новых технологий. Мертон считал, что важно различать выявленные и скрытые функции конфликта, чтобы лучше понять его последствия для общества, а конфликт может быть, как функциональным, так и дисфункциональным для общества, в зависимости от обстоятельств. Кроме того, конфликт может иметь как позитивные, так и негативные последствия для общества. Важно изучать конфликт с обеих точек зрения, с объективной и субъективной, чтобы понять его влияние на общество в целом.

Другое понимание функционального подхода можно найти у С. Липсета, который выделил основной конфликт между ориентациями в двух различных типах рациональности: ценностно-ориентированном типе, базирующийся на сознательной оценке цели, и целерациональном типе, который связан со средствами достижения цели. Эти два типа рациональности определяют различные и противоречивые точки зрения, выступая тем самым источником возникновения социальных конфликтов.

Определённый эвристический потенциал функционального подхода заключается в изучении конфликтов с позиции сравнительного эквивалента (альтернативы). Это подразумевает необходимость анализа целей и средств, расчетов и потерь, рисков и выгод. Использование данного подхода также дает

дополнительный потенциал для поиска других альтернатив разрешения конфликтов, помимо принудительных решений конфликтов, изучения проблем безопасности, динамики успокоения и напряженности и т. д. Таким образом, функциональный подход к конфликту не только включает в себя возможность объяснения социальных и политических изменений, но и позволяет прогнозировать их на основе изучения динамики изменения политических интересов и осознания сторонами ожидаемых выгод и потерь в процессе текущего конфликтного взаимодействия.

Бихевиористский подход (Behaviorist). Данный подход играет важную роль в изучении конфликтов, поскольку одним из важнейших элементов конфликта является его поведение. Согласно данному подходу, конфликтные отношения изучаются через показатели поведения индивидов и групп с использованием экспериментальных методов. Он основан на следующих принципах: классификация и организация данных; определение периодичности и регулярности; проверяемость; количественность; классификация и накопление данных; и избегание любых этических или идеологических оценок при проведении изучения и исследования [24].

Бихевиористы пришли к выводу, что конфликт в своей открытой форме может возникать и без объективных причин. То есть, без наличия противоречивых интересов, такие конфликты называются «Meta conflicts/ мета конфликтами». Это означает, что конфликтное поведение может быть причиной самого конфликта и не обязательно определяется наличием противоречивых интересов. Таким образом, поведенческая динамика конфликта может быть направлена не только на конфликт интересов, но и на ряд аспектов восприятия взаимодействия в процессе эскалации конфликтного поведения.

Поведенческий аспект позволяет проследить классификацию и различие социальных и политических средств управления, и эта часть рассматривается как дополнительный шаг в анализе конфликта, позволяющий осознать, что в зависимости от выявления масштабов ущерба, пропорциональности потерь и

т. д. может быть определен выбор того или иного инструмента, который будет влиять на развитие конфликта, и, таким образом, диапазон вариантов может варьироваться и расширяться от дипломатии до военных действий и угрозы, например, применения тактического ядерного оружия.

Вопрос разрешения конфликтов вписывается в контекст человеческих потребностей, суть которой заключается в следующем: Социальный конфликт является результатом отсутствия (или недостаточного удовлетворения) всего (или части) того набора человеческих потребностей, которые в совокупности составляют объективную человеческую личность как активный элемент социального процесса. Другими словами, разрешение конфликта рассматривается как непосредственное удовлетворение фундаментальных человеческих потребностей [25]. Р. Фишер предлагает психолого-социальную точку зрения в рамках бивеогоризма (к которому отчасти можно отнести теорию человеческих потребностей), поскольку связывает дилемму разрешения конфликтов с теорией человеческих потребностей через центральное понятие социальной идентификации. Очень важен аспект данного подхода, связанный с рациональными и иррациональными доктринами при принятии решений, а также важна идея о различии между политикой, основанной на ценностях, и политикой, основанной на интересах.

Основополагающая работа К. Боулдинга «Общая теория конфликта» предоставила базовую структуру для изучения конфликта. При этом теоретики в этой области делятся на две широкие категории: первая категория фокусируется на объяснении конфликтного поведения с точки зрения интересов, в то время как вторая категория уделяет больше внимания концепциям, связанным с эмоциями, назначениями и подобными явлениями, то есть тем аспектам, которые считаются иррациональными и маргинальными.

В этой модели динамика распределения власти и богатства, возникающая в результате конфликта, рассматривается как результат иррациональных и случайных действий.

Итак, этнополитический конфликт — это сложное и многогранное явление, которое имеет различные причины и последствия. Для его изучения необходимо использовать междисциплинарный подход, который включает в себя знания из области политологии, социологии, истории, психологии и других наук. В настоящем исследовании автор исходит из позиции, что этнополитический конфликт представляет собой столкновение между двумя или более этническими группами, которые имеют различные интересы и цели. Этнополитические конфликты могут иметь различные формы, как насильственного (например, вооруженные столкновения или погромы) так и ненасильственного характера (например, политические протесты, забастовки, демонстрации).

Таким образом, существуют различные подходы, позволяющие многогранно исследовать этнополитические конфликты. Каждый из них вносит свой вклад в раскрытие предмета настоящего исследования.

В частности, структурализм позволяет представить суданское общество как совокупность взаимосвязанных элементов, между которыми могут происходить конфликты. В конечном счете последние меняют саму структуру «в т.ч. ролевые позиции, интересы», определяя особенности и тенденции функционирования структуры в динамике. Функционализм открывает поле для анализа влияния конфликта на жизнь суданского общества и государства — будь то позитивное или негативное, открытое или латентное, осуществленное или потенциальное влияние. Бихевиоризм предоставляет возможность расширить взгляд на современный этнополитический конфликт в Судане путем выявления не только объективных, но и субъективных «иррациональных компонентов» объясняющих причины возникновения и особенности развития конфликта. Кроме того, он позволяет обратить внимание на «болевы точки» суданского общества и государства, которые выражаются в виде латентных и нереализованных потребностей, обуславливающих продолжение конфликта.

Соответственно, автор исходит из того, что каждый из выше обозначенных подходов, целесообразно использовать при поиске научном осмыслении возможностей урегулирования этнополитического конфликта.

1.2 Основные стратегии урегулирования этнополитического конфликта

Сфера отношений между этническими группами априори является конфликтной, особенно в многонациональной стране. Другими словами, чем больше и этнически разнообразнее государство, тем более потенциально конфликтными являются отношения между этническими группами. Распад многонациональных стран, таких как Судан и Руанда в Африке, Советский Союз, Югославия и Чехословакия, свидетельствует в пользу актуальности этнополитических противоречий государственных образований с полинациональным составом [26].

В научной литературе имеется два основных подхода к процессу снижения накала конфликтного взаимодействия, которые выразились в концепциях «управления конфликтом» и «урегулирования конфликта».

Такие ученые, как Кеннет Томас и Ральф Килманн, предлагают вести речь не об урегулировании конфликтов, а об «управлении» ими. Суть этой концепции состоит в том, что управление конфликтом нацелено не на последовательное снижение уровня противоречий путем преимущественного продавливания интересов более сильной стороной, а на его «контроль», трансформацию, взаимное сопряжение интересов, широкое привлечение третьей стороны и последующее разрешение.

Различение управления конфликтами и урегулирования конфликтов

Концепции управления конфликтами и их урегулирования считаются стержневыми в отношении нейтрализации конфликтного взаимодействия. Если понятие «урегулирование конфликта» практически принимает всё научное конфликтологическое сообщество, то относительно того, что

понимается под «управлением конфликтом», идёт определённая дискуссия о границах этой концепции. В целом следует отметить, что управление конфликтами трактуется шире, чем их урегулирование, поскольку в данный процесс включен весь комплекс действий по выявлению, предупреждению, снижению, сдерживанию конфликта, а также деятельности блокированию постконфликтной эскалации. Процесс управления конфликтами, как правило, направлен на достижение урегулирования как финальной стадии.

Продолжительность и интенсивность конфликта зависят от многих факторов, в том числе от способности конфликтующих сторон управлять конфликтом. Правильно выбранные стратегии управления могут усилить положительные эффекты конфликта или, по крайней мере, предотвратить негативные психосоциальные последствия. В связи с этим особое значение приобретает поиск путей совершенствования механизмов, методов и форм управления политическими конфликтами [27].

Существует несколько подходов к определению понятия «управление конфликтами». В рамках первой позиции оно рассматривается как процесс, связанный либо с масштабированием, уменьшением, умиротворением, либо сдерживанием и предотвращением эскалации уже существующих конфликтов или насилия. Есть определения, которые склонны рассматривать управление конфликтом как широкий комплексный процесс, охватывающий все, что связано с конфликтом, включая процесс разрешения конфликта или превентивное предотвращение конфликта в будущем [28].

Приведём конкретные определения «управление конфликтами»:

1) Немецкий институт GTZ указывает, что управление конфликтами – это попытка организовать конфликт, работая над предотвращением или прекращением насилия, и оно стремится принести конструктивные решения, от всех сторон конфликта, которые могут принести пользу [29].

2) По данным Министерства иностранных дел Швеции, управление конфликтами – это процесс, включающий широкий спектр перспективных и важных мер, для решения проблем, будь то военные, гуманитарные,

экономические-социальные и политические, а также для решения институциональной среды на различных стадиях конфликта [30].

3) Оливер Рамсботан отмечает, что термин «управление конфликтом» связан с концепцией организации конфликта и используется как термин, включающий группу или серию позитивных действий по решению конфликта, в том числе сдерживание насильственного конфликта и процесс его урегулирования [31].

4) Никлас Своншторм считает, что управление конфликтами – это процедуры, используемые для решения разногласий и отношения к проблемам без разрешения конфликта, но с целью изменения статуса конфликтного взаимодействия с негативного или деструктивного поведения на позитивное или конструктивное [32].

5) Российский учёный А.В. Манойло считает, что управление конфликтами и их регулирование представляют собой варианты действий по ослаблению ситуаций напряжения или их предотвращению [33].

Автор склонен считать, что подход, что концепция управления конфликтом, должна отличаться от концепции урегулирования конфликта. Концепция управления конфликтом отличается от концепции урегулирования конфликта, которая представляет собой основной положительный результат всех форм вмешательства во взаимодействие конфликтного процесса. Вместе с тем, в исследовательской практике нередко урегулирование конфликта и управление конфликтом рассматриваются как синонимы. Поскольку различие этих концепций не является предметом настоящей работы, этот вопрос представляется не принципиальным.

Соответственно, автор согласен с точкой зрения А.Х.А. Салтыгова о том, что разрешение и урегулирование конфликта являются двумя допустимыми подходами, поскольку оба преследуют схожие цели. Главным критерием разрешения этнополитических конфликтов является реализация базовых институциональных мер, которые должны осуществляться не только в фазе разрешения, но и в периоды обострения, эскалации и открытого конфликта.

Урегулирование можно определить как «процесс разрешения, предупреждения и управления протекающим противостоянием» [34].

Концепция урегулирования конфликта является одной из стержневых концепций в науке изучения конфликтов и мира. Это понятие одновременно сочетает в себе ясность и неоднозначность. Сам по себе термин «урегулирование конфликта» ясен с точки зрения первоначального впечатления, очень общего понимания или позитивной цели, к которой стремятся, т.е. достижения урегулирования и разрешения конфликта.

Концепция урегулирования конфликта относится ко всем стадиям и уровням конфликта, будь то на микроуровне между членами семьи или между семьями, между социальными группами, организациями, сообществами или на макроуровне между многонациональными образованиями, глобальными объединениями или между странами. Следовательно, результат урегулирования конфликта можно определить, как «ситуацию, когда конфликтующие стороны заключают соглашение, которое разрешает их основные несовместимости, признают дальнейшее существование друг друга в качестве сторон и прекращают все насильственные действия друг против друга» [35].

Так или иначе процесс урегулирования может проходить на всех стадиях конфликта: латентной, открытой (радикального преобразования) и дремлющей «спящей». Другие полагают, что урегулирование конфликта происходит путем работы над устранением конфликта, третьи видят его в работе и контроле над его управлением, или поддержании его выживания как политической борьбы [36]. Идеальная цель урегулирования этнополитического конфликта – это полное его разрешение.

С точки зрения Питера Валленстина, урегулирование конфликта – ситуация, в которой происходит добровольный и формальный процесс согласования между конфликтующими сторонами либо для разрешения их фундаментальных разногласий, либо для мирного сосуществования без применения вооруженного насилия [37]. Другими словами, урегулирование

конфликта есть процесс, направленный на устранение причин конфликта, построение позитивных и кооперативных отношений между конфликтующими сторонами.

В целом исследование этнополитического конфликта предполагает следующие аналитические процедуры: выявление причин конфликтов; понимание того, как реагировать и предотвращать конфликты «определение показателей конфликта, а также способов предотвращения конфликтных ситуаций, а точнее прогнозирование конфликтов»; анализ существующих конфликтов «диагностический процесс» и способов постконфликтного взаимодействия.

Соответственно, концепция урегулирования конфликта должна включать в себя как минимум три элемента:

- нацеленность на результат урегулирования конфликта, рассмотрение основных вопросов и проблем, а не явных или декларируемых форм, или тех, которые находятся на поверхности конфликта;
- регулирование может быть определено общей волей сторон конфликта;
- урегулирование достигает достаточной степени удовлетворения сторон, вовлеченных в конфликт, и часто это происходит через реализацию их основных интересов [31].

Каждый конфликт имеет свои особенности и причины, которые отличаются от других конфликтов, а значит, имеет свои методы управления и урегулирования. Поскольку этнополитические конфликты несут в себе одновременно этнические и политические компоненты, игнорирование одного из этих аспектов приводит к игнорированию причин и мотивов этнического или политического конфликта, что в конечном итоге приводит к возникновению нового конфликта [40].

Концепция как результат осмысления действительности выступает теоретической основой для выстраивания общих принципов и направленности действий по достижению определённого результата. Рассмотрев концептуальные основы урегулирования этнополитических конфликтов,

перейдём непосредственно к анализу имеющихся стратегий их урегулирования, воплощающих в себе совокупность процедур и процессов, осуществляемых на политическом уровне государства или в рамках его соответствующих органов с целью устранения или снижения противоречий, приведших к конфликту.

В самом общем виде стратегия урегулирования конфликтов – это основанная на определённых установочных принципах руководящая деятельность по разрешению противоречий между этническими группами, предполагающая соответствующий комплекс методов и способов снижения напряжённости.

Процесс урегулирования включает начальный этап анализа конфликта с целью обеспечения всестороннего понимания истории и причин самого конфликта. Исследователи различают две отдельные категории конфликта – «рациональный» и «деструктивный».

В «рациональной» конфликтной ситуации наблюдается, что вовлеченные стороны обычно склонны признавать обоснованность требований, выдвигаемых спорящими сторонами, и стремятся разрешить свои собственные споры. Однако следует отметить, что «рациональные» конфликты составляют меньшую долю этнополитических конфликтов. Яркими примерами успешного решения являются мирное отделение Норвегии от Королевства Швеции в 1905 году и раздел Чехословакии на Чешскую Республику и Словакию в 1993 году.

Однако современные этнополитические конфликты зачастую характеризуются деструктивными последствиями, поскольку конфликтующие стороны, вольно или невольно, игнорируют объективные и рациональные факторы, заложенные в притязаниях противоположной стороны, что приводит к эскалации и обострению противостояния, внедрению новых участников в динамику конфликта. Этот процесс в конечном итоге заканчивается провоцированием насилия [27].

Урегулирование включает в себя не только прекращение или замораживание горячей фазы конфликта, но и предотвращение его деструктивных последствий. История показала, что этнические конфликты редко разрешаются или окончательно улаживаются. Поэтому правильнее вести речь не об окончательном разрешении конфликтов, а о снижении уровня конфликтности на основе определенных критериев и институтов, которые определяются до начала каких-либо расчетных процедур.

Критерии урегулирования этнополитических конфликтов можно измерить с помощью различных показателей, которые помогают выяснить степень достижения конкретных задач. Наиболее важными из них являются:

- Во-первых, результаты политических решений, которые проявляются в одобрении этнической группой мер, принимаемых государственными органами для решения основных противоречий и проблем, которые, в свою очередь, могут обострить существующий этнополитический конфликт.

- Во-вторых, измерение эффективности экономических реформ, путем анализа потенциала экономической активности внутри конкретной этнической группы в конкретном регионе государства.

В данном случае эффективность переговорного процесса, в свою очередь, относится к соглашению, которое может быть достигнуто на основе компромисса или консенсуса.

- Конечный результат применения силы относится к следующим критериям: сокращение числа жертв противостояния, прекращение военных действий, ликвидация агрессивных военных формирований [40].

Обращаясь к имеющейся практике урегулирования этнополитических конфликтов, необходимо отметить, что наиболее распространёнными являются стратегии ликвидации этнического разнообразия, ассимиляции или интеграции, а также инженерная стратегия. Некоторые из этих стратегий имеют маккевиалистский характер. Основанием для классификации названных стратегий является характер целевой направленности организации

урегулирования этнополитических конфликтов [40]. Итак, кратко охарактеризуем данные стратегии.

1) *Стратегия ликвидации этнического разнообразия.* Данная стратегия рассматривает наличие дифференциации между группами населения по признаку этнической идентичности в качестве главной либо единственной причины возникновения этнополитического конфликта, что обуславливает ее нацеленность на уничтожение такой дифференциации «в корне». Стратегия зачастую реализуется путем применения насильственных методов, например, геноцида и депортации как массового насильственного перемещения населения, за что подвергается широкомасштабной критике.

К стратегии ликвидации этнического разнообразия относятся:

- Политика «жёсткой» ассимиляции иммигрантов, направленная на разрешение противоречий посредством государственной политики вплоть до смены этнической идентичности. Здесь используется убеждение этнических меньшинств в бесполезности сохранения собственной культурной идентичности, в прагматической целесообразности отказа от нее и перехода в доминирующую группу идентичности. Преимущество здесь в том, что активисты меньшинств отвлекаются от создания этнополитических движений, поскольку ассоциируют себя непосредственно с государствообразующей нацией. Ассимилированные индивиды лучше контролируются благодаря их лояльному отношению к государству.

- Принудительное территориальное деление с целью смешивания этносов, приводящее ситуацию к такому состоянию, когда один этнос, лишенный сколько-нибудь культурной автономии, а также самоназвания, постепенно идентифицирует себя с другим. Однако, такое территориальное объединение, напротив, может привести к конфликтам.

- Политика этнических чисток – крайняя форма ликвидации этнического разнообразия. Данная политика направлена на насильственное изгнание с определённой территории лиц определённой этнической принадлежности. Этнические чистки способны принимать самые различные формы, включая

массовое переселение этнических групп и принуждение к эмиграции, депортацию, геноцид. В общем плане этнические чистки означают любой вид вытеснения «нежелательных» групп населения с данной территории по причинам, связанным с религиозной или национальной дискриминацией, по политическим, стратегическим или идеологическим соображениям либо по комбинации вышеуказанных причин.

Недостатком указанной стратегии является то, что она является разрешением конфликта с нулевой суммой. В социально-психологическом аспекте следование данной стратегии формирует среди потомков жертв негативную историческую память, охватывающую несколько поколений. Кроме того, стратегия постепенно теряет свою актуальность в современных политических реалиях, поскольку в ходе глобализации государства становятся все более этнически разнообразными и плюралистичными. На этом фоне деятельность даже одного государства по «очистке» своего населения от «нежелательных» этносов может вызвать недовольство либо непонимание со стороны международного сообщества, что, в свою очередь, ведет к восприятию государства в качестве девиантного, а иногда и к принудительному вторжению в его деятельность третьих сторон, разжиганию еще более масштабного международного конфликта.

С другой стороны, стратегия ликвидации этнического разнообразия имеет преимущество, если используется в качестве краткосрочного инструмента: она если и не прекращает этнополитический конфликт, то на некоторое время может снимать противоречие, вызвавшее конфликт. Однако новый конфликт на основе не разрешённых противоречий имеет высокие шансы возобновиться. В Судане эта стратегия применялась и не привела к полному урегулированию этнополитического конфликта, может свидетельствовать так называемая война на сухопутных крейсерах в Дарфуре, которая началась в феврале 2003 г. и включала в себя правительственную кампанию этнической чистки против неарабов Дарфура. Этническая чистка не устранила противоречие полностью – конфликт продолжается до сих пор.

Таким образом, если целью субъекта управления конфликтом является достижение долгосрочного эффекта, предполагающего урегулирование, а не «замораживание» конфликта, указанную стратегию не представляется целесообразным рассматривать в качестве приоритетной. Главная опасность данной стратегии состоит в том, что она может привести к радикальным формам конфликтного взаимодействия, вплоть до этнических чисток и геноцида.

2) *Стратегия «интеграции» или «ассимиляции».* В её основе лежит стремление интегрировать существующие этнические группы в единое политическое образование на основе общей «гражданской или национальной» идентичности, более широкой, чем понятие этнической идентичности. В отличие от предыдущей описанной стратегии, интеграция применяется государствами современности более широко, поскольку позволяет сфокусировать внимание на методах, не предполагающих применение физического насилия и нарушение базовых прав человека.

К таким методам относится, во-первых, достижение равенства представителей различных этнических групп в политических правах, возможностях развития и в уровне экономического благосостояния. Оно может осуществляться, как минимум, в двух вариантах: либеральном «предусматривающем развитие равных прав индивидов, принадлежащих к различным этническим группам» и мультикультурном «направленном на осуществление государственной политики, уделяющей большое внимание коллективным правам и интересам этнических групп». Во-вторых, к методам стратегии относится управление содержанием политической и этнической идентичности через средства массовой коммуникации, бизнес, образование, науку, культуру, религию, право, армию, государственную символику и др. В данном случае речь идет о трансформировании общественно-политического дискурса и политической культуры подавляющей части населения с целью создания ощущения общности и сопричастности в рамках одной задаваемой идентичности.

Классическим примером ассимиляторской модели являются США, где долгое время декларировалась идея «плавильного котла» как метода формирования американской нации. Но «ренессанс» этничности в мире, в том числе этнорасовые проблемы в самих Соединенных Штатах, заставили пересмотреть прежнюю модель и приблизить ее к мультикультурному идеалу этнополитики. Ассимиляторская «интеграционная» стратегия долгое время господствовала не только в иммигрантских странах, но и во многих странах Европы.

В качестве преимуществ стратегии следует выделить потенциальное снижение конфликтности общества без использования физического насилия «в частности, вооружения»; расширение возможностей социальной мобилизации; повышение легитимности власти; повышение эффективности социальной коммуникации внутри государства.

Однако негативными сторонами стратегии ассимиляции являются: посягательство государства, которое ее применяет, на сложившиеся социокультурные и политические идентичности, что может приводить к недовольству и новым конфликтам; сложность приобщения представителей некоторых народов и культур к общему «стандарту»; сложность непрерывного контроля над социальными институтами, формирующими задаваемую политическую идентичность; длительный характер процесса достижения эффектов от реализации стратегии.

3) *Стратегия этнополитической инженерии.* Как правило, она направлена на сохранение этнического разнообразия, но при ведущей роли «базового» этноса. К принудительным методам такой стратегии относится метод контроля, а к методам консенсуса – методы стандартизации и арбитража. Эта стратегия исходит из доминирования этнического большинства, которое отражается также на присутствии того или иного этноса в государственных институтах. В результате этнические меньшинства не всегда имеют возможность мобилизоваться и организоваться, что в конечном итоге приводит к политизации этнических различий.

Однако важно отметить, что данный подход не направлен на предотвращение консолидации, главной целью которого является обеспечение права, свободы и возможности для всех лиц, принадлежащих к этническим группам. Стратегия реализуется в целях создания политических и социальных институтов, позволяющих реализовать эти права, и при отсутствии какой-либо формы принудительной ассимиляции. Основная идея, лежащая в основе этой стратегии, заключается в том, что государственная власть должна осуществляться коллективно всеми этническими группами, составляющими общество, и каждая из этих групп должна быть представлена в правительстве в соответствии с пропорциональным правилом.

К данной стратегии относится, в частности, политика мультикультурализма.

К важнейшим принципам мультикультурализма, как отмечает Г. Терборн, относятся следующие:

- признание культурного плюрализма как нормы современного демократического общества;
- гарантии индивидам и группам сохранения культурной идентичности
- и особенностей;
- недопущение дискриминации по культурным различиям;
- государственное и общественное противодействие ксенофобии [41].

Интеркультурализм включает в себя три взаимосвязанных аспекта: межкультурный диалог, гибкость идентичности и чувство единства. Он предлагается в качестве замены мультикультурализму на том основании, что последний, как его постулируют Г. Гудхарта, К. Джоппке и Э. Сену, рассматривается как основа для установления плюралистического монокультурализма, который связан с довольно неопределенной идентичностью, в то время как последний предлагается как идеология для создания межгрупповой гармонии в обществе, характеризующейся сверхразнообразием, основанным на двойной идентичности [41].

Инженерная стратегия в виде формирования «титульной нации» используется, в частности, Японией, Грецией и Израилем государством. Данные примеры иллюстрируют целесообразность реализации стратегии в относительно небольших унитарных государствах с условием сохранения баланса прав граждан различных национальностей. Иными словами, государствообразующая идентичность задается, в первую очередь, декларативными нормами, при этом посягательство государства на возможности этнических меньшинств «в экономической, правовой и иных сферах» минимально либо отсутствует.

Сильными сторонами инженерной этнополитической стратегии являются: возможность репрезентации исторической специфики развития отдельного государства и сохранения культуры «титульной нации» что в ряде случаев позволяет снизить уровень конфликтности вокруг данного вопроса. Стремление не ущемлять при этом права национальных меньшинств.

В качестве недостатков стратегии выступают: возможное обострение недовольства представителей относительно малочисленных национальностей в силу фиксации государством одной или нескольких «титульных наций»; необходимость широкомасштабной и зачастую устраивающей не всё население страны работы по коррекции исторической памяти; сложность применения стратегии к случаям возникновения этнополитических конфликтов в крупных многонациональных государствах.

Процесс урегулирования этнополитических конфликтов включает в себя множество различных процессов: политико-правовых, переговорных, информационных и других. По основанию направленность технологий урегулирования этнополитических конфликтов можно выделить четыре стратегии урегулирования конфликтов [41].

1) Стратегия полного подавления одного из субъектов этнополитического конфликта, то есть развертывание репрессивных действий против другого этноса. Целью таких действий является жесткое пресечение сепаратистских тенденций и содействие централизации власти в интересах базового этноса.

Однако эти действия часто имеют преходящий эффект, и такой подход игнорирует интересы оппонентов.

Современным примером применения этой стратегии является Югославия. В 1990-е годы в этой стране произошел распад, сопровождавшийся вооруженными конфликтами между различными этносами. Сербия, являвшаяся доминирующим этносом в Югославии, стремилась сохранить единство страны и противостоять сепаратистским тенденциям в других республиках. Для этого она использовала репрессивные меры, включая бомбардировки гражданских объектов, внесудебные казни и пытки. Эти действия привели к гибели тысяч людей и вытеснению миллионов других из своих домов. Однако они не смогли остановить распад Югославии, а лишь способствовали обострению конфликта.

Подавление этнополитических конфликтов может быть эффективным способом разрешения конфликта, когда противоречия достигли антагонистического (непримиримого) характера в краткосрочной перспективе. Однако в долгосрочной перспективе этот подход часто приводит к эскалации конфликта и росту насилия. Кроме того, подавление этнополитических конфликтов может привести к нарушениям прав человека и гуманитарному кризису.

Очевидно, что помимо подавления необходимо искать более долгосрочные решения, которые будут основаны на диалоге, компромиссе и уважении прав человека. Эти решения должны быть направлены на устранение основных причин конфликта, таких как неравенство, дискриминация и отсутствие доступа к ресурсам. Только таким образом можно достичь устойчивого мира и стабильности [42].

2) Стратегия изменения статуса административно-территориальных единицы, в которых сосредоточено этническое меньшинство. В частности, создание автономии или введение особых органов управления на территории, занимающихся делами национальных меньшинств. Важно учитывать, что статус административно-территориальной единицы может задаваться

множеством различных факторов, однако среди них особую роль занимает именно этнокультурный. Указанная стратегия направлена на то, чтобы снизить напряженность, связанную с центробежными тенденциями в национальном вопросе. Этнические сообщества имеют право на территориальное самоуправление и самостоятельное определение направлений в социокультурной и образовательной сферах. Данная стратегия в определённой мере соответствует принципу права наций на самоопределение, который закрепляется в главе 1 статье 1 пункте 2 Устава ООН и подтверждается в главе 9 статье 55, главе 11 статье 73, и главе 12 статье 75 документа [43].

Несомненно, положительным аспектом этой стратегии является удовлетворение интересов этнических групп, которые ранее находились в центре конфликта. Однако, с обратной стороны, нет никаких гарантий того, что этническое меньшинство не попытается получить независимость, если его социально-экономические и другие условия жизни ухудшатся [44]. Необходимо понимать, что изменение статуса административно-территориальной единицы может как снизить, так и повысить этническую напряжённость.

Отмена автономного статуса территориальной единицы, где проживает этническое меньшинство, являющейся титульной национальностью, как правило, только способствует росту конфликтности. Например, в Республике Южная Осетия, Республике Абхазия, Республике Косово, где власть попыталась пресечь сепаратистские тенденции путем отмены автономии, напротив, данная мера только усилила центробежные тенденции.

3) Стратегия компромисса основана на включении представителей этносов на пропорциональной основе в распределение государственных полномочий. Такое включение создаёт институциональную основу учёта интересов этноса в жизни общества, что способствует предотвращению возможных межэтнических столкновений.

Процесс распределения осуществляется в три этапа. Во-первых, в рамках представительной, исполнительной и судебной ветвей власти (например, в случае Ливана и Бельгии). Во-вторых, в системе отношений «центр-регионы». В-третьих, на принципах равного и пропорционального представительства в государственных и муниципальных органах.

Право государств на самоопределение, суверенитет и полную независимость от других субъектов международного права реализуется, если:

- территория народа или этнической группы оккупирована или стала объектом интервенции;
- этническая группа должна иметь собственную государственность в течение определенного периода своего существования;
- народ или этническая группа также должны проживать на компактной территории.

Достоинства такого подхода тройственны: во-первых, он рассматривается как полностью отвечающий требованиям, интересам и предпочтениям этнических групп, элит и движений; во-вторых, как потенциал для разрешения этнополитических конфликтов; и, в-третьих, как потенциал для предотвращения эскалации межгосударственной войны из-за вопросов делимитации границ. Примеры применения стратегии равного распределения государственных полномочий между основными этническими группами для разрешения этнополитических конфликтов можно найти в Ливане, Бельгии, Индии, Боснии и Герцеговине. Однако она не всегда эффективна в разрешении этнополитических конфликтов. В некоторых случаях этнические меньшинства продолжают бороться за независимость, даже после получения равной доли полномочий в органах власти [45].

4) Стратегия «вовлечение третьей стороны». В научной литературе данная стратегия рассматривается как один из наиболее эффективных методов и способов разрешения этнополитических конфликтов. Третьи стороны могут обеспечить нейтральную перспективу, облегчить коммуникацию между спорящими сторонами, а также предоставить техническую помощь и ресурсы,

которые могут поддержать и помочь в разрешении конфликта без предвзятого отношения к одной стороне по отношению к другой.

Существуют различные типы вовлечения третьей стороны в разрешение этнополитических конфликтов, и их применение зависит от характера конфликта и уровня насилия в нем, и, конечно, от накала самого конфликта, находится ли он на начальной стадии (латентный конфликт), на стадии начала насилия или на стадии зрелости.

Применение данной стратегии может быть проиллюстрировано примерами миротворческой операции России в Южной Осетии (1992 г.) и миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (2010 г. – наст. вр.). «Третьи стороны» неоднократно вмешивались и в процесс разрешения этнополитического конфликта в Судане. Эти попытки будут проанализированы далее в настоящем исследовании.

Недостатками стратегии выступают: возможный подлом суверенитета стран – непосредственных участников этнополитического конфликта; риск разжигания конфликта и его распространения на новые территории; необходимость обоснования вмешательства в дела страны на международном уровне.

Однако стоит учитывать, что вовлечение внешних акторов, будь то государства, международные либо региональные организации, может дать определённую поддержку и ресурсы. Кроме того, такие акторы способны оказывать международное давление и санкции, применяемые к основным непосредственным сторонам. В результате они могут ограничить их возможности по разжиганию насилия и заставить одну или обе стороны достичь уровня консенсуса или провести переговоры по удовлетворительному для всех сторон решению. Эти подходы будут подробно рассмотрены в диссертационной работе в контексте суданского примера.

5) Стратегия «консенсусной демократии». Суть данной стратегии заключается в том, что противоречия и разногласия, угрожающие национальному единству, требуют от сторон поиска модели, которая

учитывает эти различия и достигает своего рода стабильности и взаимосовместимости внутри секторов.

В книге «Консенсусная демократия в плюралистическом обществе» А. Лейпхарт определил четыре основных столпа, на которых базируется консенсусная демократия: широкая коалиция, правило взаимного вето или «консенсусного большинства», пропорциональность как основной критерий политического представительства и секторальная независимость.

- Широкая коалиция или коалиционное правительство – это взаимодействие в виде коалиционного правительства, группы политических лидеров, альянса президента и других высокопоставленных чиновников в президентской системе [46].

- Взаимное вето относится к праву возражения, и это консенсусный механизм, который дополняет механизм широкой коалиции, поскольку последний не может обеспечить абсолютную защиту, так как коалиция принимает решения, которые должны быть одобрены большинством голосов. Вместе с тем, концепция взаимного вето вызывает много вопросов и провоцирует дискуссии. Критики консенсусной демократии утверждают, что она может ограничить возможность осуществления воли большинства, а также открывает путь для установления диктатуры меньшинства, которое, пользуясь необходимостью учёта мнения меньшинства, чинит препятствия для продвижения интересов бизнеса и проектов государства. Например, такие процессы периодически происходят в Ливане и Швейцарии.

- Пропорциональность или соразмерность, которые выступают как средство распределения назначений на государственную службу и как средство пропорционального вовлечения всех групп (большинства и меньшинства) в механизмы и позиции принятия решений [47].

- Секторальная автономия (этнические группы и федерализм). Этот принцип относится к предоставлению меньшинствам возможности самостоятельно управлять собой в вопросах, которые не затрагивают другие

группы в регионе, а также обеспечению их участия в принятии решений, затрагивающих общественные интересы [48].

Стратегия консенсусной демократии предполагает выполнение следующих условий:

- способность элиты воспринимать разнообразные интересы и требования подгрупп, которые они представляют;
- способность преодолевать разногласия и сотрудничать с лидерами конкурирующих подгрупп;
- приверженность элит и групп сохранению сплоченности и стабильности существующей системы;
- предполагается, что эти элиты осознают опасность политического раскола. Эти пункты касаются только реализма и открытости политических элит, и их также можно отнести к категории убеждений политической элиты [50].

Опора на принципы консенсусной демократии могут быть полезны для урегулирования этнополитических конфликтов. Это связано с тем, что она позволяет всем заинтересованным сторонам высказать свое мнение и прийти к решению, которое учитывает интересы всех сторон. Это может помочь уменьшить напряженность и создать основу для мира и сотрудничества.

Вместе с тем, стратегия консенсусной демократии не является идеальным решением этнополитических проблем, но это мощный инструмент, который может быть использован для разрешения этнополитических конфликтов. Эта модель в определённой мере позволяет избежать конфликтов и сепаратистских движений, поскольку в ней представлены многочисленные социокультурные структуры политической системы. Поэтому она рассматривается как решение проблемы сектантского плюрализма во всех его языковых, религиозных, этнических и сектантских проявлениях. Данная модель была применена в скандинавских странах, Ливане, Малайзии, Канаде, Индии, Ираке, ЮАР.

6) Стратегия национального примирения, обозначена как курс действий, направленный на достижение «национального единства». Политическое применение стратегии может быть выражено в формировании широкой коалиции с включением оппозиционной партии. Для достижения этого предполагается, что правящая коалиция должна включать представителей всех значимых этнических общин, при этом каждая община должна сохранить право вето на решения, которые могут затронуть ее индивидуальные интересы. Однако для функционирования этих структурных и институциональных механизмов должны быть соблюдены следующие условия: баланс сил между группами, небольшой размер политики, патриотизм или общая религия и «традиции сотрудничества». В свою очередь, на духовно-культурном уровне стратегия может разворачиваться через политику исторической памяти, в том числе, посредством создания (уничтожения) объектов культурного наследия, изменения образовательных программ, публичных заявлений политических деятелей, введения праздников национального примирения (единства) и проведения других мероприятий, которые направлены на демонстрацию достижения мира сторонами прежнего этнополитического конфликта.

К примерам стран, где осуществлялись попытки реализовать стратегию национального примирения, можно отнести Германию после Второй мировой войны, Испанию при Франсиско Франко, Таджикистан после гражданской войны 1992 – 1997 гг. Афганистан после Апрельской революции.

Исследователь С.А. Буторов справедливо отмечает, что «процесс национального примирения имеет естественный темп, который нельзя форсировать в директивном порядке «Достижение общенационального согласия всецело зависит от взаимного влияния экономических, правовых, духовных, социальных процессов и условий». Однако ключевую роль в этом процессе играет деятельность органов государственной власти, в том числе на региональном уровне [114]. Иными словами, реализация стратегии национального примирения, как и некоторые упомянутые ранее стратегии,

имеет протяженный характер. Тем не менее, в рамках урегулирования этнополитического конфликта она способна привести к долговременному, устойчивому эффекту, что можно рассматривать в качестве ее преимущества.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что выбор стратегии урегулирования этнополитического конфликта зависит от конкретных обстоятельств конфликта. Не существует универсального подхода, который бы подходил для всех конфликтов. Однако использование различных подходов и технологий в сочетании друг с другом может повысить шансы на успешное разрешение конфликта. Следует отметить, что урегулирование этнополитических конфликтов – это сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода, включающего использование различных парадигм и технологий. Только в этом случае можно достичь долгосрочного и устойчивого мира.

Выводы по первой главе

Этнополитические конфликты представляют собой сложное явление политической динамики, связанное с многочисленными факторами, в нашем случае с (этническими, религиозными, языковыми и культурно-историческими) факторами, которые могут порождать национальности с требованиями справедливого распределения богатства или разделения власти и политических решений, или равенства и социальной справедливости в одних случаях, а в других случаях, когда эти национальности являются меньшинством или большинством.

Исследование этнополитических конфликтов требует разнообразных теоретических и методологических подходов. Методологическое разнообразие имеет решающее значение для улавливания сложности и изменчивости этих конфликтов в различных регионах, культурах и исторических контекстах. Такое комплексное понимание крайне важно для разработки эффективной политики и мероприятий, направленных на

обеспечение стабильности, мира и примирения в обществах, сталкивающихся с этнополитической напряженностью.

Технологии урегулирования этнополитических конфликтов могут существенно различаться в зависимости от контекста и специфики конфликта. По сути, пример Судана подчеркивает важность адаптации парадигм и стратегии к особенностям этнополитического конфликта. Гибкость, инклюзивность и глубокое понимание местного контекста являются ключевыми факторами для разработки эффективных стратегий, направленных на устранение коренных причин конфликтов и способствующих прочному примирению и миру. Этого можно достичь путём использования различных стратегий управления этнополитическим конфликтом (среди них: переговоры, вовлечение третьей стороны, национальное примирение, изменение статуса административно-территориальной единицы, федерализм и разделение властей, принятие системы консенсусной демократии и т.д.). Соответственно, в данном контексте используется трансгрессивный подход, основанный на предложенном экспертами и ученым советом плане, а также на ряде реформ в большинстве государственных органов в соответствии с процессом управления конфликтами.

Глава 2

Причины и основные этапы развития этнополитического конфликта в Республике Судан

2.1 Генезис и динамика развития этнополитического конфликта в Республике Судан

Анализ генезиса и динамики этнополитического конфликта в Республике Судан предполагает изначально рассмотрение структуры суданского общества – суданской этнографии, идентичности и этнического разнообразия.

Уникальное географическое положение Судана и его значительные запасы ресурсов привлекли интерес колонизаторов, которые стремились завоевать эту территорию, которая занимает площадь 1 886 068 квадратных километров и является третьей по величине страной на африканском континенте после отделения юга в 2011 году. Страна граничит с семью арабскими и африканскими странами. Ее северные и северо-западные границы разделяют ее с Египтом и Ливией. А восточные и юго-восточные границы граничат с Эритреей и Эфиопией. На юге граничит с государством Южный Судан, а в юго-западном с Чадом и Центральноафриканской Республикой. Страна имеет уникальное положение на Красном море с северо-восточного направления, с береговой линией длиной около 853 километров [52].

Историческое развитие Судана всегда было связано с последовательными миграциями на его территории, пограничными проблемами, оставшимися после колониализма, и значительными последующими изменениями в его демографической структуре. Поскольку Судан стал одной из самых культурно и этнически разнообразных стран в регионе, его называли «Миниатюрной Африкой» из-за его этнического и культурного разнообразия [53]. Они определяют степень силы и слабости государства, следовательно, и степень его устойчивости [54].

Численность этнических групп и их племенных образований в Судане в общей сложности составляет около 570 племен, разделенных на 57 этнических

групп по этнографическому, культурному и языковому признаку, говорящих на 114 письменных и устных языках.

Исторические периоды, колониальная эпоха, а также миграции в Судан на протяжении нескольких веков привели к формированию нынешней этнической и культурной смеси, которую составляют следующие основные группы населения:

Бедуины, которые состоят из двух групп. Первая группа - владельцы верблюдов, проживающие в северных полупустынных районах, где количество осадков минимально, а земледелие в некоторых долинах почти не ведется. Среди этих племен (Аль-Хандава, Аль-Башариен, Аль-Амар, Аль-Бунни Амер, Аль-Шукрия и Аль-Рашайда на востоке страны), (Аль-Кабабиш, Аль-Куахла, Аль-Хававир, Аль-Шанабила, Дох и Бани Джаррар в регионе Кордофан) и (Аль-Кабабиш, Аль-Зиядия, Загава, Берти и Аль-Мидиооб в Дарфуре) [55].

Народность Нуба, проживающая вдоль берегов Нила между Асуаном, южным Египтом и северным Суданом, до 18-й широты на юге. Ливийцы (берберы) и турки смешались с ними, арабы поселились в Нубии после ислама принятия, куда прибыли турки после завоевания Султаном Селимом I Судана в 1530 г. У этих племен один язык (древний нубийский язык). В этой народности выделяются ещё жители Нуба гор, проживающие Нубийских горах. Площадь территории составляет около 30 000 квадратных миль «примерно, как площадь Шотландии» [56].

Народность Беджа делится на несколько племенных групп, таких как (Аль-Хандава, Аль-Бунни Амер, Аль-Башариан, Аль-Амар и Аль-Хальнака), и живут на холмах Красного моря от района Атбай на крайнем северо-востоке до Кассалы на юге, рассеянные на восточных границах Эфиопии и Эритреи, что привело к явлению общих племен между этими тремя странами. Следует подчеркнуть, что они говорят на родных диалектах, наиболее известным из которых является «Аль-Такраит», который является семитским языком, испытавшим влияние арабского в результате исторических миграций с

Аравийского полуострова, особенно из Эритреи, Йемена и Египта до и после ислама [57].

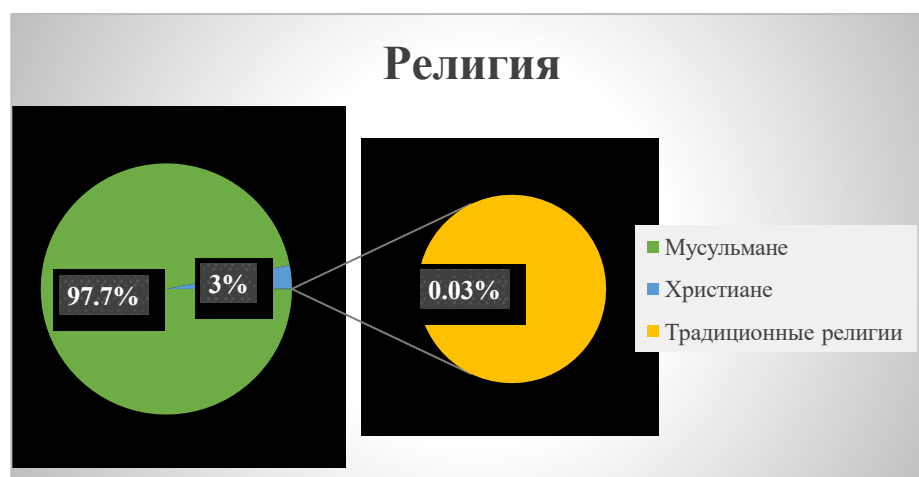
Примечание – Подавляющее большинство из них прослеживают свое происхождение в разных частях Аравии и южного Йемена в частности, и их миграции были в веках и эпохах, далеких от истории, и некоторые историки считают, что древнейшие группы из них мигрировали при разрушении плотины Мариб, после падения государства Сава от рук государства Ослов, а последние группы, которые мигрировали в Эритрею из Аравии и слились с носителями тиграитов, являются цивилизация.

Народность Фур. В эту группу входят племена Дажо и Тунджур, предки современных племен Дарфура, таких как загава и медоб, и они составляют неарабский компонент в западном Судане, где они живут от крайнего северо-запада (центр Кутума) до Арабского моря на юге. Некоторые источники упоминают, что происхождение этих племен от берберов, пришедших из Северной Африки и смешавшихся с негритянскими элементами, мигрировали из Центральной Африки с больших расстояний в Тимбукту [58].

Арабские племена. Они появились в Судане ещё в древности – в шестом веке нашей эры. Среди этих племен выделяется племя Ризейгат, которое принадлежит к арабским племенам мигрантов Джухайна. Как и другие жители Аравийского полуострова, они вошли в Египет через Суэц, а затем продолжили путь по территории, которая в настоящее время именуется Судан. Сегодня большинство из них проживает в районе «Абчи», и они известны как «Авлад Рашид/ Альрашайда» [56].

Большинство этих этнических и племенных групп с разнообразными обычаями и традициями страдают от маргинализации и отсутствия возможностей для получения образования, работы и медицинских услуг, а значит, и приобщения к богатству и власти, что привело к распространению невежества и усилило племенное соперничество между ними, несмотря на единство религии и убеждений большинства из них. Как уже упоминалось выше, ислам в Судане в целом составляет более 90% населения, распределенного между этими этническими группами.

Согласно последней статистике Центральной статистической организации в 2016 г. (то есть после отделения юга в 2011 году), Судан отличается разнообразием религий: подавляющее большинство составляют мусульмане на 96,7%, остальные религии варьируются от 3% христиан в северном Судане, Хартуме и горах Нуба, и около 0,03% традиционных религий в горах Нуба и южных регионах Голубого Нила [59]. Визуализация религиозного состава населения Судана представлена на рисунке 1.

Источник: составлено автором по материалам [54].

Рисунок 1 - Основные религиозные конфессии Судана

Экономическая ситуация в Судане. Отчеты Группы Всемирного банка показывают, что коэффициент пересчета бедности составляет \$ 2,15 в день г. по ППС (15,3% населения), а индекс человеческого капитала (НСИ) находится на уровне 0,4 в 2020 г. Где общая численность населения составляет 45 657 202 человека с ежегодным приростом населения около 7,1, а чистая миграция – 15 223 человека в 2021 г.

В дополнение к этому, что ВВП составляет около 34,33 млрд, а ВВП на душу населения – около 751,8 долларов в 2021 году. Другие статистические данные показывают, что безработица, общая (19,0% от общей рабочей силы) (смоделированная оценка МОТ), и инфляция потребительских цен 382,8%, и личные денежные переводы, полученные (3,3% от ВВП) в том же году [60]. Визуализация экономического состояния Судана в период 2019 – 2021 гг. представлена в таблице 1.

Таблица 1 - Экономическое состояние Судана с 2019 года по 2021 год

Показатель	2021 г.	2020 г.	2019 г.
Валовой Внутренний Продукт (далее-ВВП)	34,33	35,14	36,02
ВВП на душу населения, в долларах	712,12	577,80	709,80
Ежегодный рост ВВП, в процентах	-1,9	1,4	2,3
Бедность, в процентах	15,3	14,9	14,5
Безработица, в процентах	19,0	18,4	17,8
Инфляция, в процентах	382,8	372,8	362,8
Личные денежные переводы, в процентах	3,3 от ВВП	3,4 от ВВП	3,5 от ВВП

Источник: составлено автором.

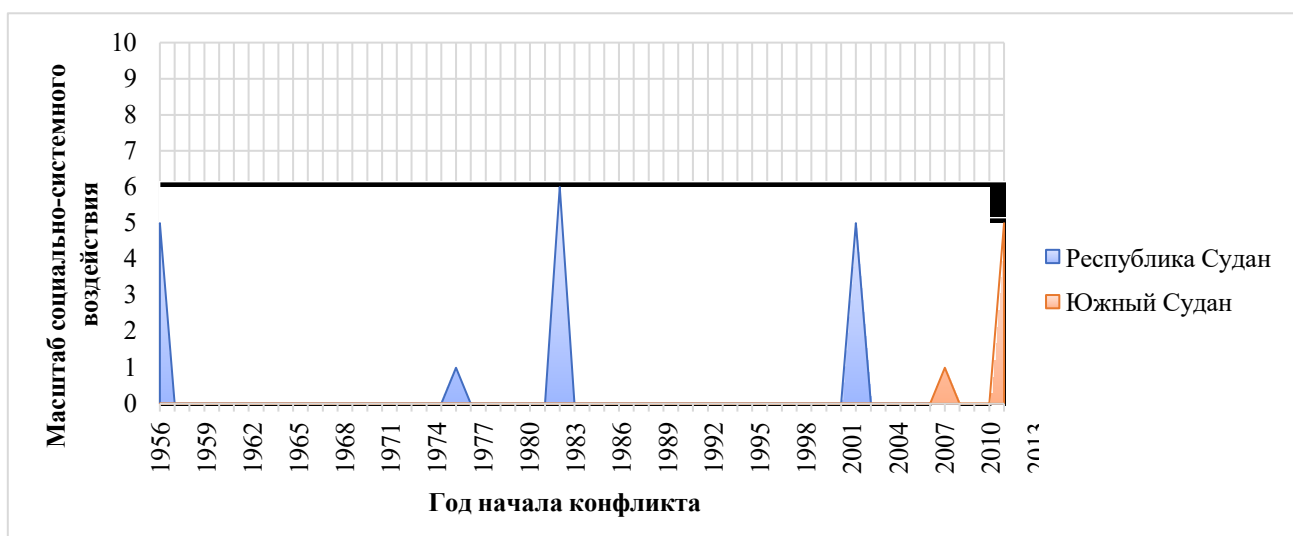
Как видно из представленной таблицы, экономическая ситуация в стране, наряду с другими обстоятельствами, привели к увеличению интенсивности конфликта. Данный процесс будет последовательно рассмотрен в настоящем параграфе.

Из вышеизложенного очевидно, что историческая эволюция Судана и последовательные миграции на его территорию сформировали достаточно пёструю этническую конфигурацию населения, его этнических, языковых и религиозных составляющих. Такое перемешивание народов, культур без формирования устойчивой государственной власти, колониальная политика по принципу «разделяй и властвуй», способствует увековечению конфликтности между этническими группами, что явилось одним из ведущих факторов современных этнополитических конфликтов в современном Судане.

Конфликтогенность изучаемого региона можно представить путем обращения к ряду многолетних количественных исследований.

База данных «Основные эпизоды политического насилия», составленная исследовательским Центром по изучению устойчивого мира, содержит структурированную информацию по конфликтам, зафиксированным в период с 1946 г. по 2011 г. Примечателен приводимый в базе показатель «Масштаб социально-системного воздействия» (Mag), который оценивается от 1 до

10 ед. Его значение отражает множество факторов, включая возможности государств, интенсивность взаимодействия (средства и цели), площадь и масштабы гибели людей и разрушений, перемещение населения и продолжительность эпизода. Применительно к Судану в исследовательский период данный параметр варьировался от 1 до 6 ед. в соответствии с рисунком 2.

Источник: составлено автором [39].

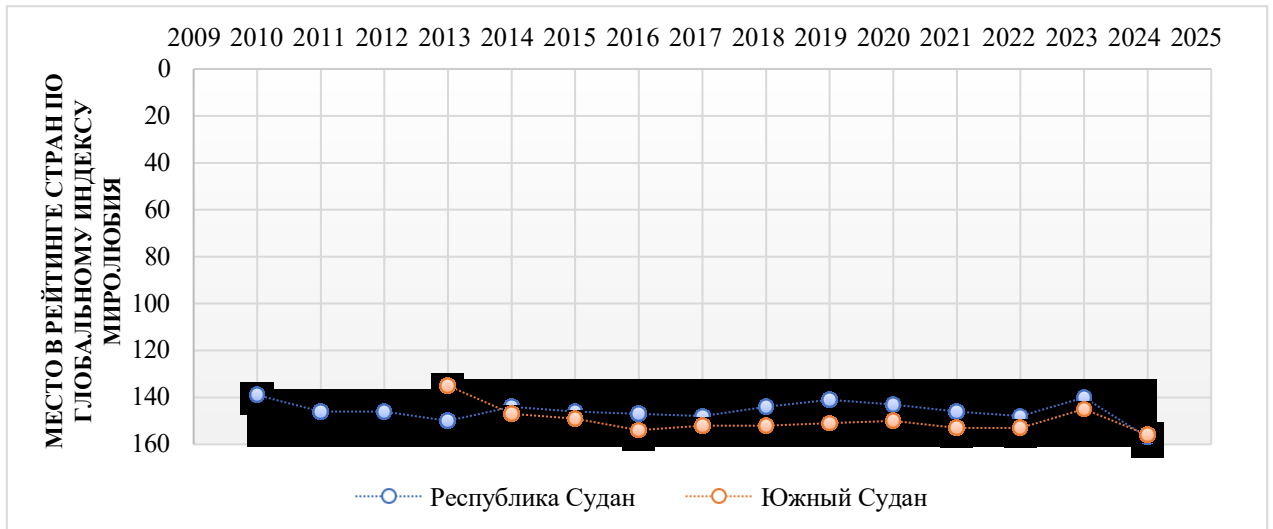
Рисунок 2 – Масштаб социально-системного воздействия конфликтов, зафиксированных в Судане в период с 1946 г. по 2011 г.

Медианное значение данного параметра в исследовательский период составило 5 ед. Представлено бимодальное распределение со значениями 1 и 5. В целом, это позволяет описать Судан как регион со средним масштабом социально-системного воздействия конфликтов. Количество представленных эпизодов насилия имеет тренд к интенсификации, однако необходимо принимать во внимание формирование Республики Судан и Южного Судана в качестве отдельных государств и перенос конфликтов на их обособленные территории соответственно.

Оценить конфликтогенность изучаемого региона также позволяет анализ значений «Глобального индекса миролюбия». Индекс основан на предположении о том, что экономическая и политическая стабильность неминуемо находит отражение в настроениях граждан. Он описывает, в частности, милитаристские позиции государств, их взаимоотношение с

непосредственными соседями и степень соблюдения прав человека. Чем ниже значение данного индекса, тем более мирной считается страна.

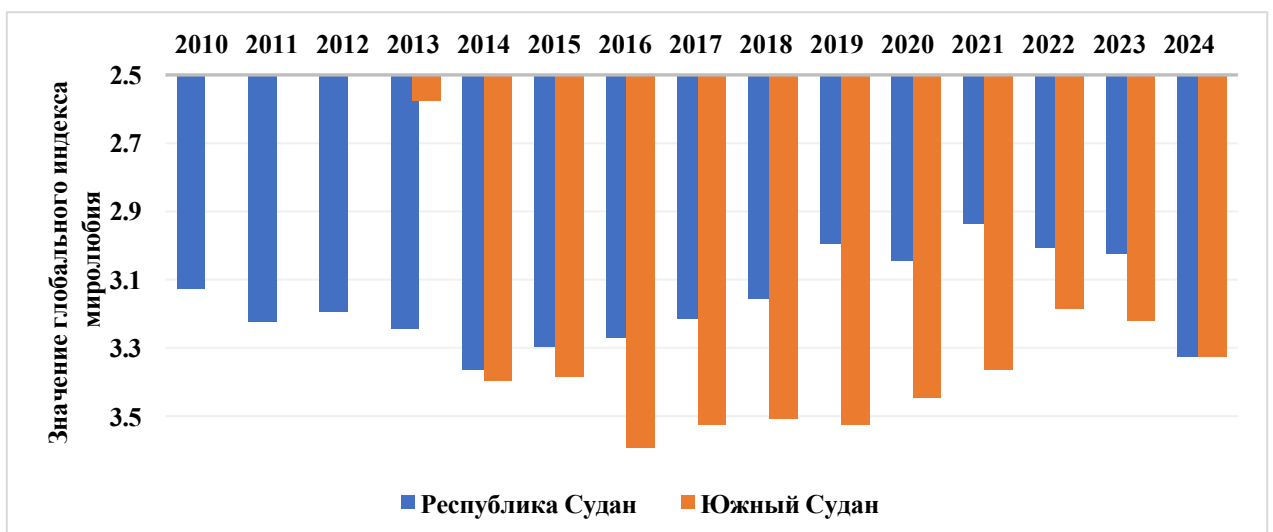
Как показано на рисунке 3, Республика Судан и Южный Судан на протяжении многих лет находятся в топе стран с наибольшим значением Глобального индекса миролюбия, или, иными словами, к наиболее конфликтогенным странам мира.

Источник: составлено автором [40].

Рисунок 3 – Место Республики Судан и Южного Судана в рейтинге стран по значению Глобального индекса миролюбия в период с 2010 г. по 2024 г.

Значение данного индекса по годам в Республике Судан и Южном Судане представлено на рисунке 4.

Источник: составлено [40].

Рисунок 4 – Значения Глобального индекса миролюбия Республики Судан и Южного Судана в период с 2010 г. по 2024 г.

Для иллюстрации разброса значений индекса по странам приведем пример: в 2024 г. значение индекса в Исландии (1 место) составило 1,112 ед., а в Йемене (158, самое последнее место) значение составило 3,397. В Республике Судан за все годы минимальное значение составило 2,936, максимальное составило 3,362; в Южном Судане минимальное значение составило 2,576, максимальное составило 3,593.

Динамика значений индекса в Республике Судан и Южном Судане показала общий тренд: с 2016 г. – на понижение (стремление к миру), с 2022 г. – на повышение (отход от стремления к миру). Последний указанный тренд характеризует нарастание конфликтности в регионе и свидетельствует об актуализации необходимости поиска оптимальных способов урегулирования.

В настоящее время в Судане существует три основных конфликтных зоны: последствия конфликта с Южным Суданом, Дарфур и Восточный Судан. В каждой из этих зон конфликты имеют свои специфические черты, но также имеют ряд общих причин и общую динамику.

1) Конфликт в Южном Судане

Конфликт в Южном Судане является первопричиной многих политических и экономических кризисов в стране. Он возник в результате социальной напряженности, раскола политических сил и хаоса во внутренней и внешней политике с момента обретения страной независимости. Конфликт, в ходе которого было свергнуто несколько режимов, включая военные и демократические, имел серьезные последствия для региона и международного сообщества, затронув арабский и африканский миры, особенно Северный Судан до и после отделения в 2011 г.

Было предпринято множество попыток разрешить эти конфликты, и методы разрешения сменявших друг друга суданских правительств варьировались между военными решениями, представленными применением силы для интеграции Южного Судана с Северным, и политическим решением, признающим различия между сторонами конфликта и предоставляющим Югу

автономию. Соглашение 2005 г. в Найваша было одной из наиболее заметных попыток, направленных на прекращение войны, на создание основ для разделения власти и богатства, а также предоставление народу юга права после шесть лет голосования о судьбе юга отделиться или объединиться с Севером, закончилось выбором народа юга в пользу отделения, но на этом не остановилось, так как повлекло за собой последствия для обеих сторон.

Примечание – Всеобъемлющее мирное соглашение или соглашение Найваша — это соглашение, которое остановило самую долгую гражданскую войну в Африке и было подписано правительством Судана во главе с партией Национальный конгресс, возглавляемой президентом Судана Омаром аль-Баширом, и другой стороной - Народно-освободительным движением Судана во главе с Джон Гаранг.

Основными причинами конфликта в Южном Судане являются:

- дискриминационная политика британского колониализма;
- влияние США на внутренний конфликт;
- политические противоречия среди правящей элиты;
- этнические различия;
- конфессиональные различия.

Корни этнополитического конфликта в Южном Судане лежат в тяжелом наследии британского колониализма после обретения независимости в 1955 г. Юг страны населяют преимущественно христиане и анимисты, а север – мусульмане. В южных районах преобладают сельскохозяйственные племена, а в северных – скотоводческие.

Британский колониализм лишь усугубил эти различия. Колониальные власти проводили политику дискриминации южных районов, оставляя их на обочине экономического и политического развития. Это привело к росту недовольства среди населения юга и к стремлению к независимости. В 1955 г. в Южном Судане вспыхнуло восстание, которое было подавлено британскими войсками. Однако оно положило начало длительному конфликту между югом и севером.

В XXI веке регион был включён в сферу внешнеполитических интересов США. Американские власти сыграли ключевую роль в дипломатической и

экономической поддержке обретения страной независимости. Американские власти активно поддерживали образование государства Южный Судан с лояльной элитой. В 2005 г. было подписано соглашение о разделе Южного Судана и предоставлении ему автономии. В 2011 году Южный Судан получил независимость. Однако конфликт между югом и севером не был исчерпан. В 2013 г. в стране началась новая гражданская война, которая продолжалась до 2020 г.

Интерес Китая к региону был связан с богатыми запасами нефти, необходимыми стране для активного развития. Экономические проекты Китая в южной части Судана вызывали неприятие у США, которые стремились ограничить развитие Китая. Начавшийся после обретения страной независимости конфликт в Южном Судане принёс существенные убытки Китаю [61].

Суданский парламент обсуждал вопрос о независимости Судана в декабре 1955 г., и в то время южане настаивали на том, что они не будут голосовать за решение о независимости, если им не будет обещано федеральное правление в рамках решения о независимости. Северяне это отвергли, и в качестве компромисса было принято решение учесть требование южан о федеральном правлении при разработке Конституции. В августе 1955 г. на юге вспыхнуло повстанческое движение, которое было подавлено. Однако это не разрешило противоречие между Севером и Югом. Поэтому, когда начался процесс разработки конституции, в законодательной власти снова возник кризис. В результате члены южного комитета подали в отставку до того, чтобы комитет опубликовал свой официальный отчет. Это оказало влияние на уровень общественного мнения южан, включая расширение региональных партийных учреждений на юге, так как была сформирована Южная федеральная партия. В течение десятилетий страна жила в статусе – разделённой, а де-юре объединённой в соответствии с временной конституцией.

Южная федеральная партия получила большинство голосов в южных избирательных округах на выборах 1958 г. Ситуация осложнилась в связи с тем, что представители юга продолжали отвергать временную конституцию, утвержденную в 1956 г., которая стала конституцией независимого Судана. Затем последовал выход южных представителей из Учредительного собрания (парламента) в 1958 г. (и отъезд некоторых из них в Судан в страны Восточной Африки и другие соседние страны), а другие группы собрались вокруг них и сформировали политические фронты, сделав лозунг отделения программой, что негативно сказалось на первом парламентском опыте Судана [60].

Несмотря на прекращение гражданской войны в Судане на некоторое время после подписания Аддис-Абебского соглашения, проблема не была полностью решена, поскольку ситуация на юге страны способствовала ослаблению власти, ухудшению обстановки, распространению недовольства среди жителей. Восстание произошло в результате того, что группы, возглавляющие региональные власти, не имели четкого политического, экономического и социального подхода к решению внутренних южных проблем и не играли никакой другой роли, кроме поддержания спокойствия, послушания южан центральной власти и укрепления личной лояльности к ней. Произошли провал Аддис-Абебского соглашения, возобновление гражданской войны и появление региона Абьей как одной из спорных территорий между правительствами и лидерами Юга [62].

Регион Абьей стал местом наибольшей конфронтации между Суданом и Южным Суданом. Его значение определяется большими запасами нефти, а также нефтепроводом на его территории. Власти стран не смогли достичь консенсуса о принадлежности Абьея. Основные столкновения между армиями Судана и Южного Судана регулярно происходят в регионе Абьей. Нефть стала ключевым фактором усиления разногласий между двумя странами [63].

Ограничение Суданом транзита южносуданской нефти привело к конфликту среди элиты в Джубе. Военная элита Южного Судана была недовольна экономическими проблемами в стране, чья экономика зависит от

экспорта нефти. В скором времени был организован план отстранения президента Южного Судана С. Киира от власти [64].

Тем самым современный конфликт в Южном Судане связан с расколом в правящей элите, пришедшей к власти в результате провозглашения независимости страны. Основные разногласия у президента Сальваторе Киир Маярдита и вице-президента Риек Мачара были связаны с принятием решений по поводу управления страной. В результате разногласий и попытки организации государственного переворота Р. Мачаром был уволен со своего поста. В скором времени конфликт среди элиты приобрёл этнический характер. Племена динка и нуэр являются основными этническими группами в Южном Судане. С. Киир по своему этническому происхождению – динка, Р. Мачар – нуэр. Лояльность военизированных формирований зависела от племенного происхождения командира. С. Киир и Р. Мачар мобилизовали выходцев из своих племенных групп для противостояния.

С момента создания Южного Судана в 2011 г. после гражданской войны, в которой два миллиона человек погибли и четыре миллиона человек были вынуждены покинуть свои дома, этот конфликт стал одним из наиболее масштабных и продолжительных на Африканском континенте. Его последствия до сих пор сказываются на ситуации в Судане.

2) Конфликты в западных регионах

Конфликт в Дарфуре является застарелым. Данный этнополитический конфликт происходит, прежде всего, из-за территории и ресурсов, поскольку возник в ответ на потребность населения Дарфура в источниках воды и пастбищ. Вероятность племенного конфликта, способного привести к войне, возрастает из-за нехватки этих ресурсов и дефицита воды. Конфликты, которые могут возникнуть между оседлыми земледельческими племенами, которые в основном являются африканцами, и кочевыми скотоводческими племенами, которые в основном являются арабами, придали конфликту новое измерение. Из-за своей изолированности от остальной части страны и нехватки ресурсов Дарфур был маргинализирован сменявшимися друг друга

правительствами со времен колониальной эпохи и продолжает оставаться таковым по сей день. Эта маргинализация сохранялась на протяжении всего периода с 1916 по 1956 год, в течение которого регион характеризовался политической и экономической отсталостью и отсутствием основных компонентов развития.

С тех пор традиционная система гражданской администрации влияла и продолжает влиять на динамику конфликта. После обретения Суданом независимости большинство северных арабов-мусульман, или так называемые «северные арабы-мусульмане», получило контроль над политической и экономической системой «доминирующая арабо-мусульманская группа Нила» [61]. Данная система управления способствовала формированию недовольства среди местного населения Дарфура.

С 1916 г. по 1956 г. Дарфур был составной частью англо-египетского Судана с использованием традиционной системы туземной администрации (мэры, шейхи и племенные вожди). Он называется (доминирующая арабская Нильской-мусульманская группа).

Следует отметить, что конфликтный потенциал в Дарфуре был заложен политикой суданского правительства в 1950-1960-е годы. Дарфур являлся экономически слабым регионом, не интегрированным в экономические связи с остальной частью страны. Также население региона не имело возможностей войти в систему управления как страной, так и своим регионом. Стихийные бедствия способствовали накоплению недовольства среди местного населения против суданского правительства. Данные протестные настроения оказались выражены в создании местными племенами неофициальных группировок [67].

С 1956 г. по 1980 г., то есть с момента обретения независимости до введения региональной системы управления, в регионе происходили конфликты, и эти конфликты были между местными племенными группами.

В период с 1983 по 1993 гг. характер конфликтов изменился на небольшие войны между племенными этническими группами и чадскими группами, а также внутри центрального правительства. В период с 1983 по 1993 гг.

характер конфликтов изменился на небольшие войны между племенными этническими группами и чадскими группами и конфликт перерос в национальный масштаб [71].

В качестве основных факторов эскалации конфликта в Дарфуре можно выделить:

- игнорирование правительством Судана региональных проблем, что привело к маргинализации региона;
- неконтролируемые потоки миграции в Дарфур из регионов, в которых ведутся боевые действия;
- недостаток пахотных земель в Дарфуре для местных племен;
- ограничение возможности населению Дарфура принимать участие в системе управления;
- проведение центральными властями Судана дихотомии: мы (арабы) – они (африканцы);
- поддержка суданскими властями арабских сил во внутреннем конфликте в Дарфуре;
- поддержка внешних сил (властей Ливии и Чада) неофициальных группировок Дарфура;
- неудача мирного переговорного процесса неофициальных группировок Дарфура с центральными властями Судана [66].

Другой причиной конфликта является опыт предыдущих правительств, особенно после переворота 30 июня 1989 г. (правительство Исламского фронта во главе с бывшим президентом Омаром Ахмедом аль-Баширом) — это этап, на котором произошло реальное взаимодействие идеологии политического ислама с этнической поляризацией. В результате процесса этнизации конфликт нарастал ускоренными темпами.

Правительство играло непосредственную роль в развитии идеологических и этнических противоречий между конфликтующими сторонами – «арабские компоненты и другие». Это привело к формированию Освободительной армии Дарфура племенами фур, к которым позже

присоединились племена Загава. В результате название движения было изменено на Движение освободительной армии Судана.

В настоящее время основными причинами эскалации конфликта в Дарфуре являются:

1) Последствия этнополитического конфликта на юге страны, который в конечном итоге привел к ее отделению, а также нестабильность в географически прилегающих регионах. Это привело к свободному потоку оружия всех типов в регион. Народный фронт освобождения Судана, возглавляемый в то время Джоном Гарангом, попытался перенести конфликт с Хартумом в западный регион, но потерпел неудачу. С другой стороны, интеллектуальное и организационное влияние главной повстанческой фракции на юге страны проявилось в Дарфурском движении освобождения Судана.

2) Племенные конфликты, которые приобрели субэтнический характер, так как возникло множество групп давления, каждая из которых стремилась достичь своих целей и задач за счет социальной сплоченности Дарфура. В дополнение к скрытым ролям сторон, что привело к племенным распрям между племенами фур и арабскими группами, все эти взаимодействия способствовали конгломерации племен на этнической основе, в частности: (блок фур - блок Загава – Арабский блок – и другие Дарфурские племенные блоки). Демократическая политическая система, которая сформировалась в результате падения военного режима «режима Джафара Нумейри», в то время характеризовалась слабостью государственных институтов и племенной и этнической лояльностью, что, в свою очередь, привело к обострению конфликтов в регионе.

3) Конфликт из-за сельскохозяйственных земель, пастбищ и источников воды, поскольку Дарфур был опустошен конфликтом из-за пастбищных угодий и нехватки воды. Водный кризис в Северном Кордофанае и других западных штатах усугубился прибытием перемещенных лиц, спасающихся от насилия в Дарфуре, Западном и Южном Кордофанае. Кроме того, засуха и

опустынивание вынудили многих людей из северной части штата переехать [68].

4) Распространение вооруженных грабежей, осуществляемых неподконтрольными правительству Судана группировками, породило отсутствие безопасности и социальной стабильности в стране. В имеющихся лагерях беженцев в результате их переполненности, нехватки продовольствия и воды, а также сокращения возможностей трудоустройства начали широко распространяться грабежи, воровство и убийства. Наряду с этим в стране интенсифицировались бесконтрольные поставки вооружений, в том числе из соседних государств (Ливии, Чада и Центральной Африки) из-за поддержки вооруженных группировок в регионе и попадания этого оружия в руки граждан. Кроме того, следует учитывать фактор вооруженного противостояния и вооруженного бандитизма в Дарфуре, имевших место после захвата Хусейном Хабри власти в Чаде. С этого времени большое количество оружия со стороны Чада просочилось в руки местных граждан, будь то путем продажи, залога или другими способами.

5) Борьба за власть и ресурсы между основными политическими силами. Постоянно сменяющие друг друга правительства, ведущие к политизации этнического конфликта, роспуску местных администраций, а затем их восстановлению после ослабления путем назначения политически лояльных режиму племенных лидеров.

Конфликтный потенциал в Дарфуре определяется рядом социальных факторов:

- Усиление засухи и опустынивания, приведших к снижению плодородия почв, потере источников воды и средств к существованию для населения, что подталкивало людей к совершению преступлений с целью выживания.
- Увеличение числа молодых людей, которые не имеют возможности получить образование или работу. В результате росло разочарование и озлобление, способствующие преступности.

- Широкое распространение оружия в руках населения, облегчающее совершение преступлений.

- Отсутствие сотрудничества жителей пострадавших районов со службами безопасности и полицией, что затрудняло борьбу с преступностью [61].

Данные факторы способствовали росту протестных настроений в регионе. Социальный протест среди населения стал основой для образования местных группировок, выступающих против центральной власти.

Вышеупомянутые обстоятельства привели к появлению повстанческих движений и вооруженных группировок. Ключевыми силами африканских племён стали группировки «Суданское освободительное движение» и «Движение за справедливость и равенство». В 2001 году лидеры крупнейших африканских племён региона – фур, загава и масалит – договорились о создании «Движения за освобождение суданского Дарфура» (далее - ДОСД). В 2003 году произошло изменение названия ДОСД, на «Суданское освободительное движение» Армия освобождения Судана стала военным крылом движения. Впоследствии к повстанцам присоединилось «Движение за справедливость и равенство» (далее - ДСР).

«Суданское освободительное движение» провозгласило следующие цели своей деятельности: прекращение насилия и дискриминации в Дарфуре; справедливое распределение ресурсов и власти в Дарфуре. Кроме того, они выступали за реформы в правительстве Судана для обеспечения прав и равенства всех граждан, независимо от их этнической принадлежности или религии.

Вместе с тем ОДС столкнулось с внутренними расколами из-за разногласий по стратегии движения и личных амбиций отдельных лидеров. Разногласия, которые привели к формированию движений под руководством Минни Аркоу Минави и Абдула Вахида Мухаммада Нура, произошли из-за различных взглядов на то, могут ли переговоры с правительством Судана достичь целей движения [69]. Раскол в руководстве движения повстанцев

привёл к усугублению кризиса в Дарфуре. Конфликт среди лидеров повстанцев сформировал препятствие для разрешения регионального кризиса.

Движение за справедливость и равенство было создано членами племени Загава в свете раскола в Освободительном движении Судана в 2001 г. и начало свою военную деятельность в феврале 2003 г. Идеологическая ориентация Движения описывается как исламская, но на практике она ближе к либеральной, особенно после смерти основателя Движения. Последнее также подтвердило свое стремление создать демократическую федеральную систему управления страной, которая бы отвечала особенностям народа Судана и предотвращала монополию отдельных лиц, групп или регионов на власть или богатство над другими, а также принять принцип мирной передачи власти [61].

Были мобилизованы арабские силы ополчения. Их участие в конфликте в Дарфуре было связано с борьбой за возможность иметь представителей в органах власти. Ключевой силой арабов стало ополчение «Джанджавит». В ходе развития конфликта власти Судана поддержали арабские силы для борьбы с повстанцами из африканских племён. Джанджависты активно практиковали запрещённые методы ведения войны, что привело к усугублению конфликта.

Поддержка арабских сил центральной властью Судана способствовала их усилению. Африканские племена Дарфура имели менее сильную поддержку со стороны внешних сил [70]. Наиболее значительной внешней помощью была поддержка сил африканских племён Дарфура на начальном этапе открытой стадии военного конфликта со стороны группировок южной части Судана. Активная помощь южных военизированных группировок Судана была направлена на ослабление позиций центральной армии [100].

Подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить, что конфликт в Дарфуре является сложным и многофакторным, он имеет глубокие исторические корни, восходящие к колониальной эпохе. Конфликт усугубляется маргинализацией Дарфура, этническими и религиозными различиями. В результате он привел к гуманитарной катастрофе, гибели

сотни тысяч человек и миллионы были вынуждены покинуть свои дома. Присутствие вооруженных движений и распространение оружия в Судане негативно сказались на политической, экономической и социальной стабильности страны. Это привело к дезинтеграции системы безопасности, а некоторые районы перешли под контроль вооруженных группировок, что ухудшило ситуацию. Гуманитарный фактор и отсутствие доверия к правительству и правовой системе сыграли существенную роль.

Население, столкнувшись с неспособностью партий реформировать страну в интересах обеспечения единства и развития страны, а также положить конец феномену организованной социальной несправедливости и преобладающей в Судане политической тирании, проявляет политический абсентеизм. Этому также способствует крайняя нестабильность самого движения, которое в разные периоды пережило несколько расколов.

3) Конфликт в Восточном Судане

Проблема восточного региона Судана возникла еще до возникновения независимого государства в его ныне известной форме, где регион внес свой вклад в процесс национального освобождения через революцию Махди, приведшей к победе над британской армией.

Вместе с тем, маргинализация, которой подвергся регион, не позволила ему участвовать в социально-экономическом развитии государства и привела к его обнищанию с Махдистского периода из-за того, что Великобритания по причине участия трех штатов, включающих восточный Судан (Кассала, Красное море и Гедариф) в войне, и их большой роли в революции Махди. Конфликт в штате Кассала пересекается с остальными суданскими конфликтами, с одной стороны, и с конфликтами на Африканском Роге – с другой.

В то же время у конфликта в Восточном Судане были и свои особенности. Ключевыми особенностями политических движений Восточного Судана являются:

- сильная политическая структура;

- слабая военная организация оппозиционных группировок;
- сильная зависимость политических движений Восточного Судана от внешних сил;
- отсутствие сильных связей между племенами;
- отсутствие декларирования сепаратистских требований;
- стремление интегрироваться в политическую систему Судана [71].

Национальная оппозиционная группировка, которая ведет свои военные действия из Эритреи, включает в себя коалицию из 31 суданских организаций и движений, каждая из которых имеет свои военные подразделения. Что касается восточного региона, особенно штата Кассала, то изначально здесь сформировалось два основных течения, которые являлись союзниками.

Восточный Судан крайне неоднороден по своему этническому составу. В регионе представлено множество племенных групп. Большинство населения Восточного Судана – представители группы беджа (около 20%). В этой связи племена беджа стали ключевой движущей силой противостояния официальной власти Судана.

Основными политическими силами Восточного Судана являются Конференция беджа и Свободные львы.

«Конференция беджа» – течение, хотя и не призывающее к отделению, но организационно основанное на этнокультурном принципе: оно выступает исключительно от имени племен беджа восточного Судана. Основным требованием «Конференции беджа» является признание правительством за ней права на полноту власти в управлении региональными делами, а также возможность расположения баз в оказывающей ей поддержку Эритрее. Кроме того, «Конференция беджа», в отличие от других течений суданской оппозиции, выступает союзником иранского правительства, предоставляя ему много разведывательной информации, связанной с преследованием эритрейских оппозиционных движений, базирующихся в городе Кассала.

Военизированное течение «Свободные львы» состоит в основном из сыновей племени Рашида. О её создании было объявлено на фоне организации

избирательной кампании «Конференции беджа» и партии Моргании, которую поддерживают традиционные силы и лидеры племен. Данное движение считается проиранским. Так, Иранское правительство и суданская оппозиция в своё время убедили Рашида урегулировать конфликт интересов с суданскими властями [72].

Спустя время произошло объединение ключевых оппозиционных сил региона – движений «Конференция Беджа» и «Свободные львы». Впоследствии к ним присоединились и другие организации.

В результате был образован так называемый «Восточный фронт», который провозгласил следующие цели:

1) право на самоопределение, которое было одобрено хартиями ООН и подтверждено Асмэскими решениями 1995 г. ведущими к добровольному единству в новом Судане;

2) установление критериев гражданственности на основе принадлежности к стране, а не на вере, цвете кожи, языке или расе;

3) приверженность демократии, создание институтов гражданского общества, свобода деятельности, независимость судебной власти, свобода прессы, свобода слов и убеждений;

4) привлечение виновных в военных преступлениях, этнических чистках, пытках и геноциде во всех его формах, а также нарушителей прав человека к справедливому судебному разбирательству в соответствии с международным правом человека;

5) возвращение беженцев и внутренне перемещенных лиц в свои деревни и создание для них подходящих условий проживания;

6) реконструкция и восстановление того, что было разрушено войной, и компенсация пострадавшим;

7) восстановление монополии племен на земли, которые являются пастбищами и сельскохозяйственными угодьями;

8) сохранение подземных, морских и других ресурсов региона;

9) реорганизация вооруженных сил, служб безопасности и полиции с участием всех регионов Судана.

Данные требования были предъявлены центральному правительству Судана, что привело к боевым столкновениям между Восточным фронтом и вооруженными правительственными силами. У жителей Востока обострилось чувство неравенства, основанное не только на этническом, но и на региональном недовольстве. Следует отметить, что это недовольство привело к возникновению того, что можно определить, как хроническую относительную социальную депривацию среди населения [73].

Важно указать, что ощущение социальной депривации было вызвано всесторонней маргинализацией региона: политической, экономической и культурной. Причинами конфликта в Восточном Судане стали следующие факторы:

- низкий уровень жизни;
- высокий уровень социального напряжения;
- неконтролируемая миграция из регионов, в которых идут военные действия;
- положительный опыт противостояния повстанцев на юге и на западе Судана центральным властям;
- политика центральных властей Судана в регионе: неприятие африканскими племенами насаждения арабской культуры [73]

Многие причины конфликта были порождены как настоящим, так и недавним прошлым, восходящим к колониальной политике ввремя англо-египетского правления в Судане. Данная политика способствовала подрыву экономического и социального благополучия и повлияла на основу экономики – сельское хозяйство.

В настоящее время ситуация в Восточном Судане остается сложной и нестабильной: она несет серьезные последствия для политической стабильности и безопасности страны [74].

Конфликт между центром и регионом тлеет уже не одно десятилетие, периодически обостряясь. Так в декабре 2021 г. лидер племени беджа Мухаммед Аль-Амин Турк объявил о закрытии портов Красного моря и сухопутных путей, соединяющих Восток Судана с остальной частью страны. Это решение привело к параличу страны и вызвало опасения по поводу эскалации конфликта. И хотя ситуация была разрешена, курс на Восточный Судан был приостановлен до тех пор, пока стороны Востока не сядут за стол переговоров и не начнут обсуждение хронических проблем региона.

Племя беджа продолжает настаивать на своих требованиях, включая отмену курса Восточного Судана, право народа на управление своим регионом, прекращение горных работ в регионе, сохранение культурных и исторических прав региона, а также право на самоопределение. Эти требования представляют серьезную проблему для центрального правительства Судана. Если они не будут удовлетворены, это может привести к дальнейшей эскалации конфликта и даже к отделению восточного Судана.

Итак, подытоживая вышеизложенное, следует констатировать, что основными причинами этнополитических конфликтов в Судане являются следующие:

1) Колониальное наследство. Во многом истоки этнополитических конфликтов в Судане берут свое начало в колониальном периоде, когда британское правительство проводило политику сегрегации между севером и югом страны. Это привело к формированию нескольких различных политических, экономических и социальных систем, что в конечном итоге спровоцировало конфликт между этими двумя регионами.

2) Отсутствие опыта государственного управления и клановый характер государственной власти. Новые власти после обретения независимости в 1956 году не сумели найти баланс в государственно-территориальном устройстве страны. Правительство Судана продолжило проводить политику дискриминации в отношении южных регионов. Это положило начало гражданской войне в Судане, которая с перерывами продолжается и сегодня.

Примечание – 18 августа 1955 года члены британской администрации, управляющей Тропическим войсковым корпусом в Торит, восстали, а в последующие дни в Джуба, Яй, и Мериди. Прямой причиной восстания было судебное разбирательство южного члена Национальной суданской ассамблеи, и они утверждали, что его арестовали на основании ложных обвинений, подстрекавших северных администраторов, работающих на юге, к подавлению южан. В конце концов восстание было подавлено, хотя выжившие бежали из городов и начали нескоординированные восстания в сельских районах с плохим вооружением и организацией, представляя лишь небольшую угрозу для британско-египетской колониальной власти или правительства Судана.

Тем не менее, повстанцы постепенно сформировали сепаратистское движение в 1955 году, состоящее из повстанцев и южных студентов. Эти группы создали армию партизан Аниания, также известную как «Аниания 1» в сравнении с «Аниания 2», которая начала свое восстание в 1974 году из военной базы в Акобо. Начиная с Центрального Экваториального штата между 1963 и 1969 годами, движение Аниания распространилось на две другие южные провинции: Верхний Нил и Северное Газель. Тем не менее, сепаратистское движение столкнулось с внутренней парализацией из-за этнических расколов. В то время в провинции Экваториального штата было размещено четыре пехотные бригады суданской армии с 1955 года, и регулярно проводились военные патрули.

3) Противоречия между центральными и региональными властями в настоящее время в Судане, приведшие, с одной стороны, к сепаратистским устремлениям, с другой – к борьбе за центральную власть. В настоящее время продолжаются конфликты в Дарфуре и Восточном Судане. Эти конфликты имеют свои специфические причины, но также имеют ряд общих черт с конфликтом в Южном Судане.

4) Влияние внешних сил, преследующих свои интересы, на политическую ситуацию в Судане. Внешние силы также сыграли определенную роль в этнополитических конфликтах в Судане. Например, во время гражданской войны в Судане некоторые государства поддерживали повстанческие группировки на юге, что усугубило конфликт. Кроме того, Судан – страна, весьма богатая природными ископаемыми, многие из которых находятся в частях страны, слабо контролируемых центральным

правительством. Транснациональные компании, промышленно-финансовые корпорации других стран, частные организации, в том числе военизированного типа, начинают вести дела с местными сепаратистами, что также является важным фактором продолжения этнополитических конфликтов в Судане.

Конфликты на этнополитической почве в Судане проявляют сложную динамику, часто имеющую циклический характер с периодами остроты и спокойствия. Во время обострения противоречий часто происходит увеличение актов насилия, включая вооруженные столкновения, массовые убийства и разрушения. В периоды затишья обычно предпринимаются попытки урегулирования конфликта, однако они часто оказываются неудачными.

2.2 Факторы эскалации современной этнополитической напряженности и основные политические силы в Судане

Причины происходящих в Судане событий непосредственно не связаны с волнами революций «арабской весны», приходящими извне. Основными детерминантами конфликта являются политические противоречия антагонистического характера, перманентные экономические кризисы, а также накопление конфликтного потенциала, начиная с восстания Южного Судана в 1955 г., за которым последовали племенные конфликты и политические кризисы.

Западные регионы, такие как Дарфур, Голубой Нил и Нубийские горы, а также восточные регионы Судана, включая Порт-Судан, Кассалу и Гедареф, сталкиваются с ухудшающимися этнополитическими условиями. Возникает риск отделения этих регионов, если соответствующие вопросы не будут разрешены. Это дополняется проблемой экономической, финансовой и административной коррупции, которая была характерной для предыдущих

режимов: она унаследована от колониального периода и периода обретения независимости в 1956 г.

Особенно эти трудности усугубились во времена правления Партии Национального конгресса/Исламского фронта, которая пришла к власти после переворота 1989 года, свергнув избранное гражданское правительство под руководством бывшего премьер-министра Садика аль-Махди. Политика этого режима охватывала более трех десятилетий до Декабрьской революции 2019 года. Этнополитические кризисы, вытекающие из накопленного народного недовольства, привели к свержению этого режима. Анализ современных процессов в Республике Судан позволил диссертанту выделить следующие факторы, которые способствуют этнополитической напряжённости в современных условиях:

1) Накопленная привычка жизнедеятельности общества в условиях перманентного социально-политического конфликта:

история всегда влияет на настоящее. Кумулятивный эффект привыкания к конфликтным отношениям является одной из основных социально-психологических причин этнополитической напряжённости в Судане. Практически все этнические, религиозные и региональные слои имеют давние претензии друг к другу, обусловленные историей их конфликтного взаимодействия. Накопленные исторические несправедливости продолжают оказывать влияние на этнополитическую обстановку в Судане и в современных условиях.

Ярким примером этого выступают конфликты в Южном Судане (Вторая гражданская война в Судане), начавшиеся в 1983 году, через 11 лет после первой гражданской войны в Судане с 1955 по 1972 гг. которые, в основном, происходили в южных районах Судана. Вооруженный конфликт в Дарфуре разразился в феврале 2003 года, когда две повстанческие группировки – Освободительное движение Судана и Движение за справедливость и равенство – начали борьбу с правительством Судана, обвиняемым в

преследовании неарабского населения Дарфура, последствия которого продолжаются до настоящего время.

2) Теневые практики в государственном управлении и политическом процессе Судана, выразившиеся в преимущественном использовании методов исключения и подавления по отношению к политическим оппонентам:

несомненно, эти практики, основанные на исключении из общественных позиций и ограничении свобод из-за политических пристрастий, противоречащих правящему режиму, порождают ощущение обездоленности и общего недовольства. Это, в конечном итоге, приводит к возникновению политического насилия, будь то в форме народных протестов, или попыток военного переворота, или революций, требующих радикальных перемен, что и произошло в Судане [75].

Помимо этих аспектов, важное значение имеет «чистка» по политическим мотивам государственных гражданских служащих и военнослужащих регулярных войск, которые не оказывали полной лояльности власти, а их насчитывалось более 73 тысяч в первые четыре года жизни режима, под предлогом их оппозиционного положения или недостаточной лояльности проекту. Многие оппоненты и политические активисты подвергались систематическим преследованиям из-за их принадлежности к оппозиционным политическим партиям. Кроме того, произошло снижение авторитета переговорного процесса в связи с тем, что вооруженное насилие стало привычным способом достижения целей и удовлетворения интересов сторон.

Этнополитические столкновения и борьба за власть в течение нескольких поколений привели к формированию своеобразной «культуры насилия», которая становится привычной при разрешении конфликтов. В связи с этим произошло падение ценности человеческой жизни.

Война между Севером и Югом Судана относится к числу наиболее продолжительных в истории [76]. В результате нее погибло не менее 1,9 миллиона мирных жителей, а более 4 миллионов мигрировали с начала войны. Число жертв среди гражданского населения в этой войне является

одним из самых высоких со времен Второй мировой войны. Конфликт официально завершился подписанием Мирного соглашения в Найваше в январе 2005 года и разделом власти и богатств между правительством президента Омара аль-Башира и лидером Народно-освободительного движения Судана Джоном Гарангом [77].

Конфликт в Дарфуре (2003-2008 гг.) также привел к многочисленным жертвам. На основе отчета, опубликованного Министерством по гуманитарным вопросам, в таблице 2 представлены демографические характеристики населения региона [78].

Таблица 2 - Населённые пункты, пострадавшие от событий в период с 2020 года по 2023 год

Категория	Количество человек	Процент	Примечания
Всего перемещенных лиц	7,300,000+	-	Включает как внутренние перемещенных лиц (ВПЛ), так и беженцев
Внутренне перемещенные лица (ВПЛ)	5,900,000+	80	Перемещенные на территории Судана
Беженцы	1,400,000+	20	Бежали в соседние страны
Перемещенные дети	3,650,000+	50	Половина всех перемещенных лиц - дети
Перемещенные в результате последнего конфликта (декабрь 2023 г.)	234,000	3	Половина всех перемещенных лиц - дети
Государства с наибольшей долей ВПЛ			
Южный Дарфур	780,000	13	-
Восточный Дарфур	660,000	11	-
река Нил	660,000	11	-
Аль-Джазира	480,000	-	-
Северный Дарфур	480,000	8	-
Государства происхождения ВПЛ			
Хартум	3,600,000	61	-
Южный Дарфур	960,000	16	-
Северный Дарфур	480,000	8	-
Аль-Джазира	300,000	5	-
Центральный Дарфур	240,000	4	-
Западный Дарфур	180,000	3	-

Источник: составлено автором по материалам [149].

Количество погибших и раненых за тот же период времени составило более 20 тысяч человек.

Согласно отчетам ООН, в результате актов племенного насилия в регионах Дарфур, Кордофан и Голубой Нил погибли 896 человек, 298 человек стали перемещенными лицами, а 1092 человека получили ранения в результате конфликта среди населения в течение 2022 г. [68]. В таблице 3 представлены значимые события периода 1956-2023 гг., характеризующие динамику этнополитических конфликтов в регионах Судана.

Таблица 3 - Значимые события этнополитических конфликтов в период с 1956 года по 2023 год

Территория	Событие	Природа и причины конфликта	Годы
1	2	3	4
Центр и Южный Судан	Независимость	Конфликт между арабскими и африканскими племенами за политическую власть	1956-1958
Центр и Южный Судан	Война Единого национального фронта (Первая гражданская война)	Конфликт между центральным правительством и африканскими племенами в Южном Судане	1963-1972
Западный Судан «Дарфур»	Конфликты в Дарфуре	Конфликты из-за ресурсов, этнополитические конфликты между центральным правительством и африканскими племенами Дарфура из-за развития. Политическая и экономическая маргинализация, культурные различия и внешнее вмешательство	1983-2005
Западный Судан (Дарфур – Кордофан и Голубой Нил)	Массовые убийства, совершенные «Джанджавидами»	Массовые убийства, совершенные «Джанджавид» при поддержке бывшего правительства (Омара аль-Башира), вооруженного ополчения, поддерживаемого центральным правительством, против мирных жителей в Дарфуре	2003-2004
Восточный Судан	Конфликты между племенами Восточного Судана	Конфликты между центральным правительством и племенами Восточного Судана из-за политической и экономической маргинализации, культурных различий, внешнего вмешательства Политическая и экономическая маргинализация, культурные различия и внешнее вмешательство	1950-1980
Восточный Судан	Конфликты между центральным правительством и племенами Восточного Судана	Требования о предоставлении большей автономии Восточному Судану также связаны с политической и экономической маргинализацией, культурными различиями, внешним вмешательством Политическая и экономическая маргинализация, культурные различия и внешнее вмешательство	1986-2023

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
Южный Судан	Всеобъемлющее мирно соглашение	Мирное соглашение между центральным правительством и повстанческими движениями в Южном Судане, которое привело к отделению	2005-2011
Южный Судан	Вторая гражданская война в Судане	Конфликт между центральным правительством и повстанческими движениями в Южном Судане – провозглашение отделения Южного Судана	2011-2013
Все территории	Военный переворот и междоусобицы	Конфликт между вооруженными силами Судана и гражданской оппозицией, поддерживаемой повстанческими Силами быстрой поддержки (бывшие «Джанджавид»), а также межплеменные конфликты в различных районах Судана, в первую очередь в штатах Дарфур, Кордофан и Голубой Нил	2021-2023

Источник: составлено автором.

Население Востока страны в основной своей массе находится за чертой бедности из-за безработицы, отсутствия образования, недостатка возможностей, постоянной засухи в некоторых районах, практического отсутствия проектов развития региона, несправедливого распределения ресурсов региона, особенно портов и золота.

3) Религиозный вопрос. Диалектика религии и светскости государства:

диалектика религии и светскости государства является острым политическим вопросом нынешней ситуации в Судане и является одной из самых важных точек напряжения, которые не были решены до сих пор, начиная с конфликта в Южном Судане. Ряд политических сил призывают к необходимости отделить религию от государства.

Общественного запроса за определённый секуляризм нет. Однако, имеются настроения, связанные с отменой законов коранического происхождения. В частности, не ограничивать движение экономики и торговли, запретив ростовщичество, некоторые товары, а также частично пересмотреть, что связано с исламской религией в социальных отношениях, связанных с браком, разводом и наследованием среди прочих обязательств.

В связи с этим следует отметить, что законы в обществах представляют собой минимальный уровень моральных систем, а моральные системы любого народа отличаются от других. Западные светские законы основаны на моральных системах, вытекающих из их социальных ценностей. В частности,

они включают, например, западное понимание института брака, а также поощрение гомосексуализма как естественного права человека, легализацию проституции, толерантность к алкоголю и азартным играм и еще длинный список инородных ценностей. Для населения Судана такие ценности противоречат убеждениям и культуре подавляющего большинства граждан (96%) именно по религиозным основаниям, о чём уже упоминалось в первом параграфе этой главы. Так или иначе большинство населения склоняется к тому, чтобы религия была частью государственной политики и аппарата.

Концепт светскости государства интересен немусульманскому населению, поскольку она позволяет обеспечить справедливость и равенство для немусульман. Права немусульман – это важный аспект стабильности в стране. Дискуссии об этом продолжаются продолжительное время. Участие в политической жизни, прежде всего, гарантируется национальными конституциями стран, которые предусматривают избирательное право и право голоса [81].

Участия центральной власти в решении проблем региона явно недостаточно ввиду отсутствия ресурсов и политической воли, а также постоянных конфликтов внутри правительства. Следует указать, что Республика Судан находится в состоянии фактической «феодалной раздробленности» и маргинализации политической жизни. В итоге страна имеет несколько конкурирующих между собой центров власти.

Отсутствие общего видения Судана среди политических элит является существенным фактором провала предыдущих политических преобразований. Во многом из-за этого Судан не смог принять обязательную конституцию с момента обретения независимости. История повторяется, о чем свидетельствуют нынешние глубоко укоренившиеся идеологические и политические разногласия внутри альянса «Силы свободы и перемен». Данный альянс не может достичь консенсуса по ключевым переходным темам, таким как экономическая реформа Судана, внешняя политика, изменения в законодательстве, написание конституции и другие важные проблемы. Это

значительно снизило сравнительную мощь гражданских акторов и замедлило развитие этих процессов [48].

В 2020-х годах сложились три основных центра власти в Судане. Основными из них являются:

Переходный военный совет (далее – ПВМС) орган, осуществляющий исполнительную власть в стране. ПВМС состоит из представителей вооруженных сил, сил безопасности и разведки, сил быстрого реагирования и полиции. Совет неоднократно заявлял о своем желании передать власть народу в течение более короткого периода, чем переходный период – максимум два года, а также о своем желании провести консультации со всеми политическими силами, не исключая никого. Другими словами, Переходный военный совет обязался создать Правительство национального доверия, гарантирующим мирную передачу власти без вмешательства силовых структур, а также формирования переходного законодательного органа, представляющим все политические силы.

Большинство традиционных блоков, союзов и партий представили Военному совету совместные или отдельные концепции, которые далее стали предметом изучения Политического комитета, представившего свою концепцию на основе этого широкого спектра консультаций. Кроме того, для последующей подготовки окончательного видения переходного этапа был сформирован консультативный комитет, поспособствовавший достижению политического соглашения и формированию структур переходной власти с временным гражданским и военным участием. Затем он должен был превратиться в полноценное гражданское правительство. В дополнение к конституционному документу 2019 года было предложено 25 октября 2021 года передать власть гражданскому компоненту [81]. Однако, в силу противоречий между различными политическими силами такой передачи так и не произошло.

Гражданский консультативный совет (далее – ГКС) организация, претендующая на представление интересов гражданского общества в Судане.

ГКС состоит из представителей оппозиционных партий, профсоюзов, общественных организаций и объединений. Консультативный комитет для последующей подготовки окончательного видения переходного этапа, результатом которого стало политическое соглашение и формирование структур переходной власти с временным гражданским военным участием, в которых в первый период правили военные.

Ассоциация профессионалов Судана (далее – АПС) оппозиционная организация, которая сыграла ключевую роль в свержении аль-Башира. АПС выступает за передачу власти гражданским лицам и выкорчевывание остатков прежнего режима. Данная Ассоциация объединяет достаточно разношёрстные политические силы: Альянс сил национального консенсуса; Силы призыва Судана; Республиканская партия; Либеральная партия; Движение центра за перемены; Инициатива «Нет угнетению женщин»; Конференция выпускников Хартумского университета; Партия Бенаа Аль Судан, Собрание семей мучеников Рамадана и другие.

Ассоциация профессионалов представила свой документ «Структуры управления и разработка конституции на переходный период в Судане», который предусматривал принятие переходной конституции, и разделила структуры гражданского управления в течение четырехлетнего переходного периода, включающего в себя три этапа:

- 1) создание «Гражданского переходного суверенного совета»;
- 2) формирование «Переходного исполнительного правительства», состоящего из гражданских органов власти, в котором вооруженные силы представлены двумя людьми, подотчетными переходному правительству и Комитету по безопасности и обороне переходного народного парламента;
- 3) избрание «Переходного народного парламента». В документе было предложено, чтобы его численность не превышала 200 человек, в котором гражданские силы представлены не менее чем 70% от всех спектров и секторов народа, революции, категорий профессионалов, ремесленников, и соседских комитетов, с равным участием женщин. Кроме того, в документе

подчеркивается необходимость демонтажа существующего аппарата безопасности, раскрытия его институтов и источников финансирования, а также подотчетности его должностных лиц.

Поиск урегулирования системного кризиса в Республике Судан привел к попытке консолидации различных политических сил в стране. Так, с 6 по 21 ноября 2021 г. произошло событие, которое имеет важное значение для политической обстановки в Судане. После отставки правительства Абдаллаха Хамдока и помещения его под домашний арест, а также ареста около 300 политических и партийных деятелей, было достигнуто соглашение. Это соглашение, достигнутое благодаря усилиям местных и международных посредников, включало около 14 важных пунктов.

Основное внимание уделяется подчеркиванию существующего между гражданскими и военными силами партнерства, а также формированию компетентности правительства и Совета переходного суверенитета для контроля за выполнением задач переходного периода. Это также включает управление переходным периодом на основе политической декларации, определяющей рамки партнерства между политическими и гражданскими силами, военным компонентом и гражданской администрацией.

Важными моментами соглашения являются освобождение политических заключенных, ускорение формирования институтов переходного управления, начало расширенного диалога для создания Конституционной конференции, реструктуризация комитета по демонтажу режима президента аль-Башира и пересмотр его работы, а также работа над созданием единой национальной армии. Это соглашение до сих пор имеет огромное значение для политической стабильности и будущего урегулирования в Судане, учитывая его множественные аспекты, направленные на создание базы для перехода к более устойчивому и представительному управлению [82]. Вместе с тем, Соглашение стало неожиданностью для некоторых революционных сил и демонстрантов, которые поддерживали Хамдок и выступали против переворота, свергнувшего его правительство, а некоторые из них сочли его

«изменой». Другими словами, реакция политических сил явилась неоднозначной. Поэтому в настоящее время продолжаются споры вокруг этого соглашения.

Противников настоящего проекта можно разделить на три группы:

Первая группа полностью и детально отвергла соглашение, осудила его и отказалась иметь дело с его участниками. Здесь выделяется ряд политических сил Центрального совета сил за свободу и перемены, особенно партия Суданский конгресс, Федеральное собрание и партия Баас арабского происхождения. Это те силы, которые участвовали в свергнутом правительстве Хамдок, наряду с двумя крыльями Собрания профессионалов. Указанная группа призывала к суду над «путчистами». Партии этой группы не отвергают конституционный документ, не отвергают участие военных в переходном процессе, но они не принимают деятелей, возглавивших переворот.

Вторая группа представлена партией Национальная умма, члены которой высказывали различные мнения, что отражало существование различных течений внутри нее. Лидеры партии участвовали в работе посреднического комитета, который достиг соглашения. Однако руководство партии в лице главы партии Фадлаллах Бурмах Насера и генерального секретаря партии Аль-Ватик Аль-Барир было вынуждено отказаться от подписания соглашения из-за сильной оппозиции в рядах партии. Более того, группа молодежи партии потребовала лишить доверия Бирму Насер и привлечь к ответственности тех, кто участвовал в организации соглашения.

Третья группа отвергает соглашение. Представляя эту группу, Генеральный секретарь коммунистической партии Мухаммад Мухтар аль-Хатыб объявил на пресс-конференции 24 ноября 2021 г., что его партия будет добиваться свержения, не поддержит правительство, которое сформирует Хамдок. Данную позицию также разделяет левое крыло в Ассоциации профессионалов, которое солидарно с позициями Коммунистической партии.

Эта группа отвергает участие военных во власти и настаивает на передаче власти гражданским лицам.

Среди сторонников соглашения выделяются вооруженные движения, подписавшие Джубское мирное соглашение, которое гарантировало некоторое представительство этих движений в Суверенном совете и министрах. Его также поддержали партии из Центрального совета Сил за свободу и перемены, считающие это важным шагом, такие как Национальная юнионистская партия во главе с Юсефом Мухаммадом Заином; партия Насерит – Движение за социальную справедливость во главе с Сатихом аль-Хаджем и Движение Хак во главе с Ахмедом Шакером.

В дальнейшем к соглашению присоединились Демократическая юнионистская партия – первоначальная (то есть то, что осталось от партии после ее раскола) под эгидой Мухаммада Отмана аль-Миргани, наиболее видные партии вне Альянса за свободу и перемены поддержали соглашение, вместе с частью партии Умма, возглавляемой Мубараком аль-Фадилем аль-Махди, а также лидерами частных администраций и лидерами суфийских орденов.

На международном уровне большинство стран приветствовали соглашение (особенно политическое руководство Египта, который воздержался от выражения публичной позиции по поводу переворота). Согласно бюллетеню «Africa Intelligence», египетская разведка сформировала оперативный штаб для отслеживания развития ситуации в Судане после переворота и направила в Хартум группу, чтобы выступить посредником между двумя сторонами и убедиться, что любое соглашение будет в пользу военных. Делегация встретила с Хамдоком, когда он находился под домашним арестом, и встретила с членами Центрального совета Сил за свободу и перемены. Саудовская Аравия и Катар приветствовали соглашение, аналогично поступили страны Тройки «США, Великобритания и Норвегия», а также Европейский Союз, Лига арабских государств, Миссия ООН в Судане (далее - UNITAMS) и Африканский Союз. Так или иначе группы,

подписавшие рамочное соглашение в Судане, надеются, что оно приведет к выходу из углубляющегося кризиса, который страна переживает уже более года. В то время как его противники считают, что оно игнорирует фундаментальные вопросы и открывает путь для вступления сил, поддерживавших режим, который был свергнут в результате народной революции в апреле 2019 г.

Большинство политических сил считают, что это соглашение может стать основой для дальнейшего урегулирования этнополитических конфликтов в Судане. В этой связи диссертант считает целесообразным обозначить наиболее важные положения Соглашения:

- обеспечение полного перехода власти от военных к гражданским структурам. Формирование переходной власти, включающей ограниченный гражданский суверен с символическими обязанностями в качестве главы государства и верховного главнокомандующего, а также гражданского премьер-министра, выбираемого сторонами, подписавшими соглашение. Кроме того, создание законодательного совета и совета по безопасности и обороне, возглавляемых премьер-министром, и включающих представителей регулярных ведомств и шесть движений вооруженной борьбы, подписавших Мирное соглашение в Джубе;

- отстранение армии от политики и практики экономической, коммерческой и инвестиционной деятельности. Интеграция Сил быстрой поддержки и Сил вооруженного движения в армию в соответствии с договоренностями, которые будут согласованы позже в Комиссии по слиянию и демобилизации в рамках плана реформы безопасности и военной реформы, которая приведет к созданию единой профессиональной и национальной армии;

- реформирование полиции и разведывательных служб и постановление их под руководство премьер-министра, а также ограничение задач разведывательной службы сбором информации, ее анализом, представлением компетентным органам и лишение ее права на арест или задержание;

- реформирование системы правосудия с целью достижения ее независимости и беспристрастности. Запуск всеобъемлющего процесса правосудия переходного периода, который позволит раскрыть преступления, привлечь виновных к ответственности, восстановить справедливость по отношению к жертвам, обеспечить отсутствие безнаказанности и недопущение повторения преступлений;

- выполнение Джуба мирного соглашения с его анализом и оценкой между исполнительной властью, партнерами по соглашению и сторонами политической декларации, а также завершение мира с вооруженными движениями, не подписавшими соглашение;

- лишение полномочий режима 30 июня 1989 г. и демонтаж его соединений во всех государственных учреждениях, возвращение нагребленных средств и активов, пересмотр решений, в соответствии с которыми были отменены решения Комитета по демонтажу режима 30 июня 1989 г;

- запуск всеобъемлющего процесса разработки конституции под контролем Комиссии по разработке конституции для диалога и достижения согласия по конституционным основам и вопросам с участием всех регионов Судана;

- организация всеобъемлющего избирательного процесса по окончании переходного периода в 24 месяца, при условии, что требования и подготовка к нему будут определены в переходной конституции, чтобы он был заслуживающим доверия, прозрачным и справедливым.

Несмотря на общую приверженность к поиску путей урегулирования кризиса в стране, конфликт между ПВМС и гражданскими силами сохраняется.

Желание ведущих политических сил с помощью силы «выторговать» себе более лучшие условия для реализации своих интересов приводит к перманентному обострению ситуации в стране. Все эти конфликты являются сложным и многофакторным явлением, возникшем в результате сочетания

внутренних и внешних факторов, включая недовольство населения военным характером власти, недостаточную прозрачность и подотчетность ПВМС, а также внутривнутриполитические противоречия. Урегулирование этих конфликтов будет зависеть от способности всех заинтересованных сторон найти общий язык и прийти к консенсусу по ключевым вопросам [107].

Неразрешенность вышеперечисленных обстоятельств привели к возникновению последнего конфликта между Вооруженными и Силами быстрого реагирования в контексте этнической и племенной политизации в Судане в апреле 2023 года, когда произошла эскалация конфликта между Военным советом и гражданскими силами Судана «Ассоциацией суданских профессионалов». Так или иначе этот конфликт явился продолжением череды неразрешенных противоречий между центрами силы в стране, что в конечном итоге стало серьезным препятствием на пути к мирному переходу к демократии в стране. В июне 2023 г. АПС призвала к новым массовым протестам с требованием передачи власти гражданским лицам.

Таким образом, в современном Судане существует множество активных компонентов, которые представляют широкий спектр политических взглядов и интересов. Наиболее влиятельным является Силы за провозглашение свободы и перемен, в который входят Ассоциация суданских профессионалов, Альянс сил национального консенсуса, Силы призыва Судана и оппозиционное Федеральное собрание. Эти силы выступают за переход к демократии и федерализму в Судане. Другими активными компонентами являются Национальный фронт за перемены, который выступает за более умеренные реформы, и Альянс возрождения Судана, который поддерживает более консервативный подход.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что основными причинами текущих конфликтов в Судане являются:

- Недовольство населения военным характером власти. После свержения аль-Башира многие суданские граждане надеялись на скорую передачу власти гражданским лицам. Однако Переходный военный совет сохранил за собой контроль над исполнительной властью, что вызвало недовольство населения.

- Недостаточная прозрачность и подотчетность власти гражданскому контролю. Переходный военный Совет неоднократно обвинялся в коррупции и недемократичности, что способствовало росту недовольства населения. В конечном итоге это привело к существенному снижению к нему доверия со стороны населения.

- Внутриполитические противоречия между множественными политическими группировками относительно политического устройства страны. В Судане существует множество политических и этнических группировок, которые имеют диаметрально противоположные представления о будущем страны. Это затрудняет достижение консенсуса по ключевым вопросам, что также является фактором нестабильности. Кроме того, Судан переживает глубокий экономический кризис, который усугубляется международными санкциями. Это привело к росту безработицы, инфляции и бедности, что также является фактором недовольства населения. Очевидно и влияние сил, которые преследуют свои интересы на территории Судана, прежде всего, это касается таких стран как Саудовская Аравия или Египет.

Выводы по второй главе

С момента обретения независимости Судан пережил четыре переворота. Только Октябрьская революция 1964 г. и Апрельская интифада 1985 г. привели к появлению гражданских правительств, которые были избраны демократическим путем. Смена власти в 1964-1965 и 1985-1986 годах имеет траекторию, сопоставимую с траекторией революции 2019 года. Способность гражданских лидеров заключать сделки с вооруженными повстанческими группировками, массовая мобилизация гражданского населения, успешные переговоры политической элиты о том, как свергнуть правительство, и успех политических деятелей в убеждении военных поддержать смену режима после того, как протесты набрали обороты, представляются главными факторами, которые объясняют, почему народные восстания в 1964, 1985 и 2019 годах были успешными в свержении правительств.

Политический ландшафт Судана характеризуется поляризацией и фрагментацией, что приводит к новым конфликтным ситуациям. Этнополитический конфликт в Республике Судан имеет глубокий генезис и прошел несколько основных этапов развития. При этом значительную роль в формировании современной этнополитической ситуации в стране сыграли такие конфликтогенные факторы, как этнические, религиозные и экономические. Соответственно, понимание причин и особенностей этнополитических конфликтов в Судане является ключевым шагом в разработке эффективных стратегий и механизмов их урегулирования.

В целом причины этнополитических конфликтов в Судане можно свести к следующему: конкуренция за ресурсы и политическое влияние между центрами власти в Судане, которая способствует обострению ситуации наряду с дискриминацией определенных этнических групп; маргинализацию населения и политизацию религиозных и межэтнических отношений; слабость гражданских администраций и распространение оружия, что привело к интернационализации конфликтных зон и усилению их остроты; влияние тяжёлой гуманитарной ситуации в бывшем Южном Судане; межплеменные конфликты на национальной почве в Западном Судане и в восточных регионах страны, подогреваемыми внешними силами.

Глава 3

Основные стратегии урегулирования этнополитических конфликтов в Судане

1.3 Пути достижения этнополитического консенсуса в Республике Судан

Учитывая текущую ситуацию в Судане, необходимо провести критический анализ различных механизмов, используемых для достижения мира и этнополитического консенсуса. Несомненно, такое достижение требует использование комбинации множества уже известных способов урегулирования конфликта, в частности, внедрение в политический процесс элементов консенсусной демократии, переговоры, федерализм и разделение власти, конституционную реформу, диалог и политику примирения. В этом контексте политика примирения может включать в себя различные меры, направленные на восстановление отношений между этнополитическими группами, которые были в конфликте.

По мнению автора, являются исходные основания к постконфликтному примирению могут включать широкий и узкие аспекты: 1) широкий – это общий путь, который может быть представлен как мирный политический процесс, документированием прекращения насилия, политическим диалогом и правосудием переходного периода; 2) узкий, который связан с конкретными повседневными практиками в содействии примирению и гражданскому миру.

Конфликт в Судане обусловлен целым рядом провоцирующих факторов – политических, религиозных, экономических. Население страны представлено гражданами с низкими доходами; бедность – ключевая проблема государства. Она усугубляется неравномерным экономическим развитием регионов. Север страны, где проживает большинство арабов-мусульман, более благополучен в этом отношении [83]. Население юга Судана представлено преимущественно христианами и анимистами, находящимися в крайне

бедственном экономическом положении [84]. Неравное распределение ресурсов и возможностей между гражданами одной страны, проживающими в разных ее регионах, также находится в числе основных причин внутреннего национального конфликта [85]. Однако преодоление имеющего место кризиса необходимо ввиду определения перспектив развития государства и его сохранения как самостоятельной единицы на мировой арене [86].

В качестве основных стратегий преобразований, применимых к современной ситуации в Судане, диссертант выделяет следующие: федерализация страны; предоставление культурной автономии ряду регионов; интеграция легитимно действующих негосударственных вооруженных формирований в военные силы Судана; строительство государственных институтов и укрепление создаваемых на основе консенсуса органов государственного управления; решение наиболее актуальных экономических и социальных проблем в обществе; демократизация процедур политического управления:

1) достижение консенсуса в рамках стратегии национального примирения.

Достижение консенсуса является весьма сложной задачей, требующей согласованных усилий со стороны всех участников конфликта, что предполагает использование разнообразных подходов, включающих политические, экономические и социальные меры для устранения причин противостояния в обществе и обеспечения стабильности. Длительное отсутствие последней приводит к разрушению нормально функционирующей системы государственной управления, что может провоцировать хаос и анархию, ухудшение обстановки в области безопасности (рост преступности, терроризма, распространение насилия, геноцид, этнические чистки и т. д.), что уже длительное время наблюдаются в Судане.

Стратегия национального примирения предполагает транспарентные политические преобразования, документирование прекращения насилия, организацию политического диалога между всеми заинтересованными

сторонами, а также введение переходной системы государственного правосудия. Главной целью стратегии национального примирения является восстановление мира и социальной безопасности при обеспечении политической стабильности в стране [87]. Другими словами, это создание в социуме отношений, основанных на терпимости друг к другу и справедливости. Одним из примеров успешности данного инструмента является опыт Руанды [88].

Разумеется, достижение национального примирения в Судане является сложным и многоступенчатым процессом. Однако при политической воле и поддержке мирового сообщества, думается, национальное примирение может быть успешным. Для этого необходимо организовать продуктивный социальный диалог, внедрить практику «народной дипломатии», организацию «систему неформальных консультаций» между различными политическими силами, организацию переходного правосудия, принятие мер по преодолению социальных разрывов и восстановлению районов, опустошенных войной или маргинализированных территорий, развивать партнерские отношения.

Диалог в Судане крайне важен для нивелирования этнических и религиозных противоречий, решения экономических проблем и политических вопросов. Правительство, международные организации и гражданское общество на уровне согласованности идейных установок, писаных и неписаных правил, могут способствовать данному процессу, обеспечивая безопасность, стабильность, ресурсы, экспертизу и представляя интересы различных групп. В число общих социальных установок, обсуждение вопросов должны входить следующие: обеспечение равенства и социальной справедливости для всех граждан, создание действенных институциональных рамок межэтнического, политического, религиозного диалога, борьба с бедностью и социальным неравенством, а также сохранение мира и стабильности на территории страны.

Особое значение в рамках стратегии национального примирения приобретает достижение межэлитного консенсуса. Межэлитные

противоречия в Судане давно приобрели затяжной характер, что значительно осложняет достижение национального примирения. Существенным препятствием для политики национального примирения является обострение конфликта между руководителями переходного периода Судана, которому способствуют следующие факторы:

а) Межличностный фактор в сторонах конфликта [89].

Общеизвестно, что межличностный фактор в конфликтном взаимодействии является наиболее труднопредсказуемым и сложно поддаётся урегулированию. Так, военный переворот в Судане против Омара аль-Башира был организован двумя наиболее влиятельными офицерами в военной иерархии Судана – Абделем Фаттахом аль-Бурханом и Мухаммедом Дагло (Хамедти). Глава Суверенного совета взял на себя функции руководителя государства после отстранения Омара аль-Башира от власти. В то же время Хамедти стал вести активную политическую деятельность и позиционировать себя как посредника в межплеменных конфликтах. Абдель Фаттах аль-Бурхан нашёл политическую активность Хамедти угрозой своему положению и принял ряд мер по удалению своего бывшего союзника от власти. Разногласия между лидерами переходного периода привели к полномасштабным боевым столкновениям между Силами быстрого реагирования и вооружёнными силами Судана.

1) Желание региональных элит иметь собственные финансовые и материальные ресурсы, обеспечивающие гарантии их независимости от центра.

Финансовой опорой вооружённых сил Судана является государственный бюджет. В то же время у Сил быстрого реагирования есть собственные финансовые ресурсы, позволяющие им «обеспечивать» невмешательство центра в управление регионом. В частности, во время активных боевых действий в Дарфуре СБР установили контроль над месторождениями золота в регионе. Впоследствии продажа золота Судана стала контролироваться финансовыми организациями, связанными с кланом Хамедти. Компании,

продающие суданское золото на внешнем рынке, стали ключевыми спонсорами Сил быстрого реагирования. Возможность самостоятельного формирования бюджета привела к выводу СБР из-под зависимости от гражданских и военных институтов Судана [90]. Ввиду слабости центральной власти региональные лидеры не заинтересованы «делиться» с центром. В результате получается замкнутый круг – с одной стороны, противоборствующие силы хотят достичь стабильности и консенсуса, с другой им сложно для этого отказаться от части своей власти и финансовых возможностей. В определенной мере этому способствует и широкое распространение патриархальной политической культуры, а также отсутствие собственного исторического опыта суданской государственности.

б) Поддержка внешних сил участников конфликта.

У каждой из сторон этого конфликта есть внешняя поддержка. Причём внешнеполитические акторы, преследуя свои интересы в регионе, могут быть заинтересованы в нестабильном положении Судана. Так, после отстранения Омара аль-Башира от власти Саудовская Аравия и ОАЭ стали первыми странами, оказавшими финансовую поддержку переходному правительству Судана. С началом активной стадии конфликта между Абделем Фаттахом аль-Бурханом и Хамедти Саудовская Аравия нарастила объёмы экономической помощи суданскому переходному правительству. В то же время Саудовская Аравия стремится выступать наиболее активным посредником в межэлитном конфликте в Судане, поскольку стремится сохранить своё влияние на ряд политических сил в стране [91]. Другая страна, ОАЭ, с началом военного конфликта между представителями суданской элиты стала активно поддерживать Силы быстрого реагирования. В частности, ОАЭ активно оказывали СБР военную, финансовую и гуманитарную помощь [92], а компании, связанные с Хамедти и его родственниками, имеют банковские счета в банках ОАЭ [93].

Таким образом, достижение национального консенсуса в Судане существенно осложняется межэлитными противоречиями. В этой связи стоит

обозначить ряд мер, которые, по мнению исследователя, будут способствовать снижению негативных эффектов переходного периода в Судане:

- организация переходного правосудия в Судане, поскольку данная проблема затрагивает преступления, совершенные в период с 1989 по 2022 гг. Решения, принятые по ним, будут иметь принципиальное значение для будущего Судана;

- проведение военной реформы: политические и гражданские силы страны требуют создания объединенной профессиональной армии, которая не вмешивается в политику;

- пересмотр действующего соглашения о мире. После свержения президента Омара аль-Башира и начала нового переходного периода правительством в Джубе в 2020 г. было подписано Соглашение о мире с вооруженными группировками, сражающимися против Хартума [94]. Последние в результате получили долю политической власти в стране, что сегодня уже подвергается оспариванию.

Решение обозначенных вопросов имеет принципиальное значение для будущего Судана. Вместе с тем, они требуют создания независимых и справедливых судебных и административных механизмов в стране, а также продолжения переговоров между всеми заинтересованными сторонами.

Следует отметить, что политическая нестабильность в Судане обусловлена, в том числе, отсутствием постоянной Конституции. В стране на протяжении многих лет действовали временные и переходные редакции данного документа [95]. В 2020 г. был разработан проект постоянной редакции Основного закона страны, выполненный с акцентом на защиту прав и свобод человека, а также предусматривающий переход всех вооруженных сил государства под полный гражданский контроль. В рамках проекта Конституции не определено количество членов Совета суверенитета, а также института президентства, функций премьер-министра, судебной власти, Конституционного суда и главного аудитора. При этом предусмотрено формирование кабинета из 25 министров, подотчетных парламенту. Проект

Конституции предлагает пересмотр основных законов в первые шесть месяцев после утверждения основного закона. В настоящий момент главной проблемой остается практически отсутствие общенациональной законодательной власти для окончательного утверждения документа, который мог бы упорядочить отношения власти и народа в стране. Думается, что принятие постоянной Конституции страны создаст институциональные основы для осуществления стратегии национального примирения.

Проблема устранения регионального неравенства в Судане может быть принципиально решена за счет проведения федеральной реформы, которая основывается на идее нахождения оптимальных форм взаимодействия центра и регионов. Достижение этого положения возможно за счет чётко зафиксированных полномочий центра, автономизации регионов страны, обеспечения справедливого распределения ресурсов между ее региональными образованиями, что позволит добиться национальной стабильности и экономического развития, фокусируясь на удовлетворении основных потребностей граждан.

Автор считает, что необходимо пересмотреть федеральное и региональное законодательство, регулирующее занятость и распределение рабочей силы в стране. При этом критерии определения соотношения ресурсов между федеральным правительством и субъектами государства должны быть прозрачными и справедливыми. Необходимость выделения средств должна подтверждаться принятыми стандартами и ориентироваться на сокращение разрыва в уровнях финансовой обеспеченности разных групп населения. Это необходимо, чтобы регионы контролировали наличие инфраструктуры и квалифицированных кадров для выполнения задач дальнейшего экономического развития [96].

В целом можно констатировать, что современный политический ландшафт Судана характеризуется поляризацией и фрагментацией, что приводит к новым конфликтным ситуациям, а этнические, религиозные и экономические противоречия выполняют роль катализатора в обострении

текущей этнополитической ситуации. Понимание причин и характеристик возникающих конфликтов в Судане – первый шаг к разработке эффективных стратегий и механизмов для их разрешения. Учитывая специфику суданского этнополитического противостояния, одним из основных путей достижения консенсуса в стране автор считает налаживание института консультаций и переговорного процесса между различными этническими и социально-политическими группами.

Таким образом, разрешению ситуации может способствовать также несколько вариантов ее развития: национальное примирение, проведение конституционной реформы, предусматривающей преобразования в военной, управленческой и политической сфере, и внедрение переходной судебной системы для установления всех обстоятельств послереволюционного вооруженного противостояния, федерализация страны с предоставлением ограниченной автономии ряду регионов для реализации ими собственных стратегий развития в рамках единого государства.

2) Интеграция вооруженных движений, лояльных национальной армии и расформирование существующих сил быстрой поддержки как обязательное условие мирного строительства.

Интеграция как подход к построению мира становится все более популярной в стратегиях разрешения конфликтов. Это связано с тем, что она надеется достичь взаимовыгодного результата для основных сторон конфликта. Изначально она направлена на достижение приемлемого компромисса во имя мира. Однако, как было отмечено на примере Судана после революции 2018 - 2019 гг. процесс не сработал из-за влияния индивидуальных и этнических интересов. Плохое планирование и поспешная реализация процесса также являются одной из основных причин неудач интеграции.

Соответственно, этот подход может быть успешным только благодаря комплексному и непрерывному подходу к процессу и подчинению личных/этнических интересов интересам общественного согласия. В этой

связи необходимо наличие хорошо продуманной интеграции при поддержке населения как части более широкого подхода к реформе сектора безопасности (далее - РСБ), поддержки со стороны внешних партнеров, а также неспешного процесса, развития потенциала интегрированного ополчения. В основе этого процесса должен лежать призыв к патриотизму и отстаиванию общего блага, а не стремление к личной/этнической выгоде.

На современном этапе переговорный процесс в стране пока не привел к достижению обозначенных целей. Рамочное соглашение, подписанное в Джубе в декабре 2022 г., согласно которому предусматривалось создание переходной гражданской власти в стране, не стало отправной точкой [97]. Поскольку в апреле 2023 г. окончательное соглашение по этому вопросу подписано не было, причиной чего «стали противоречия между суданской армией, руководимой главой Суверенного совета страны Абдель Фаттахом Бурханом, и военизированными формированиями – СБР, во главе которых стоит заместитель Бурхана по Суверенному совету Мухаммед Дагло, по вопросу интеграции Сил в ряды армии. Этот пункт является одним из самых спорных в обсуждаемом сторонами соглашении» [98].

Таким образом, возникает вопрос: как сделать так, чтобы интеграция работала как стратегия создания единых вооруженных сил?

Первый шаг осуществление военной интеграции. Другими словами, ключом к успешному является формированию единой военной организации, поскольку предыдущие интеграционные соглашения терпят неудачу из-за того, что они плохо структурированы. При разработке стратегии интеграции военизированных формирований необходимо принимать во внимание особые обстоятельства суданского государства. Хотя из опыта других стран можно извлечь уроки, лучше всего адаптировать стратегии к конкретным условиям, поскольку универсального шаблона не существует. Следует обратить внимание на возможные причины неудачи и на необходимость их избегать. Интеграция является частью более широкого процесса РСБ/ДР, поэтому ее осуществление требует больших капитальных затрат. Это часто выходит за

рамки возможностей постконфликтного государства и требует внешней финансовой поддержки.

Переподготовка ополченцев в профессиональное подразделение, безусловно, требует времени. Укрепление доверия между национальной армией и повстанцами, формирующими интегрированную армию – долгосрочная задача. Особенно, учитывая, что это были военные противники, которые уничтожали друг друга. Поэтому целесообразно приступить к процессу интеграции, имея «дорожную карту» с указанием основных этапов.

Интеграция вооруженных групп в постконфликтное мирное урегулирование применялась во многих конфликтных ситуациях. К сожалению, большинство из них, как правило, оказываются неудачными и приводят к возобновлению конфликтов. Стороны конфликта, как правило, преследуют свои интересы, которые они стремятся реализовать с помощью войны или мирных соглашений. Хотя компромисс ради мира хорошая идея, однако он рискует подтолкнуть соответствующую вооруженную группу или другие стороны к выдвижению новых требований. Уступка требованиям чревата созданием неверного впечатления, что насилие приводит к более успешному результату. Это может способствовать выдвижению вооруженными группами новых требований, которые будут соответствовать только их интересам.

Интеграция военизированных группировок в единые вооруженные силы Судана должна предусматривать ответные действия на потенциальные проблемы, которые могут возникнуть в этом процессе:

- Поспешное осуществление военной реформы в сочетании с нехваткой финансовых ресурсов и политической доброй воли.

- Проблема изменения статуса повстанцев в ряды национальной армии при интеграции. Поскольку часть из них будет считать, что заслужила свои звания и ей должны быть даны соответствующие должности в армии, данная проблема требует тщательного подхода.

- Проблемы доверия между интегрированными повстанцами и солдатами национальной армии.

- Проблемы политической лояльности к новому руководству.

- Проблемы, связанные с этнической и религиозными идентичностями в рамках единой военной организации страны.

Планирование и осуществление интеграции повстанцев и военных в постконфликтный период имеют потенциал для достижения успеха, если они осуществляются тщательно, с учетом социально-культурных и политических различий. Таким образом, перед лицом всех дилемм и проблем необходимо последовательно осуществлять интеграцию вооруженных групп в постоянную армию как важнейшую стратегию к построению мира.

Вместе с тем, создание единой военной организации может потребовать упразднения наиболее ангажированных и непримиримых военизированных организаций. Поскольку в результате массовых убийств, которые эти ополченцы совершали и продолжают совершать в отношении граждан, указанный вариант, по-видимому, является наилучшим способом борьбы со этими субъектами в суданском государстве. Другими словами, требуется использование принудительных мер для борьбы с ополченцами, включая применение военной силы, а также политическую и материальную маргинализацию и изоляцию этих образований от реальных и потенциальных сторонников. Среди политических элит и общественных формирований практически достигнут консенсус в отношении того, чтобы не иметь дела с этими образованиями и не реагировать на их действия. Сутью этого подхода остается использование принудительных мер, которые оказывают большее давление на военизированные организации с целью изменения их убеждений и поведения.

По мнению автора, наибольшую актуальность при исследовании конфликта, начавшегося в 2023 году между руководителями переходного периода в Судане, имеет подход «социального исключения». В апреле 2023 г. вышли указы Председателя Переходного суверенного совета Судана об

исключении Хамедти из состава Совета и роспуске Сил быстрого реагирования после начала боевых столкновений между ними и вооружёнными силами Судана. Однако СБР продолжили функционирование несмотря на принятые меры. С развитием нового конфликта внутри Судана Силы быстрого реагирования стали основным военным противником для вооружённых сил государства. Деятельность СБР регулируется законом, принятым в 2017 г. После прихода к власти Абдель Фаттах аль-Бурхан внес много поправок в этот закон. Вначале нужно тщательно проанализировать эти поправки перед их отменой.

Для утверждения национального консенсуса в Судане следует принять ряд принудительных мер по борьбе с Силами быстрого реагирования. В то же время стоит обратить внимание на ряд характерных черт СБР перед началом организации их роспуска. Силы быстрого реагирования имеют устойчивые международные связи и финансовую независимость. В этой связи считается вполне возможным осуществить силовые действия в отношении Сил быстрого реагирования, поскольку они осуществляют нелегальную экономическую деятельность, которая должна быть полностью в ведении Министерства финансов.

3) Изменение государственного устройства – федерализация страны.

Федерализм как эффективная система управления социальным и национальным разнообразием получил широкую известность и разнообразное применение в древней и современной истории стран и народов, и в настоящее время он является наиболее подходящей формулой для управления новым Суданом и укрепления основ мира, развития и стабильности в стране [99].

Примечание – Спустя 30 лет после его отмены, то есть с момента его отмены правительством бывшего президента Омара аль-Башира в 1991 году, был издан конституционный указ № 6. за 2021 год о возвращении к федеральной системе правления в стране. Однако он до сих пор не был применен в связи с рядом событий, наиболее важными из которых являются: Октябрьский переворот 2021 г. События, последовавшие за ним, последние из которых - события (войны) апреля 2023 г.

Однако, прежде чем применять указанную стратегию, особенно важно проанализировать, что именно в дискурсе понимается под федерализмом. Как отмечается А.В. Сидоренко, в современной политической практике доминирует американское представление о федерализме [115]. В силу этого модели государственного устройства, не схожие с американской, но, тем не менее, тяготеющие к федерализму, стали получать клеймо «квази-федералистских». Претензию американской модели на универсализм, в особенности при урегулировании этнополитических конфликтов, исследователь справедливо считает необоснованной. Во-первых, она была сформирована в специфических исторических условиях, которые предполагали опору на «идеологию индивидуализма и ассимиляции» и осуществление «культурной гомогенизации». Во-вторых, «американский федерализм базируется на чисто территориальной концепции федерации», не принимая во внимание «негеографические аффилиации, такие как этничность, религия, гендер и другие групповые идентичности» и вступая тем самым в диссонанс с широко обсуждаемым в американском обществе мультикультурализмом.

Не учёт фактора идентичности при развитии федерализма в Республике Судан может носить критичный характер. В нашем случае последнее рассматривается как стратегический шаг по урегулированию конфликта, в основе которого немаловажную роль играют этнический и религиозный факторы. Опыт «нарезки» Африканского континента в колониальную эпоху продемонстрировал, что использование территориального принципа формирования политических субъектов может способствовать нарастанию и без того существующей конфликтности на этнорелигиозной почве. Иными словами, разработка стратегии федерализма в Судане исключительно на по территориальному принципу без учёта идентичности может привести к еще более деструктивным последствиям.

Соответственно, представляется необходимым перед выбором стратегии федерализации в Судане раскрыть специфику ее реализации применительно в

этой стране. Диссертант выделяет следующие черты предлагаемого сценария федерализации:

1) Институционализация механизмов достижения консенсуса между политическими акторами в рамках федерации с учетом их различий по параметрам этнической и религиозной идентичности, особенностей социокультурного развития, исторической памяти и др.

2) Фиксация в правовых источниках понятия и принципов федерации, а также определение иных правовых институтов, закладывающих основы федеративных отношений.

3) Пересмотр отношений «центр-регионы».

4) Пересмотр отношений «регионы-местное самоуправление» и реформирование местного самоуправления.

5) Демократизация, препятствующая формированию иллюзии достигнутого федерализма (посредством усиления контроля за обеспечением честных и свободных выборов, осуществления антикоррупционной политики и др.).

6) Согласование интересов политических акторов, отстаивающих идею развития федерализма в Судане, с их возможной интеграцией.

7) Создание необходимых условий для обеспечения безопасности жителей субъектов федерации, включая усиление внутреннего и пограничного контроля за поставками вооружения и миграцией.

8) Формирование представлений о важности и необходимости федерализма на ментальном уровне суданцев через образование, науку и средства массовой коммуникации, включая работу по противодействию развитию ксенофобских настроений, политического абсентеизма и др.;

9) Легитимация обновленного федеративного устройства страны на международном уровне, включая поиск потенциальных партнеров (организаций и государств), способствующих развитию федерализма в Судане.

Некоторые из вышеуказанных специфических черт, характеризующих предлагаемую стратегию федерализма в Судане, черпают достоинства из других стратегий. Так, например, первая черта сочетает в себе преимущества стратегии достижения консенсуса и стратегии федерализации, шестая тесно связана со стратегией интеграции, а девятая – с участием «третьей стороны». Это делается не только с целью согласования между собой предлагаемых диссертантом мер по урегулированию этнополитического конфликта, но и с целью демонстрации факта, что такое урегулирование требует комплексного подхода.

Во-первых, представляется целесообразной институционализация механизмов достижения консенсуса в рамках федерации. Она предполагает урегулирование конфликтов, связанных с борьбой за ресурсы (в особенности, территориальных споров, связанных с установлением новых границ в рамках федерации) между племенами, этническими, религиозными и иными группами, путем создания разветвленной сети переговорных и консультативных структур, направленных на поиск консенсуса в центре и на местах. Состав сотрудников таких структур (медиаторов, экспертов-консультантов и др.) не рекомендуется формировать исключительно кадровыми ресурсами «третьих сторон». Очень важен подбор именно местных специалистов, погруженных в региональную специфику конфликта, имеющих представление о суданских группах интересов, об их планах деятельности, о готовности к переговорному процессу и о желаемой модели федерализма.

В свою очередь, финансирование создания и работы переговорных и консультативных структур возможно сделать государственным, однако, по мнению автора, целесообразно сфокусировать внимание на комбинированном финансировании, где часть средств будет направляться государствами – стратегическими партнерами и (или) международными организациями. Несмотря на наличие среди исследователей дискуссий о роли последних в урегулировании этнополитических конфликтов на Африканском континенте, опыт поддержки Судана показал, что международные финансовые институты

(далее - МФИ) «оказывали скоординированную поддержку экономическим реформам, добившись определенных успехов в непосредственном воздействии на источники нестабильности и конфликтов» [149]. Данный факт демонстрирует существующую возможность обращения суданского правительства к МФИ и получения необходимой поддержки. В части поиска поддержки среди зарубежных государств для Судана может оказаться особенно эффективным вариант сотрудничества с Российской Федерацией, расширяющей поддержку странам Африки в сложившихся геополитических условиях.

При установлении договоренностей о финансировании между суданским правительством и государствами-партнерами / международными организациями важно фокусировать внимание на том, что целевая направленность предлагаемых мер состоит в создании действительно работающих институтов принятия консенсусных решений политическими акторами Республики Судан по вопросам перераспределения территорий, налогообложения, законодательной деятельности, защиты прав этнических и религиозных групп. Создание механизмов достижения консенсуса выступает условием для уверенного развития федеративных отношений.

Во-вторых, особенно важным является обеспечение федерализации на уровне норм права. В Судане действует Переходная Конституция от 2005 г., обладающая свойством верховенства. Она фиксирует, что в отношении северных штатов Судана принятое на национальном уровне законодательство должно основываться на исламском шариате и и согласии народа, а в отношении южных штатов – на народном консенсусе, ценностях и обычаях народа Судана, включая его традиции и религиозные верования, с учетом многообразия Судана. В регулировании социальных отношений Республики Судан значимую роль имеют религиозные (преимущественно исламские) нормы, что позволяет отнести страну к мусульманской правовой семье.

В действующей суданской конституции институт федерализма и федеративных отношений характеризуется слабой проработанностью.

Имеются декларативные нормы о «децентрализованности» страны, однако они, с точки зрения автора, могли бы быть дополнены отдельной главой (главами), которые бы детально ответили на вопросы о принципах федерализма в Судане, распределении полномочий между центром и регионами, процессуальной стороне урегулирования споров между ними, гарантиях местного самоуправления и о иных аспектах развития федеративных отношений.

Кроме того, проработка конституции не исключает работу над нормами религиозного права. Этот вопрос имеет более сложный характер, чему способствует ряд условий: наличие в Судане множества религий; возможные проявления реакционной функции религии; необходимость налаживания отношений между политическими акторами, продвигающими идею федерализма, и собственно духовными авторитетами; необходимость обращения к религиозным нормам при урегулировании спора в рамках федеративных отношений для создания прецедента и, на его основе, религиозной нормы (что само по себе требует сравнительно больше времени).

В вопросе религиозных отношений, некоторые правовые положения имеют региональную силу из-за доминирующей региональной воли (как это произошло в Южном Судане до отделения), и в вопросах, где может быть упомянуто исключение из общего применения правовой системы, то, что сказано о правовом плюрализме, может быть упомянуто в области образования, информации, руководства, и во всем вопросе, который может повлиять на социальную сущность региона и призван подчеркнуть отличительные черты региона. С другой стороны, вопрос разделения власти, экономические и финансовые отношения рассматриваются как истинное лицо стабильности федеративных отношений на всех уровнях, а ресурсный конфликт является основой различных отношений между группами, принявшими образование федеративного государства [100].

В-третьих, целесообразен пересмотр отношений между центром и регионами, предполагающий определение приемлемого для всех

распределения полномочий, в том числе, в финансово-экономической сфере. Исходя из опыта Судана, в основе текущего конфликта лежит идея увеличения доли штатов для выполнения их роли в бремени местного развития, несмотря на слабость базовой инфраструктуры, а также наличие ряда пробелов в законодательстве и налоговой базе, что вызвало дискуссии по поводу этого опыта из-за сопутствующих недостатков. Контроль центра над справедливым распределением ресурсов, благодаря которому достигается национальная стабильность и развитие путем сосредоточения внимания на государственном инвестировании в экономику, является одной из приоритетных задач нового федерализма. Необходимо пересмотреть политику не только центра, но и регионов, регулиующую занятость и распределение рабочей силы [101].

Определим проблемные вопросы, связанные с пересмотром отношений центра и регионов в Республике Судан, отнеся эти вопросы к нескольким уровням:

1) на уровне федерального правительства. Децентрализованная система в Судане сталкивается с проблемами, которые мешают ей достичь поставленных целей и добиться желаемого. Понятно, что за два с половиной десятилетия существования несовершенной федеральной системы в Судане существенно актуализировалась необходимость корректировки отношений между федеральным правительством и его регионами. Укрепить и упрочить хрупкие узы национального единства должен помочь накопленный опыт регионального взаимодействия между сторонами. Объективная необходимость в устранении препятствий для инвестиций и улучшению налоговой базы выступают одним из важнейших катализаторов реформирования отношений между центром и регионами, а также по линии регион-регион.

Наиболее серьезной проблемой, стоящей перед страной, как уже упоминалось выше, является отсутствие справедливого распределения ресурсов между территориями Судана. Перераспределение доходов и трансфертов в Судане между федеральным правительством и его регионами в

соответствии с пропорционально согласованными стандартами (если это возможно) будет способствовать росту инвестиций на всех уровнях. Перечисление собранных налогов или трансфертов из бюджета федерального правительства в регионы должно способствовать уменьшению диспропорций между ними, и в то же время будет способствовать достижению общих политических целей правительства. Отсюда вытекает важность договоренностей и правового механизма, которые Национальная комиссия должна взять на себя, чтобы справедливо контролировать и распределять доходы.

2) На местном уровне. Закон о местном самоуправлении 1995 г. определил более восьми первоначальных функций, выполняемых местными органами власти, включая множество разнообразных услуг, которые местные власти не могли выполнять из-за своего плохого финансового положения. Ситуация на сегодняшний день осталась прежней, хотя и имеются незначительные улучшения в некоторых местах. Закон 1998 г. расширил роль местного самоуправления, сделав ее более всеобъемлющей, чтобы обеспечить участие населения и всестороннее развитие, но финансовая слабость в конечном итоге помешала достижению этих целей, особенно в достижении сбалансированного развития. В законе 2003 г. закреплено, что создание населенных пунктов должно осуществляться указом президента Республики после консультаций с правительством штата. Кроме того, данный закон представлял собой эволюцию местного самоуправления и его административной структуры через установление связей между центром и штатами.

Следующим этапом стал закон о местном самоуправлении 2007 года, как рамочный закон, который позволяет каждому штату создавать свои собственные местные законы, при условии, что это не противоречит рамочному закону. Результатом этого закона стало увеличение населенных пунктов без учета объективных критериев, в результате чего администрация во многих штатах страны ослабла из-за распыления средств на местное

самоуправление. Таким образом, усилия по развитию местного самоуправления не привели к самоорганизации людей на местах по решению своих жизненных проблем, напротив, началась борьба за выделяемые из центра финансовые средства путем количественного увеличения местных общин, претендующих на трансферы центра. Более того, данные средства преимущественно оседали в руководстве этих общин и не шли на улучшение жизни населения.

В-четвертых, пересмотру отношений центра и регионов в Судане сопутствует необходимость реформирования, децентрализованного (местного) управления, которое, по мнению автора, предполагает реализацию следующих мер:

а) сокращение территориально-административных образований в Судане. В тех экономических условиях, которые переживает суданское государство в результате экономической блокады, введенной против него с 1997 года, а также некоторых ошибок в разработке и принятии макроэкономической политики, сокращение числа суданских штатов остается одним из важных вариантов уменьшения государственных расходов.

Объявление о сокращении числа штатов является большим вызовом для лиц, принимающих политические решения на федеральном уровне, но в то же время оно может быть обоснованным, если поручить этот вопрос экспертам, специализирующимся на вопросах управления и менеджмента, экономики, путем оценки текущей ситуации с помощью проведения глубоких исследований, не забывая при этом ориентироваться на аналогичные и успешные эксперименты. В этой связи, учитывая существующие в Судане реалии, целесообразно сокращение штатов с точки зрения снижения финансовых затрат, развития эффективного управления и создания более совершенной организационной структуры.

б) Перераспределение функций государственного управления между региональными центрами и местным самоуправлением. Проблему дублирования процесса принятия решений между федеральным

правительством, регионами и местными органами власти ради устранения дисбалансов лучше решать радикально. Необходимо усилить координацию в рамках взаимоотношений, особенно на уровне местного самоуправления, которое является основой федерального строительства.

Хотя в рамочном законе о местном самоуправлении от 2017 г. рассматривался вопрос о создании новых населенных пунктов, как упоминалось ранее, существующие населенные пункты должны быть пересмотрены с точки зрения количества и охвата их местным самоуправлением. Думается, что количество существующих населенных пунктов, где организовано местное самоуправление, должно быть оптимизировано. Это предлагаемое сокращение обеспечит экономическую эффективность местного самоуправления, сократит расходы на местные правительственные учреждения и позволит муниципалитетам разумно и удовлетворительно предоставлять основные услуги гражданам в районе, представленном местными органами власти.

Скорее, цель также должна заключаться в том, чтобы обеспечить местное руководство опытными кадрами, навыками и хорошими способностями, чтобы реализовать планы, утвержденные местными советами и максимально достичь поставленных целей.

в) Реформа вертикальных и горизонтальных финансовых отношений.

Академический дискурс о концепции фискального федерализма исторически был сосредоточен на понятии внутренних фискальных трансфертов (от федерального правительства к правительствам штатов). Однако недавняя литература сместила фокус в сторону концепции фискальной политики в контексте институциональных изменений. Распределение различных полномочий между штатами федеральным правительством имеет первостепенное значение, особенно в развивающихся странах, таких как Республика Судан.

Отсюда вытекает важность реформирования государственных финансов в Судане для сдерживания эскалации бюджетного дефицита страны путем

сокращения государственных расходов с помощью нескольких оптимальных мер, наиболее важной из которых является постепенная отмена субсидий на товары и замена их системой прямого субсидирования. Кроме того, проводится реструктуризация государства на всех его федеральных, штатных и местных уровнях с целью сокращения административных расходов, пересмотра государственных трансфертов, реструктуризации внутренних и внешних долгов, структуризации и рационализации расходов, соблюдения бюджетных приоритетов и предотвращения внебюджетных расходов.

Будущее финансового федерализма в Судане зависит от создания новых стандартов, которые касаются вопроса распределения финансовых ресурсов между федеральным правительством и штатами. Это достигается благодаря всестороннему подходу, который фокусируется на важности выживания суданского государства и сохранения единства суданской территории. В настоящее время налоговая служба практически не выполняет своё предназначение, особенно в штатах Дарфур, Южный Кордофан и Голубой Нил. Поэтому реформа вертикальных отношений между федеральным правительством и штатами должна затронуть уровень населенных пунктов, рассматривая их как основу для децентрализованного управления в Судане. При этом распределение финансовых ресурсов должно быть справедливым, основанным на чётких критериях, учитывающих пропорции потребностей и проблем регионов.

Судану необходимо пересмотреть свой опыт децентрализованного управления по форме и оценить его по содержанию, а также использовать инновационные подходы идеи федерализма таким образом, чтобы наконец осуществить административную и финансовую реформы, а также легализовать политическое участие ныне не конвенциональных групп. При этом важно осознать, что федерализм может потерпеть и неудачу, если будет реализован на жесткой централизации или, напротив, широкого суверенитета регионов, которые постепенно превратятся «государства в государстве».

Важно ориентироваться на успешный федеральный опыт управления на региональном и глобальном уровнях. В этом контексте для Судана вполне может оказаться положительным опыт построения федеральной системы в России. В Конституции Судана, необходимость обновления которой была подчеркнута ранее, должно быть четкое определение формы государственного устройства как федеральной, а не союзной, с президентской формой правления. В то же время третий уровень власти (местные органы) должны быть выделены в Конституции как исходный уровень организации социально-политических отношений.

г) Обеспечение федерализации Судана предполагает наличие и работу демократических институтов («правил игры»), препятствующих ситуации, при которой образуется мнимый федерализм: нарушаются демократические процедуры на выборах в субъектах (в том числе фальсифицируются итоги голосования), из-за коррупции игнорируются установленные нормы взаимоотношений между центром и регионами, между регионами и местным самоуправлением, нарушается свобода средств массовой информации, а также допускаются иные правонарушения, препятствующие демократизации, обеспечению прозрачности федеративных отношений.

Внедрение демократических принципов управления в современном мире стало востребованной задачей для любой политической системы, которая стремится быть признанной на региональном и международном уровнях. Демократизация требует больших усилий, сильной воли и желания как от правящих, так и от оппозиционных политических лидеров в одной стране.

В случае Судана упомянутая ранее реформа децентрализованного управления также требует укрепления демократии, усиления парламентского контроля (в Национальной ассамблее, законодательных органах штатов и местных органах власти). Это делается для того, чтобы контролировать перегибы и коррупцию в центральных органах исполнительной власти в столице, а также в штатах и населенных пунктах в целом, и продолжать оперативно привлекать растратчиков к ответственности. Экономия

государственных средств и укрепление подотчетности должны опираться на следующие шесть принципов управления: участие, верховенство закона, правосудие, прозрачность, подотчетность и оперативность реагирования.

Применение Суданом федеральной формулы на этих принципах, предоставление штатам и населенным пунктам определенной степени автономии при одновременном усилении полномочий федерального правительства (центра), позволит снизить центробежные тенденции. Федеральная система, основанная на законе и уважении прав меньшинств, имеет больше шансов на успех, чем формальная, поскольку она также сочетает в себе единство и плюрализм и укрепляет политический союз в рамках более широкого единства. В обеспечении демократических «правил игры» существенную роль имеет грамотная работа правоохранительных органов. Она возможна при условиях совершенствования подготовки специалистов для данной отрасли в учебных заведениях Судана и ужесточения политики в сфере контрольно-надзорной деятельности.

Реальная демократия является одной из важнейших составляющих успеха федерализма, присутствуя на всех уровнях управления, поскольку это включает в себя распространение свобод и расширение политического участия на всех уровнях власти, особенно на низовом уровне. Демократия ведет к политической стабильности и мирной передаче власти, а также является ключевым и важным фактором в снижении уровня административной коррупции.

При этом демократия не является самоцелью, она может существовать только при определённом политическом сознании, которое, как известно, предполагает достаточно продолжительный период формирования. Кроме того, демократия должна опираться на этнические и религиозные институты, которые создала сама социальная жизнь, в которой предусмотрены демократические процедуры. Например, это касается деятельности Шуры, органа, который может быть встроен в демократическую федеральную систему правления.

Федерализация в Судане предполагает наличие реальных политических сил (акторов), которые бы могли ее продвигать и обеспечивать. Укрепление влияния политических акторов возможно при использовании подходящих политических технологий и интеграции.

Однако для этого необходимо проведение анализа действующих в Республике Судан акторов с учетом их интересов и стратегий, а также с учетом того, могут ли последние быть согласованы между собой. Такой анализ позволил бы определить наиболее приемлемые методы урегулирования текущего этнополитического конфликта.

Обобщив информацию о наиболее крупных акторах, диссертант определил соотношенность интересов и основных стратегий урегулирования конфликта, отвечающих программным убеждениям сторон применительно к определенной территории Судана в таблице 4

Таблица 4 - Социально-политические объединения Судана, находящиеся в состоянии многостороннего национального конфликта: характеристика интересов, стратегий управления

Политические силы	Интересы	Регион	Стратегии
1	2	3	4
Силы свободы и перемен. Центральный совет (ССПЦС). Демократический блок	- Продвижение демократии и верховенства закона в Судане. - Защита прав человека в Судане (право на жизнь и безопасность, гражданские и политические свободы, экономические, социальные и культурные права, Права меньшинств). - Продвижение экономического развития в Судане	Все регионы	- Стратегии политико-институциональной инженерии, основанные на управлении сохраняющимися этническими различиями - Политика национального примирения - Политический диалог, строительство государственных институтов, укрепление государственного управления, решение экономических и социальных проблем

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
Народно-освободительное движение Судана/Север, во главе с Абдулазизом Аль-Хилу	Автономия, социальная справедливость, права человека	Западный Судан – Голубой Нил и Южный Кордофан	- Федерализация на условия ограниченная автономия местных органов власти из-за этнических и культурных различий - политика национального примирения - Культурная автономия - Интеграция в военный институт, переговоры, решение экономических и социальных условий, социальная справедливость и построение государственных институтов
Народно-освободительное движение Судана - фракция Малик Агар	Пере-формулирование подхода к управлению в Судане и демонтаж контроля центра над регионами	Западный и центральный Судан - штаты Дарфур, Южный Кордофан и Голубой Нил.	- Федерализация на условия ограниченная автономия местных органов власти из-за этнических и культурных различий - Политика национального примирения / культурная автономия Интеграция в военный институт, переговоры, решение экономических и социальных условий, социальная справедливость и построение государственных институтов
Освободительное движение Судана - Переходный совет во главе с Абдулом Вахидом Мохамедом Нуром	Автономия и устранение причиненного ущерба Дарфуру и другим маргинализированным районам Судана	Западный Судан	- Федерализация на условия ограниченная автономия местных органов власти из-за этнических и культурных различий - Политика национального примирения / Культурная автономия - Ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов
Сбор сил освобождения – под руководством Аль-Тахера Хаджара	Автономия Дарфура, социальная справедливость, права человека	Западный Судан	- Федерализация на условия ограниченная автономия местных органов власти из-за этнических и культурных различий - Политика национального примирения / культурная автономия - Ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
Движение за справедливость и равенство	Автономия Дарфура, социальная справедливость, права человека, прежде всего, защита от военного насилия	Западный Судан	- Федерализация на условия ограниченная автономия местных органов власти из-за этнических и культурных различий - Политика национального примирения / ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов и достижение автономии региона
Освободительная движение Судана - возглавляет Минни Арко Минави	Автономия региону Дарфур и другим маргинализированным районам Судана, достижение свободы, плюралистической демократии, суданской идентичности и требование самоуправления	Западный Судан	- Федерализация на условия ограниченная автономия местных органов власти из-за этнических и культурных различий - Политика национального примирения / культурная автономия - Ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов и достижение автономии региона
Движение Тамадзуж - возглавляется Мухаммедом Али Куреши	Автономия, причиненной региону Дарфур и другим маргинализированным районам Судана, достижение свободы, плюралистической демократии, суданской идентичности и требование самоуправления	Западный Судан	- Федерализация на условиях ограниченной автономии местных органов власти из-за этнических и культурных различий - Политика национального примирения / культурная автономия - Ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
Коррекционная конференция Бежа	Политическими целями Фронта являются политическая практика, работа по демократическому переходу и предоставление гражданам возможности получить свои права посредством политической практики, ведущей к выборам в конце переходного периода	Восточный Судан	- Федерализация на условия административном отношении федеральные единицы в этих регионах пользуются своего рода гарантированной конституцией автономией в некоторых конституционных областях и делят власть в соответствии с согласованными правилами в других политических областях - Политика национального примирения - Культурная автономия - Переговоры, интеграция в вооруженные силы, более широкое участие во власти и принятии решений, работа над принятием консенсусной демократической системы, гарантирующей участие всех суданских этнических групп и меньшинств
Конференция Бежа	Развитие, борьба с бедностью, болезнями и неграмотностью, а также принятие федеральной системы правления в Судане	Восточный Судан	- Федерализация на условиях наличия у федеральных единиц в этих регионах своего рода гарантированной конституцией автономии в некоторых областях и деления власти в соответствии с согласованными правилами в других политических областях - Политика национального примирения / культурная автономия. Ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов
Объединенный народный фронт за освобождение и справедливость	Автономия региона Красного моря, социальная справедливость, права человека	Восточный Судан	- Федерализация на условия административном отношении федеральные единицы в этих регионах пользуются своего рода гарантированной конституцией автономией в некоторых конституционных областях и делят власть в соответствии с согласованными правилами в других политических областях - Политика национального примирения / культурная автономия - Ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
Объединенный народный фронт за освобождение и справедливость	Автономия региона Красного моря, социальная справедливость, права человека	Восточный Судан	- Федерализация на условия административном отношении федеральные единицы в этих регионах пользуются своего рода гарантированной конституцией автономией в некоторых конституционных областях и делят власть в соответствии с согласованными правилами в других политических областях. - Политика национального примирения / культурная автономия. Ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов
Объединенный народный фронт за освобождение и справедливость	Автономия региона Красного моря, социальная справедливость, права человека	Восточный Судан	- Федерализация на условия административном отношении федеральные единицы в этих регионах пользуются своего рода гарантированной конституцией автономией в некоторых конституционных областях и делят власть в соответствии с согласованными правилами в других политических областях. - Политика национального примирения / культурная автономия. Ведение переговоров, интеграция в вооруженные силы, решение экономических условий, достижение социальной справедливости, создание государственных институтов

Источник: составлено автором.

Как обозначено в таблице 4, большинство военизированных образований Судана указывает в качестве целей своей борьбы ряд сходных положений. Среди них обеспечение социальной справедливости в государстве; экономическая реформа и справедливое распределение богатства и ресурсов между центром и регионами; защита прав человека; автономизация регионов; демократизация управленческих структур.

Соответственно, наиболее важными путями урегулирования этнополитических конфликтов являются следующие:

1) Развитие федеральной системы, при этом подчеркивая, что федерализм может сосуществовать только с демократией, которая должна быть еще больше укреплена на всех уровнях федерального правительства.

2) Усиление парламентского контроля (в Национальном совете, законодательных советах штатов и при создании местных советов) с целью контроля над эксцессами и коррупцией в центральных, штатных и местных исполнительных органах, а также для скорейшего привлечения к ответственности растратчиков.

3) Реформирование государственных финансов для сдерживания эскалации бюджетного дефицита страны путем оптимизации расходов на федеральных, штатных и местных уровнях для сокращения административных расходов.

4) Развитие института местных советов как контролирующего органа, который помогает осуществлять мониторинг за аккредитованными на местах органами в соответствии с планом, утвержденным советом, и сосредоточиться на местных приоритетах в предоставлении основных услуг и развитии.

5) Решение проблемы дублирования решений между федеральным правительством, штатами и местными органами власти, а также работа над расширением и увеличением полномочий на разных уровнях власти, в дополнение к ужесточению координации в рамках взаимосвязей, особенно на уровне местных органов власти.

Достижение данных целей представляется возможным посредством процедур согласия с целью сокращения количества активных конфликтующих сторон за счет унификации их требований и слияния участников или полной реструктуризации вследствие достижения устраивающих всех договоренностей.

Укрепление влияния политических акторов, отстаивающих продвижение по указанным ранее направлениям, возможно производить и посредством отдельных легальных политических технологий: политического имиджмейкинга, политического PR и др. Однако для применения таких

технологий в перспективе необходимо соблюдение двух условий: разоружение политических акторов и (или) их перевод в серию легальных политических партий, а также модернизация основных каналов влияния на общественное мнение (здесь имеется в виду ограниченность использования суданцами сети «Интернет» в силу множества причин, в том числе активного цензурирования, инфраструктурных возможностей, уровня благосостояния граждан, особенностей производства, поставки и продажи электронных устройств).

В-седьмых, преобразования, связанные с федерализацией страны, предполагают изменения в рамках политической культуры, осуществление которых крайне затруднительно в условиях активного ведения боевых действий, бесконтрольного распространения вооружения, взрывчатых веществ, а также нелегальных и опасных для жизни услуг. Во многом из-за слабого контроля над ними для жителей Судана по-прежнему определяющей остается скорее ценность «выживания», чем ценность «самовыражения». Противопоставление, которое было популяризовано Р. Инглхартom, вполне может объяснить ситуацию, сложившуюся с политическими ценностями суданцев (в данном случае речь идет не о политической элите, а о представителях низестоящих страт). На первом плане стоят размышления вовсе не о том, как усовершенствовать действующую форму государственного устройства, а о том, как обеспечить личную безопасность в условиях регулярных протестов, всесторонних угроз, неопределенности будущего для себя и своего близкого окружения. Учёт этого обстоятельства позволяет прийти к выводу, что популяризация идеи федерализма в Судане требует для начала создания как можно более безопасных условий жизни для граждан. Это, в свою очередь, предполагает усиленную работу внутренних органов по контролю за распространением оружия и миграцией.

В-восьмых, тесно взаимосвязанным с предыдущим аспектом является популяризация идеи федерализма на ментальном уровне суданцев, от чего напрямую зависит успех процесса федерализации. Однако для разработки мер

в рамках данного направления необходимо учитывать специфику работы каналов формирования общественного мнения в Республике Судан.

Так, серьезной проблемой современного суданского образования является падение уровня его инфраструктурной и институциональной обеспеченности на фоне ведения боевых действий – за годы гражданской войны было разрушено и повреждено множество школ, а силы молодого поколения оказались перефокусированными на военную сферу. По данным Доклада ООН о человеческом развитии в 2023-2024 гг., Судан находится по индексу человеческого развития на 170 месте из 193 проанализированных стран и отнесен авторами доклада к группе стран с низким уровнем человеческого развития («low human development») [104]. При этом один из показателей индекса – среднее количество лет, потраченных на обучение – составляет 3,9 (при ожидаемой продолжительности обучения 8,5).

Вышеприведенные данные позволяют прийти к выводу о том, что меры по популяризации идеи федерализма через образовательные организации Республики Судан на текущий момент могут охватить лишь ограниченную часть населения. Необходимость модернизации образования и повышения уровня грамотности населения видится явной, однако для этого необходим комплекс условий. На текущем этапе возможно реализовать, как минимум, одно из них, а именно найти релевантные источники финансирования со стороны международного сообщества. Следует повторно подчеркнуть, что поддержка Судана в данном отношении согласуется с Концепцией гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Россия способна поделиться опытом федерализации путем расширения программ академического обмена: приглашая российских преподавателей и ученых в Судан и приглашая суданцев поучиться, в том числе начать строить научную карьеру, в России. Передача знаний и идей о федерализме и условиях его достижения (необходимости снижения ксенофобских настроений, политического абсентеизма и т.д.) суданцам, в том числе, будущей элите

республики, представляется эффективным способом продвижения предлагаемой стратегии.

Следующим каналом воздействия на общественное мнение, который также характеризуется необходимостью совершенствования, являются средства массовой коммуникации (далее - СМК). На текущий момент в открытом доступе находится крайне мало исследований, посвященных анализу распространенности сети «Интернет», радио, телевидения и сотовой связи на территории Республики Судан. Однако имеющиеся данные позволяют заключить, что указанные инструменты коммуникации также не охватывают существенную часть населения. Особенно остро эта проблема стоит в племенах, где основным способом передачи информации выступает устная речь (и в этом отношении потенциал образования как канала популяризации идеи федерализма выше). Однако если рассматривать в качестве целевой аудитории воздействия слои населения, которые можно отнести к действующей или будущей суданской элите, то популяризация через СМК идей федерализма остается актуальной и необходимой задачей. В данном случае главным инструментом выступают уже упоминавшиеся ранее политические технологии.

В-девятых, значимой чертой предлагаемого сценария федерализации выступает легитимизация обновленного государственного устройства Судана на международном уровне. Она неразрывно связана с содержательным совершенствованием методов государственного брендинга. В этом контексте уместно сфокусироваться на устранении стереотипов о Республике Судан как о террористической угрозе, политически нестабильном и опасном для проживания государстве, где ущемляется право на национальное самоопределение. Следует указать, что данное направление не является самостоятельной мерой федерализации: оно направлено на закрепление успеха федерализации и реализуется как дополнение к описанным ранее мерам. В пределах государственного брендинга Судана неотъемлемую роль играет налаживание отношений с зарубежными государствами и

международными организациями, некоторые из которых могут выступить «третьими сторонами» по урегулированию этнополитического конфликта. Более детально вопрос участия «третьих сторон» будет рассмотрен далее по ходу диссертационной работы.

Диссертант взвешенно подходит к потенциалу предложенных стратегий. Поэтому целесообразно изначально выделить их слабые, сильные стороны, их возможности и угрозы реализации.

Сильной стороной (strengths) предлагаемых стратегий является положительная практика применения в различных странах. При этом применительно собственно к ситуации в Судане, диссертант охарактеризовал основные политические силы согласны с реализацией предлагаемой стратегии (в частности это отражено в Дафуровских соглашениях в соответствии с таблицей А. 1 в приложении, а также отражено в заявлениях, намерениях и действиях основных политических сил согласно таблице 4.

Слабой стороной (weaknesses) будут являться соответственно процессы в Судане, которые объективно мало способствуют реализации данных стратегий в силу исторических, социально-экономических, военно-политических и других условий.

Возможности (opportunities) позитивные обстоятельства, содержащиеся в стратегии, а главное разделяемые ведущими политическими силами страны, которые способны стабилизировать ситуацию в Республике Судан и содействовать урегулированию этнополитическим конфликтам и перманентного политического кризиса стране.

Угрозы (threats) негативные характеристики, положения стратегии, которые в силу собственных интересов сторон не способствуют урегулированию конфликтов в Республике Судан.

Результаты SWOT-анализа представлены в таблице 5.

Таблица 5 – SWOT-анализ стратегий урегулирования этнополитических конфликтов в Судане

Достижение консенсуса в рамках стратегии национального примирения	
1	2
Сильные стороны	1 Восстановление доверия между различными этническими группами в Судане имеет первостепенное значение в процессе строительства суданского государства. 2 Отмечаются факторы стабилизации, в том числе содействие совместной работе по разрешению существующих противоречий между этническими группами в зонах конфликтов 3 Имеется общественный запрос на продвижение и установление «духа законности» и толерантности в государстве путем реформирования системы правосудия и законов 4 Среди элиты наблюдается общее согласие в отношении содействия созданию единого гражданского общества, основанного на интересах различных регионов и групп населения Судана
Слабые стороны	1 Застарелые конфликты между политическими элитами, внутренне перемещенными лицами (ВПЛ), различными организациями гражданского общества, вооруженными движениями и пострадавшим от войны населением осложняют процесс достижения консенсуса 2 Отсутствие доверия между центральным правительством, региональными элитами, а также различными этническими группами и социальными силами может стать препятствием для примирения 3 Отсутствие устоявшейся нормативно-правовой базы, опора на временные конституционные механизмы и отсутствие постоянной законодательной организации являются препятствиями на пути к примирению
Возможности	1 Способствует восстановлению доверия между различными этническими группами Судана для построения суданского государства 2 Стабилизируют отношения между этническими группами в зонах конфликтов, способствуя совместной работе над разрешением имеющихся противоречий 3 Способствует установлению «духа законности» и толерантности в государстве 4 Способствует созданию объединённого гражданского общества, основанного на учёте интересов различных регионов Судана. 5 Содействует процессу достижения общественного консенсуса по дальнейшему развитию Судана, который является одним из столпов политической стабильности
Угрозы	1 Не учитывает внешнее влияние, поскольку ориентирована отношения между местными социальными силами. Геополитические игроки опосредовано могут использовать технологии дестабилизации по противодействию достижению консенсуса путем поддержки сепаратистских движений, препятствуя процессу примирения

Продолжение таблицы 5

1	2
Угрозы	2 Требуется наличия устойчивой воли по снижению этнической напряженности, особенно в ситуации, когда имеется исторически накопленное недоверие. В результате, особенно на первичном этапе политики примирения высокая вероятность срыва усилий по примирению 3 Сложность реализации при наличии антагонистических противоречий
Интеграция вооруженных движений, лояльных национальной армии и расформирование существующих сил быстрой поддержки как обязательное условие мирного строительства	
Сильные стороны	1 Объединение вооруженных движений в рамках общей военной организации формируют чувства национального единения, тем самым смягчая сепаратистские тенденции и маргинализацию 2 Интеграция комбатантов в гражданскую жизнь посредством программ обучения и трудоустройства может быть продемонстрирована как способ превращения их в производительную силу, служащую обществу в целом 3 Включение вооруженных движений в единую военную организацию повышает легитимность центрального правительства и облегчает процесс государственно-управленческих преобразований
Слабые стороны	1 Создание объединённых вооружённых сил потребует разоружения и демобилизации части вооруженных формирований вызовет их противодействие, поскольку люди потеряют не только властные позиции, но и возможности содержания себя и своих семей. Процесс слияния и демобилизации считается долгим и трудным 2 Отсутствие доверия между бывшими вооруженными противниками может вызвать конфликты и невозможность реализации основополагающего принципа функционирования военной организации - единоначалия 3 Слабость экономики, проблемы с финансированием и нехватка ресурсов являются дополнительными ослабляющими факторами формирования единых вооруженных сил 4 Проблемы со статусом и местонахождением бывших повстанцев, поскольку, повстанцы, включённые в вооруженные силы будут стремиться оставаться в «своих» регионах и более подчиняться региональной власти, чем центральной. Недоверие между бывшими противниками делает трудно достижимым экстерриториальный принцип комплектования вооружённых сил 5 Отсутствие опыта и механизмов организации внутриармейской жизни бывших противников, опосредуя рост этнической и религиозной напряженности 6 Проблемы, связанные с формированием командования вооруженных сил, где основные политические силы будут стремиться продвинуть на высокие должности «свои» командиров

Продолжение таблицы 5

1	2
Возможности	1 Высокие ожидания общества по окончанию гражданской войны, способствует осознанию политическими элитами, прежде всего, центральным правительством без альтернативности создания единых вооруженных сил, что значительно снизит вмешательство внешних сил во внутренние дела Судана, особенно приграничных государств 2 Стабильность военной организации является важнейшим условием улучшения социального и политического климата в стране, способствуя нейтрализации причин перманентной гражданской войны в Судане 3 Осуществление изменений в конституционном законодательстве, закрепляющие статус и место вооруженных сил относительно политической системы 4 Способствует достижению коренного перелома в боевых действиях против повстанцев, что позволит диктовать условия многочисленным вооруженным группировкам, на которых они смогут войти в объединенную военную организацию 5 Привлечение Российской Федерации к созданию военной организации выступает положительным фактором. Поскольку у России имеется положительный опыт управления многонациональными воинскими коллективами; вооружений, которые способны освоить военнотружущие суданской армии; опыт борьбы с повстанцами; инкорпорирования бывших противников в военные структуры; развитая база и опыт подготовки военнотружущих иностранных государств. В этом контексте строительство военно-морской базы в Судане может стать мощным стабилизирующим фактором для военно-политической обстановки в Судане 6 Привлечение российских ЧВК также может способствовать примирению враждующих сторон. Особенно в контексте того, что российские ЧВК имеют налаженные связи с Силами быстрого реагирования
Угрозы	1 Недостаток доверия между сторонами, что порождает взаимную подозрительность между правительством и вооруженными движениями регионов, что, в свою очередь, препятствует выполнению соглашений 2 Сохранение или использование оружия некоторыми группами может привести к нарушению безопасности и возобновлению активных боевых действий 3 Различные интересы и видение устройства военной организации: неоднородность вооруженных движений и разнообразие их целей затрудняют выработку единой концепции 4 Реализация программ интеграции и реабилитации требует значительных финансовых ресурсов, что усугубляется ухудшающейся экономической ситуацией в Судане

Продолжение таблицы 5

1	2
Угрозы	5 Вовлечение внешних субъектов, заинтересованных в продолжении конфликта в Судане или «своём» видении послевоенного устройства, представляет собой серьезную проблему для успеха процесса интеграции и продвижения инициатив по формированию нового облика вооруженных сил. 6 Отсутствие надежной институциональной базы осуществления военной реформы, способной реализовать программы интеграции
Изменение государственного устройства – федерализация страны	
Сильные стороны	1 Общеизвестно, что усиление ответственности за предлагаемый план на национальном, региональном и местном уровнях может быть достигнуто посредством демократического, консультативного и административного политического участия населения 2 Установление равноправных органов власти на разных уровнях, как было продемонстрировано, способствует более тесным отношениям между правительством и народом, тем самым позволяя предоставлять услуги, разрабатывать и реализовывать идеи и содействовать национальному единству 3 Каждый уровень правительства признается имеющим свои собственные особые компетенции и обязанности, тем самым снижая вероятность структурных конфликтов между различными уровнями правительства 4 Сокращение административного бремени в сочетании с конвергенцией управления и предоставления услуг имеет потенциал для содействия инклюзивным процессам принятия решений, предоставляя каждому слою общества возможность вносить вклад в определение и формулирование региональных и местных планов и политик, которые способствуют сбалансированному построению нации и экономическому развитию
Слабые стороны	1 Слабость местной финансовой и экономической инфраструктуры слабо способствует сбалансированным отношениям. 2 Исторический опыт Судана показал, что имеются высокие риски с координацией, планированием и сотрудничеством между федеральными и местными органами власти, особенно на ранних этапах формирования исполнительных и законодательных органов системы 3 Дисбаланс в критериях формирования субъектов федерации, населенных пунктов и административных единиц может привести к значительному увеличению их числа, что будет не соответствовать организационным возможностям центра и самих регионов. Это, в свою очередь, может привести к недостаточной социально-экономической эффективности, а также недовольству в образовавшихся анклавах

Продолжение таблицы 5

1	2
Слабые стороны	4 Потенциальный переизбыток желающих создать «свои» автономные территориальные образования в сочетании с ограничениями, налагаемыми финансовыми ресурсами. Это может препятствовать реализации дафурских договорённостей и приводить к нарушению принципа справедливого политического представительства. Это особенно заметно на территориях, где плотность населения регионов и населенных пунктов является определяющим фактором при определении административных единиц наряду с другими экономическими, социальными и административными критериями
Возможности	1 Внедрение федеральной системы способствует укреплению национального единства за счет перераспределения ресурсов 2 Привлечение местных лидеров и экспертов из различных групп к разработке и реализации стратегии федерализации 3 Оптимизация административно-управленческих структур за счет сокращения численности персонала и административных органов 4 Установление международных связей для оказания финансовой и технической поддержки 5 Улучшение управления за счет реформирования вертикальных и горизонтальных финансовых отношений
Угрозы	1 Создание федеральной системы в текущей ситуации несет в себе риск обострения этнической напряженности, особенно если она не построена на справедливой основе. Это также может привести к сепаратистским тенденциям в некоторых регионах, прежде всего, среди этнических групп, которые считают, что у них достаточно ресурсов или которые исторически были маргинализированы 2 Экономический ресурсный дисбаланс может быть усугублен федеральной системой, при слабо работающих централизованных механизмах перераспределения ресурсов. И если богатые ресурсами регионы отказываются делиться с менее богатыми регионами, может возникнуть экономическая и политическая напряженность 3 Федеральная система может быть подорвана слабыми государственными институтами, которые не смогут действительно осуществлять координации политики между центральным и региональными правительствами 4 Нехватка квалифицированных кадров для управления регионами может потенциально привести к дискредитации федеральной системы. Кроме того, плохое управление федерализмом может использоваться некоторыми политическими силами в качестве предлога для оправдания возврата к централизации или даже для разжигания разногласий

Продолжение таблицы 5

1	2
Угрозы	5 Отсутствие широкого политического консенсуса, которое может усугубляться существующими разногласиями в политической и социальной среде, может помешать формированию единого политического соглашения, тем самым поставив под угрозу стабильность федеральной системы 6 Передача полномочий регионам без достаточных ресурсов может затруднить развитие и усугубить бедность, что увеличит риски сепаратизма. Построение федеральной системы в такой нестабильной политической и безопасной среде может быть затруднена присутствием ополченцев и вооруженных сил, неподконтрольных государству, что затрудняет поддержание безопасности и стабильности
Привлечение третьей стороны к урегулированию этнополитических конфликтов в Республике Судан	
Сильные стороны	1 Имеется ряд стран-интересантов урегулирования этнополитических конфликтов в Судане: Египет, Саудовская Аравия, Россия, КНР и ЮАР. 2 Названные третьи стороны играют ключевую роль в содействии переговорам между конфликтующими сторонами, поддержке примирения и поддержании мира. Это объясняется их большим опытом в подобной деятельности и значительным авторитетом среди различных политических сил Судана 3 Участие этих третьих сторон в предоставлении военной и разведывательной помощи для решения проблем безопасности в стране было и остается эффективным в усилиях по восстановлению мира и достижению долгосрочной стабильности
Слабые стороны	1 Зависимость от западных внешних сторон, из-за их противоречивых интересов противоборствующих сторон, особенно, когда речь идёт о финансовой, военной, материальной помощи со стороны западных государств 2 Имеются многочисленные потенциальные ограничения региональных и международных инициатив, особенно со стороны Соединенных Штатов и их союзников, учитывая, что это может потенциально поставить под угрозу их интересы 3 Определенные региональные субъекты (в частности, Объединенные Арабские Эмираты) заинтересованы в продолжении конфликта, что подкреплено их постоянной поддержкой восстаний и беспорядков как в политическом, так и в логистическом плане
Возможности	1 Привлечение предложенных третьих сторон, может способствовать улучшению дипломатических связей и укреплению партнерских отношений 2 Обозначенные третьи стороны способны внести значительный вклад в постконфликтное восстановление и реинтеграцию, а также оказать существенную помощь в разоружении вооруженных групп и предотвращении рецидивов насилия

Продолжение таблицы 5

1	2
Возможности	3 Являются важным дополнением в продвижении устойчивого мира посредством международных дипломатических, гуманитарных и экономических усилий
Угрозы	1 Влияние западных и других внешних сил, руководствующихся своими собственными целями по недопущению обозначенных сторон к укреплению своих позиций в регионе 2 Наличие потенциала дестабилизации из-за военно-политической конкуренции со стороны внешних игроков 3 Вероятность возобновления насилия в угоду бенефициарам региональных группировок, связанных с интересами других государств 4 Переходное правительство будет подвергаться значительному политическому давлению со стороны западных держав 5 Наличие межкультурной и этнической напряженности 6 Недостаток ресурсов, выделяемых на долгосрочные программы восстановления

Источник: составлено автором по результатам SWOT-анализа [59].

По мнению автора, процесс национального примирения и достижения политической стабильности при существующих политических трендах может занять примерно четыре года, и должен включать в себя три этапа:

первый этап (12 месяцев). Начало реализации политики национального примирения и подготовка к формированию единой для всех регионов нормативно-правовой базы (с учётом особенностей); разведение противоборствующих сторон и всеобщее перемирие, создание коалиционного правительства; обеспечение свободного передвижения по стране и гарантий безопасности по этническому и региональному признаку.

В более конкретном исполнении на первом этапе должно быть осуществлены следующие мероприятия.

Первые шесть месяцев (выбор третьей стороны и начало политики национального примирения). Критерии выбора третьей стороны: максимальная нейтральность и беспристрастность, опыт в миротворчестве и урегулировании конфликтов, понимание специфики этнополитических конфликтов в Судане.

Диссертант полагает, что третью сторону, прежде всего, должны быть представлять: в качестве региональных сторон Египет и Саудовская Аравия; в качестве международных организаций (ООН, ОАС – Организация Африканская Союз, ЛАГ – Лига Арабских Государств). А страны-гаранты представлены (Российская Федерация, Китай и Южная Африка). Причем именно Российская Федерация должна быть привлечена как основная третья сторона по урегулированию этнополитического конфликта в Судане, поскольку она способна:

1) осуществлять сотрудничество с переходным правительством и оказать техническую поддержку правительственным, гражданским и военным институтам с целью содействия политической стабильности и безопасности в стране.

2) Правительство Российской Федерации может сыграть стержневую роль, участвуя в переговорах между конфликтующими сторонами, оказывая поддержку примирению и сохранению мира. У России имеется богатый опыт такой деятельности, а также большой кредит доверия со стороны различных политических сил Судана.

3) Осуществить реальную поддержку безопасности путем предоставления военной и разведывательной помощи для нейтрализации вызовов безопасности для страны.

4) Наладить и укрепить взаимовыгодное дипломатическое сотрудничество с суданским правительством и задействованными региональными и международными субъектами по преодолению суданского кризиса. Следует отметить, что достижение мира и стабильности не может быть без устранения американского и западного влияния, которое только усугубляло кризисное состояние суданского на протяжении последних шести десятилетий из-за требований следовать эфемерным для практики политической жизни в Судане стандартам.

Кроме то, в рамках первого этапа необходимо провести следующие мероприятия:

1) создание контактной группы, которая включает представителей всех конфликтующих сторон с задачей разработки повестки дня переговоров и создание правил их проведения;

2) информирование и мобилизация населения, где главным должно стать объяснение целей и задач переговоров и поддержка мирного процесса;

3) переговоры и политика национального примирения. С этой целью необходимо достичь соглашения о прекращении огня; предложить согласованный с основными политическими силами долгосрочный план урегулирования конфликта, где ключевыми вопросами должны быть: распределение власти и ресурсов, языковые и культурные права, возвращение беженцев и внутренне перемещенных лиц, и механизмы контроля за выполнением соглашения [129];

4) постконфликтное восстановление / реализация положений соглашения: разоружение и демобилизация вооруженных формирований; реституция и реинтеграция; начало восстановления инфраструктуры, а также программы по примирению и восстановлению доверия;

5) обращение к международному сообществу под гарантии правительства Судана о финансовой и технической помощи, а также поддержка миротворческих операций (если потребуется) и реализации программ постконфликтного восстановления. Организация дипломатического давления: обеспечение соблюдения сторонами конфликта своих обязательств; и предотвращение возобновления насилия.

Вторая половина года: подготовка к осуществлению федеральной реформы, реализация принципа разделения властей и реформы основных государственных институтов.

Формирование правовой базы федеративных отношений на всех уровнях. При этом возможно увеличение доли штатов, чтобы они могли выполнять свою роль в местном развитии, несмотря на слабость базовой инфраструктуры и пробелы в законодательстве и налоговой базе. Вместе с тем, должно пройти усиление контроля центра над справедливым распределением ресурсов и

законодательства федерации и штатов, регулирующее занятость и распределение рабочей силы, что имеет решающее значение для национальной стабильности и развития.

Второй этап (24 месяца). Реформа основных экономических и политико-институциональных институтов; принятие постоянной Конституции на всенародном референдуме.

Главной целью данного этапа должно стать принятие постоянной Конституции, которая должна создать в дальнейшем устойчивую нормативно-правовую базу для экономических и политико-институциональных основ суданского общества.

На этом этапе должны быть предприняты следующие конкретные шаги:

1) создание постоянных советов, которые будут подотчетны правительству советников. Это позволит обеспечить более эффективное управление и подотчетность перед народом;

2) принятие новой Конституции, утверждающей новое федеральное деление Судана, государственное устройство и транспарентные принципы взаимодействия центр-регион;

3) в сотрудничестве с иностранными компаниями начать реализацию проектов по развитию инфраструктуры, включая транспорт, энергетику и образование. Это позволит создать условия для экономического роста;

4) реформирование системы здравоохранения и социальной защиты, что позволит улучшить качество жизни населения.

Третий этап (12 месяцев). Проведение всеобщих выборов. Передача власти от переходного правительства (правительства советников) Правительству, которое будет сформировано по результатам демократических выборов.

Этот этап предлагает преодоление издержек предыдущих этапов, достижение устойчивости через легитимацию вновь избранной власти, а также формирование жизнеспособной модели для управления Суданом в пост-

переходный период. При этом должны учитываться различные риски, связанные с историческими и социальными особенностями страны.

Кроме мер, указанных выше, на каждом этапе могут быть приняты дополнительные меры, направленные на достижение целей правительства советников. Например, на первом этапе могут быть приняты меры по борьбе с коррупцией и обеспечению верховенства закона. В свою очередь, на втором этапе могут быть приняты меры по развитию местного самоуправления и гражданского общества, а на третьем этапе должны быть приняты меры по обеспечению прав человека и защите меньшинств.

Таким образом, можно сделать вывод, что успешность реализации плана будет зависеть от множества факторов, особенно от политической воли руководства страны, поддержки населения и международного сообщества. Думается, реализация обобщенной стратегии позволит Судану преодолеть многочисленные проблемы и построить более справедливое и процветающее общество.

3.2 Привлечение третьей стороны к урегулированию этнополитических конфликтов в Республике Судан

Как отмечалось в первой главе диссертации, вовлечение третьей стороны в урегулирование конфликтов широко предлагается в научной литературе как один из наиболее эффективных способов разрешения этнополитических конфликтов. Считается, что третьи стороны могут обеспечить более нейтральную перспективу, облегчить коммуникацию между спорящими сторонами, а также предоставить техническую помощь и ресурсы, которые помогут урегулировать конфликт без предвзятого отношения к одной стороне по отношению к другой.

Существуют различные типы вовлечения третьей стороны в разрешение этнополитических конфликтов. Их применение зависит от характера конфликта и уровня насилия, применяемого в нем, от уровня самого

конфликта, а также от того, на какой стадии протекает сам конфликт: начальной стадии (латентный период) или на стадии зрелости.

Третья сторона может быть непосредственно включена в конфликт. Так внешние акторы, международные организации, региональные объединения и соседние страны могут предоставить поддержку и ресурсы. Опосредованное вовлечение может проявляться в международном давлении и санкциях, применяемых к основным непосредственным сторонам, чтобы ограничить их возможности по разжиганию насилия и заставить одну или обе стороны достичь уровня консенсуса или провести переговоры по удовлетворительному для всех сторон решению. Данные подходы будут подробно рассмотрены в настоящем параграфе в контексте суданского примера.

Привлечение третьей стороны в Южном Судане:

отделение Южного Судана — это не что иное, как повторение сценария отделения Восточного Тимора в 1999 г. Западные страны во главе с США поддерживают этот сценарий с помощью различных средств, важнейшим из которых является военная, политическая и финансовая поддержка сепаратистских движений.

Политика трайбализма и прозелитизма, а также отказ от международных санкций и угроз Международного уголовного суда, привели к тому, что Судан, в конечном итоге, потерял часть своей территории. Точно так же, как есть выигравшие стороны от отделения юга, есть и множество сторон, пострадавших от этого решения, таких как Китай и Россия. Судан считается одним из самых больших проигравших, поскольку потратил многие годы после соглашения о самоопределении, которое привело к отделению, на узкопартийные разногласия, и не предпринял никаких действий для предотвращения отделения юга.

Все годы независимости не убедили южан, что единство — лучший вариант для них. По сути первая Гражданская война между Севером и Югом началась в 1955 г. и продолжалась до 1972 г. Было убито 1,5 млн человек, и вторая гражданская война вспыхнула в 1983 г. и продолжалась до 2005 г.

(2 миллиона убитых и 5 миллионов перемещенных лиц). В итоге США помогли заключить мирное соглашение, которое дало Южному Судану право проголосовать за отделение в 2011 г.

Сравнимая ситуация в настоящее время разворачивается в западной суданской провинции Дарфур, где крупные державы, такие как Соединенные Штаты и другие европейские страны, имеют корыстный интерес в обеспечении господства над суданскими ресурсами, при этом главная цель заключается в расширении своего мирового влияния путем поддержки сторон, вовлеченных в конфликт в вышеупомянутом регионе. Вмешательство вышеупомянутых стран, возглавляемое Соединенными Штатами, некоторыми европейскими странами Израилем, выходит за рамки простого сдерживания гуманитарного кризиса в Дарфуре. Хотя это утверждение действительно справедливо в определенной степени, не менее важно признать роль соседних государств, таких как Чад, Ливия и другие страны Центральной Африки. В этой связи обозначим наиболее значимые национальные и международные факторы, способствовавшие возникновению конфликта в регионе Дарфур, который также носит и этнополитический оттенок.

Роль государства Южного Судана:

государство Южный Судан поддерживает повстанческие движения, особенно Движение за справедливость и равенство, которое имеет светскую ориентацию, и с которым у него сложились хорошие отношения еще в прошлом, то есть до обретения независимости государства Южный Судан.

Поддержка правительством Южного Судана повстанческих группировок в Дарфуре объясняется следующими обстоятельствами.

Правительство Южного Судана поддерживает Дарфурские повстанческие группировки, поскольку использует их в качестве марионеточных сил против правительства Северного Судана. Южный Судан рассматривал эти движения как возможность оказать давление на партию Национальный конгресс, чтобы заставить север выполнить свои обязательства по Всеобъемлющему мирному соглашению и сотрудничеству, которое было

подписано в 2012 г. Еще одной целью поддержки является подчинение повстанческих движений Дарфура, которые по сути маргинализированы. Это проявилось с началом процесса восстановления связей между SPLM и повстанческими движениями в Дарфуре. Несмотря на это, следует отметить, что политики, выступающие против правительства Дарфура, в настоящее время не полагаются на Южный Судан как на основу.

Принятие Южным Суданом повстанцев может быть обусловлено несколькими факторами, в том числе снижением внешнего давления на его лидеров со стороны враждебных государств и организаций, имеющих различные интересы в Судане. Эти государства и организации могут быть заинтересованы в разжигании конфликта в Судане и использовании SPLM (Народно-освободительного движения Судана) для получения разведывательной информации или дезинформации относительно продолжения конфликта.

Что касается интересов Южного Судана, то они могут быть следующими:

- Принятие повстанцев может быть частью стратегии по обеспечению и защите интересов Южного Судана. Это может помочь снизить враждебное давление со стороны северного соседа и других групп, которые могут угрожать стабильности и безопасности страны.

- Взаимодействие Южного Судана с повстанцами потенциально может послужить попыткой укрепить его дипломатическое положение и заручиться поддержкой мирового сообщества. Это может быть использовано как оправдание для прекращения спора и продвижения мирного процесса.

- Принятие повстанцев также может помочь Южному Судану усилить свое региональное влияние, развивая отношения с другими организациями и структурами, которые могут помочь ему защитить свои интересы и достичь своих региональных целей.

- Принятие повстанцев может способствовать региональной безопасности, дипломатии и стратегии укрепления влияния Южного Судана.

- Опасения Южного Судана, имеющего светскую христианскую ориентацию по поводу экспансии и распространения ислама и арабского языка на юге, а также твердая уверенность его лидеров в том, что государство Судан оказывает поддержку и всяческое спонсорство диссидентским группам во главе с «Риек Мачар». Это заставило Южный Судан искать поддержку группам, которые могли бы послужить противовесом этим тенденциям. В дополнение – обвинение государства Южного Судана в спонсировании племенных конфликтов и предоставлении оружия в руки этих племен [102].

Помимо религиозных и культурных мотивов, Южный Судан всегда обвинял суданское государство в спонсировании межплеменных конфликтов и поставках оружия племенам. В ответ на такие обвинения Южный Судан, возможно, выбрал поддержку повстанцев в Дарфуре в качестве ответной меры и стратегии давления на суданское правительство.

Таким образом, поддержка Южным Суданом повстанцев в Дарфуре была обусловлена целым комплексом факторов, включая религиозные, культурные и политические соображения, а также восприятие угроз и стратегию баланса сил в регионе.

Дарфур характеризуется племенным дублированием, так как между Суданом и Чадом существует около пятидесяти общих племен, и около тринадцати племен, которые перемещаются между границами. Кроме того, Чад примыкает к региону Дарфур, и некоторые племена территориально находятся в двух государствах, границу между которыми они считают условной. Такие, как племя Загава, членами которого являются президент «Идрисс Деби» и высокопоставленные чиновники его правительства. Это объясняет, почему Чад оказывает помощь своим гражданам, которые являются беженцами из региона Дарфур, будь то оружием, жильём (открывая центры для беженцев) или другими способами. Кроме того, Дарфур — это задний двор Чада, поскольку большинство переворотов, захвативших власть в Чаде, организовывалось через этот регион. Президент Чада Идрисс Деби

пришел к власти в результате Дарфурского переворота при содействии суданского правительства [103].

Социальное совпадение между пограничными племенами вызвало движение по принципу «действие-реакция». Благодаря прочным племенным связям и своему положению правящего класса в Чаде, племя Загава часто стремится поддержать свой народ в регионе Дарфур, оказывая влияние на вооруженные силы страны. Большое количество оружия из соседних стран поступило в регион Дарфур в результате внутреннего конфликта в Чаде и сопутствующей нестабильности режима. По некоторым оценкам, в Дарфуре находится более пяти миллионов единиц различного вооружения [88]. Кроме того, из-за близости Центральноафриканской Республики к Судану и Чаду, а также из-за этнического смешения, которое существует между ней и Суданом и Чадом, проходят маршруты контрабанды, происходят некоторые беспорядки и не хватает охраны, контролировать эти районы сложно.

По официальным сообщениям, ее границы стали убежищем для повстанческих групп и источником оружия [104]. Центральноафриканская Республика рассматривает территории, прилегающие к ее границам, как стратегическую глубину, и эти районы должны быть стабильными и свободными от любых попыток контроля над ними, будь то со стороны повстанцев или иностранных держав. Учитывая племенные связи между Чадом, регионом Дарфур, ЦАР и Суданом, Центрально Африканская Республика и ее правящий режим также опасаются, что некоторые оппозиционные силы воспользуются конфликтом в регионе Дарфур для совершения переворота или восстания против нее. Поэтому в их интересах разрешить конфликт в регионе Дарфур мирным путем и избежать международного вмешательства [105].

Чтобы остановить и смягчить негативное влияние соседних стран, суданское правительство должно оказать максимальное международное давление, добиваясь осуждения их вмешательства, а также дипломатического

давления, прекращения коммерческих операций и экспорта некоторых важных товаров, которые представляют собой точки давления для этих стран.

Ливия и Египет в урегулировании этнополитических конфликтов в Судане:

конфликт между президентом Ливии, полковником Каддафи, и бывшим президентом Судана Джафаром аль-Нимейри привел к тому, что Ливия попыталась дестабилизировать Судан. По этой причине Ливия в больших количествах поставляла оружие племенам региона Дарфур. Кроме того, в конце семидесятых годов Ливия вооружала арабские племена Дарфура, чтобы уравнивать их в споре с Чадом за пограничную полосу «Аузу», что способствовало разжиганию конфликта и распространению случаев вооруженных грабежей, мародерства и убийств на фоне хаоса в сфере безопасности.

Стоит отметить, что Ливия имеет давние отношения с жителями Дарфура с момента создания и поддержки Исламского легиона в 1980-х годах, который считался острием ливийской стратегии по распространению арабского национализма и ислама в Африке, что объясняет ее связь с «Джанджавид», финансовую и материальную поддержку им. В результате Ливия и правительство Хартума также несут ответственность за наличие неучтённого оружия в Дарфуре.

Ливийский режим «режим Муаммара Каддафи – и нынешний режим» считает, что конфликт в Дарфуре затрагивает многие соседние страны, включая Ливийскую Арабскую Джамахирию. Поэтому любой дисбаланс в политической и человеческой географии Судана будет отражаться на всех странах региона.

Некоторое время она служила мостом между суданским правительством и повстанческими движениями, а затем охватила все вооруженные движения, которые теперь имеют свои собственные независимые представительства в Триполи. Соответственно, несмотря на то что Ливия была катализатором разжигания конфликта в самом его начале, ее позиция в отношении конфликта

в регионе Дарфур работала на его смягчение. Это проявилось как в посредничестве при отстаивании интересов в мирном процессе в Судане, так и при предоставлении помощи перемещенным лицам. Ливия также выступает против иностранного вмешательства в дела Судана и призывает предоставить суданскому правительству возможность урегулировать конфликт на национальном или региональном уровне через Африканский союз.

Однако, учитывая нынешнее состояние Ливии, ее роль миротворца в Дарфурском конфликте ослабла и становится неактуальной. После свержения режима Муаммара Каддафи ливийская оппозиция не смогла создать институциональное государство из-за распространения оружия среди племенных ополчений и боевых действий между ними. Ситуация в Ливии превратилась в открытую войну, особенно после включения ИГИЛ в боевые действия в 2014 году и контроле им некоторых стратегических районов. Из-за хаоса в сфере безопасности Ливии и открытых границ регион Дарфур стал убежищем для экстремистов, что потенциально создает условия для контрабанды оружия из Ливии в Дарфур [102].

1) политическое руководство Египта по Дарфурскому конфликту основана на сохранении единства и стабильности Судана, в связи с последствиями для национальной безопасности Египта. В связи с этим Египет поддерживает позицию суданского правительства на международных форумах, а также его политическую, гуманитарную и дипломатическую поддержку, призывая помочь Судану выбраться из катастрофы, которая его постигла. Египет отвергает иностранное вмешательство в суданские дела и призывает дать суданскому правительству возможность урегулировать конфликт. политическое руководство Египта также считает регион Дарфур частью Судана и считает всех жителей региона, будь то арабского или африканского происхождения, суданскими гражданами, в отличие от ликвидаторов, которые разделили население региона на арабов и африканцев и изобразили конфликт как арабо-африканский.

2) политическое руководство Египта последовательно стремился поддержать суданское правительство в его усилиях по урегулированию конфликта, а также поддержать попытки Лиги арабских государств и Африканского союза. Усилия Египта в отношении Судана в конфликте в Дарфуре были представлены по многим направлениям, включая безопасность, политическое и гуманитарное измерение.

3) Усилия политическое руководство Египта в обеспечении безопасности Судана были представлены оказанием поддержки суданским службам безопасности с целью повышения их эффективности, а также содействием участию в группе наблюдателей от Африканского союза. Это подразумевает присутствие ряда египетских офицеров в составе сил Африканского союза по наблюдению за прекращением огня, а также возможность убедить вооруженных ополченцев отказаться от насильственных действий и вступить в мирные переговоры. Египет противодействовал введению или угрозе санкций поддержкой Судана в Организации Объединенных Наций, а также способностью привлечь поддержку арабских стран.

4) политическое руководство Египта также оказали обширную гуманитарную помощь беженцам, включая медицинскую и продовольственную помощь. Другими словами, Египет прилагает усилия по урегулированию этнополитических конфликтов, особенно в регионе Дарфур. Действия Египта в основном идут по трем направлениям - политическом, гуманитарном и в сфере обеспечения безопасности.

В результате сложилась пёстрая картина интересов соседей Судана по отношению к имеющимся в стране конфликтам. Такие государства, как Южный Судан и Чад, поддерживают сепаратистские тенденции, с другой стороны, Египет выступает в поддержку федерального правительства, где основными позициями являются:

- прекращение огня и уважение суверенитета Судана.

- Сохранение единого суданского государства и предотвращение таких факторов хаоса, как терроризм и организованная преступность, имеющие решающее значение для безопасности и стабильности.

- Важное значение имеет устранение гуманитарных последствий конфликта, особенно в отношении перемещенных лиц и беженцев.

- Реальная финансовая поддержка, а не многочисленные обещания на конференциях по оказанию помощи в выделении финансовых ресурсов на поддержку Судана.

- Решение проблемы нехватки медицинских кадров и облегчения доступа к помощи через соседние территории. Всеобъемлющий диалог между суданскими сторонами имеет решающее значение для всеобъемлющего политического процесса.

- Создание механизмов на уровне министров иностранных дел для разработки плана исполнительных действий и доставки гуманитарной помощи.

Привлечение третьей стороны в Западном Судане:

Великобритания является одной из наиболее активных европейских стран в регионе Судана. Ее интересы можно проследить на конфликте в Дарфуре, который привел к гуманитарной катастрофе. Британская реакция на конфликт была жесткой. Так, нефть стала главной движущей силой британских целей в Судане, а тогдашний премьер-министр Тони Блэр использовал моральную необходимость в качестве предлога для войны [106].

В 2004 г. Великобритания объявила о своей готовности направить военные силы в регион Дарфур для обеспечения доставки гуманитарной помощи тем, кто был перемещен из этого региона в Чад и Южный Дарфур, в соответствии с жесткой британской политикой того времени, как и Соединенные Штаты Америки. Это заявление совпало с желанием Соединенных Штатов в то время направить американские войска в Дарфур, но оно было отвергнуто суданским правительством, Лигой арабских государств и Египтом, которые считали, что любое вмешательство в дела этого региона

Судана равносильно вмешательству в дела Египта, поскольку эти две страны представляют собой стратегическую глубину друг для друга. Когда Великобритания обнаружила, что военное вмешательство в Дарфур было неприемлемо в Судане, Африке, арабском мире или во всем мире в то время, особенно с учетом снижения жесткой американской позиции по этому вопросу в то время, она первоначально смягчила свою реакцию.

В последнее время, когда этнополитический конфликт в Судане продолжает обостряться, ситуация требует эффективного международного вмешательства для ослабления напряженности и достижения мира и стабильности в регионе. Великобритания, как крупный игрок на международной арене, должна выполнить свои обязательства и предпринять необходимые шаги для достижения этой цели.

Во-первых, Великобритания может сыграть конструктивную роль в направлении международного давления на прекращение этнического насилия в Судане и побудить противоборствующие стороны взять на себя обязательства по мирному и устойчивому процессу урегулирования конфликта. Великобритания может достичь этого путем активного участия в международных организациях, таких как Совет Безопасности ООН и Европейский союз, для принятия решений и политики, способствующих миру в Судане.

Во-вторых, желательно, чтобы Великобритания поддерживала дипломатические усилия по достижению всеобъемлющего и продолжительного диалога между враждующими сторонами в Судане. Этого можно достичь путем оказания поддержки международному и региональному посредничеству, содействия политическому диалогу и оказанию помощи в поиске согласованных решений, отвечающих требованиям всех вовлеченных сторон.

В-третьих, Великобритания может рассмотреть возможность оказания гуманитарной и экономической поддержки населению Судана, пострадавшему от конфликта, способствуя улучшению условий жизни и

уменьшению острой потребности в гуманитарной помощи. Эта поддержка может включать предоставление продовольствия, медицинской и образовательной помощи и содействие возможностям экономического развития.

Таким образом, Великобритания, как один из наиболее важных международных игроков, должна взять на себя ведущую роль в этих усилиях. Посредством дипломатического давления, гуманитарной и экономической поддержки Великобритания может внести свой вклад в обеспечение мира и стабильности в Судане.

Возможности Китая в урегулировании этнополитических конфликтов в Судане:

несмотря на то, что Китай активно взаимодействовал с режимом президента Омара Аль-Башира, он сохранил хорошие отношения и с правящим суверенным советом Судана, и после его свержения. Отношения с суданской правящей элитой оставались на прежнем уровне. Китай является одним из значимых международных игроков в Судане, что заставляет его постоянно следить за эскалацией кризисов в стране в последнее время.

Позицию Китая в отношении развития внутренней ситуации в Судане с начала кризиса в середине апреля 2023 года можно определить в рамках ряда ключевых показателей, а именно:

1) Китай надеется, что стороны будут продвигаться к политическому переходному процессу и заинтересован, чтобы стороны соблюдали режим прекращения огня. Вместе с тем, стоит отметить, что Китай не проявил никакого намерения осуществлять посреднические усилия по оказанию влияния на стороны конфликта. Поэтому он внимательно следит за развитием ситуации и событий, но без какого-либо вмешательства во внутренние дела Судана.

2) Предупреждение о нейтральном подходе к сторонам кризиса проявилось в том, что Китай до настоящего времени не заявлял о своей предвзятости ни к одной из сторон кризиса, поскольку не было опубликовано

никаких официальных заявлений, указывающих на существование контактов, направленных на то, чтобы склонить чашу весов одной стороны за счет другой стороны. Это соответствует сбалансированному и осторожному подходу Китая, основанному на «тихой дипломатии», в его внешней политике по отношению к африканскому континенту в целом.

Данная тенденция была подтверждена ранее в рамках заявления специального посланника правительства Китая по делам Ближнего Востока Чай Цзюня во время его визита в Судан 21-23 марта 2022 г. Он обозначил, что позиция Китая по внутренней ситуации в Судане – твердая и ясная, поскольку она основана на поддержке стабильности государства и самостоятельном преодолении его проблем, уверенности в его способности хорошо справляться со своими внутренними делами, а также призыве к внутренним партиям в Судане снизить разногласия посредством диалога.

3) Оперативные действия по эвакуации китайских граждан и дипломатов, для этого министерство обороны Китая развернуло свой военно-морской флот для спасения китайских граждан и дипломатов. Число китайских граждан оценивается примерно в 1500 человек на момент начала кризиса.

4) Включение Китая в урегулирование этнополитических конфликтов в Судане ограничены его экономическими и дипломатическими интересами в стране. Китай заинтересован в сохранении стабильности в Судане, чтобы обеспечить безопасность своих экономических инвестиций. Поэтому Китай будет стремиться к урегулированию конфликта на условиях, которые не будут угрожать его интересам.

Таким образом, Китай пытается дистанцироваться от полномасштабного включения в урегулирование конфликта в Судане, ограничиваясь защитой, прежде всего, экономических интересов. Китай имеет тесные экономические отношения с Суданом, являясь вторым по величине торговым партнером страны. Так, объем внутригосударственной торговли достиг примерно 2,9 млрд долларов в 2022 году, что является увеличением по сравнению с предыдущим – 2021 годом, где он был примерно 2,6 миллиарда долларов.

Отметим, что в ноябре 2022 года обе стороны подписали соглашения об экономическом и технологическом сотрудничестве на сумму на 17 млрд долларов [107].

Кроме того, Китай является одним из крупнейших инвесторов в Судане, где статистика показывает, что до середины 2022 г. инвестировано более 130 китайских компаний. Китайские компании участвуют в различных секторах инфраструктуры и имеют долю рынка более 50% в контрактных работах. Кроме того, Судан был одной из первых стран, решительно откликнувшихся на китайскую инициативу «Пояс и путь», выдвинутую нынешним председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. и направленную на создание торговой и инфраструктурной сети, связывающей Азию с Европой и Африкой [107]. Преследуя свои экономические интересы, Китай оказывает поддержку Судану на международных форумах. Это проявилось в том, что Китай воздержался вместе с Россией от голосования по проекту Резолюция 2676, опубликованному Советом Безопасности ООН от 8 марта 2023, о подтверждении и продлении действия эмбарго на поставки оружия и других санкций, введенных в отношении Судана [108].

Потребность в укреплении отношений с Китаем в немалой степени обусловлена стремлением суданской элиты противостоять американскому влиянию в Судане. Однако в условиях острого соперничества между двумя странами в разных регионах африканского континента Китай способен противостоять американскому влиянию в Судане. Это стало особенно очевидно в свете попытки президента США Джо Байдена перестроить отношения США с Африкой после их ухудшения при бывшем периоде президенте Трампе. В связи с этим в августе 2022 года руководство США приняло новую стратегию США для стран Африки к югу от Сахары, которая направлена на достижение ключевых целей:

- поощрение открытости и открытых обществ, распределение завоеваний демократии и безопасности;

- поддержка восстановления после пандемии и экономических возможностей;
- поддержка сохранения окружающей среды, адаптации к изменению климата и справедливого перехода на энергетику.

Для этого США организовали проведение второго «Американо-африканского саммита» в Вашингтоне в декабре 2022 г. в дополнение к интенсивным визитам официальных лиц США в последнее время, возможно, включая визит министра иностранных дел Блинкена в Эфиопию и Нигер 14-17 марта 2023 г., визита вице-президента США Камиллы Харрис в Гану, Танзанию и Замбию, в течение периода 26 марта - 2 апреля 2023 г.

В свою очередь, Китай опасается, что нынешний кризис в Судане повлияет на стабильность ситуации в соседних странах региона. Особенно в Египте и Эфиопии, которые связаны с Китаем системой стратегических целей и интересов. Это связано с тем, что Египет входит в пятерку крупнейших торговых партнеров Китая в Африке с объёмом внутренней торговли примерно 20 миллиарда долларов. При этом Египет привлёк около 28 миллиарда долларов китайских инвестиций только в период с 2018 по 2019 год, что сделало его крупнейшим получателем китайских инвестиций в арабском мире.

Итак, позиция Китая в отношении развития ситуации в Судане основана, главным образом, на принятии стратегии, основанной на осторожном ожидании, особенно в свете значительных последствий и нестабильности событий. Китай твердо придерживается подхода, основанного на принципе невмешательства во внутренние дела Судана для сохранения устойчивости своей системы стратегических целей и интересов, особенно экономических. Китай, вероятно, поддержит варианты мирного урегулирования, выдвинутые под эгидой многосторонних институциональных механизмов, как на международном уровне Организация Объединенных Наций или на континентальном уровне – Африканский союз.

Роль Соединенных Штатов Америки:

с самого начала конфликта в Дарфуре Соединенные Штаты Америки заняли жесткую позицию по отношению к суданскому правительству. С 2003 г. до сегодняшнего дня США не снимали обвинения правительству Судана в геноциде против населения Дарфура, которое также было признано международным сообществом. США оказали гуманитарную помощь населению Дарфура и призвали другие страны присоединиться к ним в усилиях по прекращению конфликта.

Кроме того, американское правительство стоит за интернационализацией конфликта, придав ему медийную алармическую окраску. Первые шаги на пути к интернационализации в США предприняли через широкую кампанию в СМК и международных организациях, примерно по той же схеме, что и в Косово. В регион была направлена миссия ООН по установлению фактов после того, как в международных коридорах распространилась информация о том, что вооруженные ополченцы, лояльные центральному правительству в Хартуме, совершают массовые убийства в Дарфуре, заставляя тысячи людей бежать из региона.

Американцы решительно поддержали передачу Дарфурского дела в Международный уголовный суд, тем самым загнав не только президента Башира, но и всё суданское государство в спираль напряженности с ситуацией, близкой к «черным лебедям». Эта явная враждебность по отношению к суданскому правительству не ограничивалась администрацией США и официальными политическими институтами, а распространилась и на гражданское общество.

Основные способы участия Соединенных Штатов Америки в урегулировании этнополитического конфликта в Судане представлены комплексом политических, дипломатических и экономических усилий:

1) всеобъемлющая дипломатия. Соединенные Штаты проявляют большой интерес к достижению политического урегулирования конфликта, включая

устойчивое прекращение огня, нормализацию обстановки и формирование гражданского переходного правительства.

2) Дипломатическое давление и экономические санкции. Соединенные Штаты вводят санкции против сторон, вовлеченных в конфликт, целью которых является подтолкнуть их к диалогу и прекращению насилия. Эти санкции, прежде всего, включают внесение в список компаний, принадлежащих представителям вооруженных сил Судана и Силам быстрой поддержки.

3) Поддержка гражданских лиц и переговоры. Соединенные Штаты поддерживают усилия гражданских оппозиционных сил в Судане по прекращению войны и поиску мирного решения. Они выступают за диалог между военными и гражданскими сторонами для достижения всеобъемлющего политического соглашения.

4) Мониторинг и сбор информации. Соединенные Штаты собирают информацию и отслеживают деятельность, связанную с конфликтом в Судане, через обсерваторию по изучению конфликтов, утверждая прекращения боевых действий, достижения прозрачности и подотчетности о нарушении прав человека.

5) Партнерство с Саудовской Аравией. Соединенные Штаты работают в сотрудничестве с Саудовской Аравией, чтобы заставить суданские стороны прекратить боевые действия и обеспечить доступ гуманитарной помощи, и готовятся возобновить официальные переговоры в Джидде при соблюдении необходимых условий.

В целом роль Соединенных Штатов сосредоточена на достижении политического и дипломатического урегулирования этнополитического конфликта в Судане путем поддержки переговоров, оказания дипломатического давления и экономических санкций на вовлеченные стороны, поддержки гражданского населения и постоянного мониторинга ситуации.

Влияние Израиля на этнополитический конфликт в Судане:

Израильское руководство проявляет большой интерес к продолжающемуся противостоянию сторон, вплоть до того, что готов выступить посредником между сторонами. Интерес Тель-Авива к кризису в Судане обусловлен преимущественно вопросами безопасности.

Отношения между Суданом и Израилем руководством долгое время характеризовались латентностью, пока не приобрели публичную форму после присоединения Хартума к соглашениям Брахими в 2020 г. Эти отношения открыли возможности Израильской политической власти для налаживания отношений с арабским миром [102].

Следует отметить, что отношения между Суданом и Израилем руководством на протяжении всей его истории определялись следующими обстоятельствами:

1) преобладание ситуативного видения двумя сторонами этих отношений над стратегическим взаимодействием. Обе стороны стремятся попутно извлечь выгоду из другой для достижения сиюминутных целей, не стремясь заложить прочные основы для развития двусторонних отношений;

2) диспропорция в получении выгод, в то время как Израильское руководство смог достичь некоторых своих целей благодаря отношениям и контактам с Хартумом, будь то через суданские правительства или политические течения. В различные исторические периоды Судан страдал от насильственных кризисов в результате своих отношений с Израилем руководством, самым дорогостоящим из которых был отделение Южного Судана в 2011 г. Тель-Авив был одним из крупнейших сторонников восстания южан против суданского правительства с конца шестидесятых годов прошлого века, пока не произошло отделение;

3) на отношения между двумя сторонами серьезно влияют внутренние кризисы в Судане, с одной стороны, и региональные события - с другой, что делает их отношения нестабильными большую часть времени.

Предложение Израиля политическая власть о посредничестве не кажется логичным с точки зрения возможности достижения его на местах, поскольку реальных шансы на успех у любого Израильского посредничества нет по следующим причинам:

а) стороны суданского кризиса осознают, что вступление Израиля руководство в качестве посредника для прекращения конфликта между ними может навредить им обоим. Особенно в связи с мобилизацией исламских течений и сторонников единой арабской идеологии, суданской улицы против стремления режима Бурхана, наряду с Хемети, установить отношения с Тель-Авивом;

б) хорошие отношения Израиля с обеими сторонами суданского кризиса сами по себе не могут считаться достаточным фактором для успеха посредничества, поскольку предыдущие попытки Израиля выступить посредником между Россией и Украиной провалились, несмотря на тот факт, что Тель-Авив поддерживает хорошие отношения с обеими сторонами;

в) Соединенные Штаты стремятся взять на себя роль главного посредника между сторонами, вовлеченными в конфликт, поскольку стратегические интересы Вашингтона не совпадают с участием Тель-Авива в суданском конфликте. Эта озабоченность объясняется не только соображениями относительно потенциальной роли Китая или России;

г) несмотря на стремление Израиля не подрывать доверие к мирным соглашениям Брахими и его желание успокоить ситуацию, чтобы Судан не вышел из этих соглашений. Тель-Авив понимает, что Судан, возможно, был и останется слабым звеном в цепи мирного соглашения Брахими из-за его страданий от политической нестабильности и нестабильности в области безопасности, и что его выход из этих соглашений возможен в будущем, независимо от того, сколько Тель-Авив приложил усилий для их сохранения.

Между тем, уверенность Израиля в том, что сложности нынешнего суданского кризиса создают вызовы израильским интересам, он признает, что вызовы могут перевешивать возможности, а именно:

- 1) нынешний этап суданского конфликта делает рискованным принятие решений о поддержке одной из его сторон за счет другой. Находясь практически в центре арабского мира, Израиль руководство будет поддерживать свой объявленный нейтралитет между сторонами до тех пор, пока не станет ясно, кто в конце концов одержит верх;
- 2) обеспокоенность Израиля политическая власть перед распадом суданского государства и распространением в нем хаоса, который угрожает выживанию Судана в рамках соглашений Брахими, и это также предвещает серьезные проблемы в области безопасности, помимо эксплуатации его врагов (в частности, Ирана), его конкурентов (Турция) и международных акторов, которые могут шантажировать (Россия);
- 3) возможность увеличения рисков для безопасности израильских коммерческих конвоев, проходящих через Красное море, особенно с учетом предыдущих обвинений в том, что Иран использует некоторые незащищенные районы в Аравийском море для совершения нападений на израильские торговые суда;
- 4) предыдущий опыт Израиля политическая власть указывает на возможность использования зон хаоса в целом для передачи оружия противникам Тель-Авива.

В сирийском государстве Иран смог передать оружие своему союзнику «Хезболлах» в Ливане, в Йемене про-тегеранское ополчение Хуситов также угрожает морскому судоходству в Красном море, а Судан в определенные периоды был убежищем для некоторых террористических группировок, таких как «Аль-Каида» и поддержка некоторых палестинских организаций, борющихся с Израилем (Хамас и аль-джихад).

Таким образом, погружение Судана в хаос может дать антиизраильским группировкам возможность обеспечить безопасное убежище для своих боевиков, а также облегчить их задачу по контрабанде оружия и персонала в районы, близкие к израильским границам, как сухопутным, так и морским.

Подводя итоги, можно констатировать, что, вполне вероятно, в интересах Израиля активно координировать свои действия с Соединенными Штатами и использовать свои хорошие отношения со сторонами конфликта, чтобы добиться восстановления спокойствия в Судане, что привело бы к передаче власти гражданским течениям, которые не проявили категорический отказ налаживать отношения с Тель-Авивом. В случае передачи власти гражданским лицам в Судане Израиль ожидает, что правящий режим сосредоточит свои усилия на преодолении политического кризиса, кризиса в области безопасности и экономического кризиса у себя дома, и может попытаться укрепить свои отношения с Тель-Авивом, если сочтет, что это откроет ему двери в Вашингтоне и европейских столицах.

Если ситуация ухудшится и попытки примирения между суданскими сторонами провалятся, Израиль будет готов к альтернативному сценарию: выбору союзников из числа конфликтующих сторон, которые могут возникнуть на руинах нынешнего суданского государства. Тель-Авив уже сделал выбор, когда укрепил свои отношения с Суданом. Освободительное движение и помогло ему отделиться от юга в 2011 году, а Республика Южный Судан стала одним из союзников Израиля на Африканском континенте.

Особенности привлечения третьей стороны в Восточном Судане.

Судан представляет точку пересечения ряда региональных и международных конфликтов, наиболее заметный из которых находится в восточном регионе Судана. Эти пересечения можно наблюдать через группы интересов – Саудовская Аравия – Объединенные Арабские Эмираты – Египет, с одной стороны, и турецко-катарской – с другой, в дополнение к международной конкуренции между Соединенными Штатами Америки, Российской Федерацией и Китаем. Рассмотрим эти альянсы более подробно.

Суданские порты представляли собой важное звено экономической и стратегической конкуренции, особенно в рамках китайской инициативы «Пояс и путь», в которой многие эксперты видят будущее региона. Поскольку очевидно, что эта конкуренция усложнит внутренние конфликты для

некоторых сторон, превращая регион в поле конкуренции. Особенно в свете противоречий между внутренними суданскими группировками относительно сотрудничества с различными внешними осями, эксплуатирующими недовольство населения региона и его внутренний конфликт. Это, в свою очередь, также осложняет политическую ситуацию, ситуацию в сфере безопасности и экономики [72].

В частности, Объединенные Арабские Эмираты хотят приобрести порт Порт-Судан, вступив в региональную конкуренцию с крупными странами, стремящимися получить контроль над наибольшим количеством портов в Баб-эль-Мандабском проливе. Это привело к забастовке портовых рабочих из-за опасности, которую представляет этот вопрос для перемещения суданских экспортных товаров, что негативно и напрямую влияет на доходы государственной казны Судана. Суданское правительство расторгло контракт филиппинской компании с эмиратской Dubai Ports Company на законных основаниях, поскольку он дает государству иностранный контроль над жизненно важной и чувствительной артерией страны. Поэтому вопрос о том, подпадает ли этот инцидент под зонтик разрешения конфликтов и под заголовок «Участие третьей стороны в делах Восточного Судана», является актуальным [109].

Позже, в начале 2022 г. ОАЭ возобновили свои попытки самостоятельно захватить порт, для достижения этого они наладили отношения с администрацией США, чтобы исключить название Судана из списка стран-спонсоров терроризма в обмен на предоставление им портов Судана. Таким образом, очевидно, что суданские порты представляют собой одну из важнейших линий международной и региональной конкуренции в восточной части Судана, а отсутствие стабильности в политической обстановке, безопасности и экономических условиях, что в свою очередь отражается на трафике в Красном море.

Роль государств региона в урегулировании этнополитических конфликтов в Судане:

очевидно, что можно связать конфликты в восточном Судане и проблемы в региональном соседстве (регион Африканского Рога). Согласно теоретической модели «формирования региональных конфликтов», насильственное течение конфликта на уровне региона обычно представляет собой множественное переплетение противоречий между сторонами региона. Это усложняет процесс урегулирования этих конфликтов и, к тому же, нередко представляет собой различные формы насильственной деятельности, таких как: гражданские войны, этнополитические конфликты, социально-экономические кризисы, конфликты границ, в дополнение к международным интервенциям на соответствующие территории. В случае Судана и стран Африканского Рога очевидно, что эти проблемы явно присутствуют, хотя и в разной степени [110].

Аналогичным образом, конфликты и гражданские войны, происходящие в стране, или состояние нестабильности, часто распространяются на соседние страны. Они пересекают границу по различным причинам, например, слабая сторона конфликта прибегает к привлечению союзника из соседних стран. Существует своего рода структурная причина, представленная в характере обществ, проживающих на границах двух стран в плане расы, религии или языка. Так, например, эти конфликты часто экспортируют беженцев в соседние страны, что, в свою очередь, может стать причиной разжигания конфликтов и напряженности по социальным, экономическим или даже этнополитическим причинам [111].

Следует отметить, что наличие восточного региона Судана на границе с Эфиопией и Эритреей привело к тому, что он стал очагом напряженности между этими двумя странами и Суданом, особенно в девяностые годы. После этого суданское правительство переосмыслило ситуацию и попыталось установить мир с ними посредством «Судан-эритрейского примирения» в 2005 г. и мирного соглашения в восточном Судане в 2006 г. Для сохранения

общего племенного баланса в пределах границ двух стран было достигнуто дополнительное соглашение о пограничном контроле, а также ряд договоров об экономическом и логистическом сотрудничестве в 2011 г. для защиты своих стратегических интересов в восточном регионе Судана [112].

Кроме того, до сих пор в определенной степени сохраняются опасения по поводу позиции Египта в отношении Большой эфиопской плотины Возрождения, где вновь проявляется влияние внутренней напряженности в Судане. Противоречия между племенами и центром в эфиопском регионе Тиграй в восточном Судане, представляют новую угрозу для политического и экономического положения суданского режима и Восточного фронта. Все это приведёт только к ухудшению безопасности и разрушению границ, волнам миграции и перемещения населения из Эфиопии в Судан.

Возвращаясь к вопросу о более широких международных и региональных связях, можно обнаружить, что они распространяются в следствие некоторой заинтересованности зарубежных игроков на восточных границах Судана. Например, стороны Персидского залива ранее использовали некоторые конфликты в регионе для создания зон влияния и воздействия и вели через них то, что можно описать как войну по доверенности (например, в Йемене). Эти вмешательства также можно интерпретировать как причины разжигания племенных конфликтов в восточном регионе Судана с целью подорвать стойкость суданских портовых работников на Красном море, изнуряя их общины в постоянных конфликтах [113].

Вовлечение Африканского союза в процесс урегулирования этнополитических конфликтов в Судане:

вмешательство Африканского союза в кризис в Дарфуре можно охарактеризовать как спокойное поначалу для сторон, возглавляемых мозамбикским президентом союза. После встречи на высшем уровне Союза и его Совета мира и безопасности в 2004 г. был выделен военный контингент из 300 солдат для защиты групп по оказанию гуманитарной помощи и содействия в регионе, мониторинга реализации предложенных решений и обеспечения

соблюдения режима прекращения огня между правительством и вооруженными движениями. Одной из причин того, что этот военный контингент не смог предотвратить эскалацию конфликта в регионе, стало американское давление, которое побудило суданское правительство обратиться к Союзу с просьбой увеличить свои силы в регионе в 2006 г. [115].

По мере продолжения насилия эти силы были расширены после получения финансирования и оборудования от Европейского Союза, и их численность достигла 7 000 человек, включая 6 000 человек для прекращения огня и защиты гражданского населения. Однако этим силам не хватало оборудования. Здесь Совет Безопасности ООН высоко оценил вмешательство Африканского Союза в разрешение этого кризиса, что требуется Резолюцией 1556 от 30 июля 2004 г., назвав это вмешательство ведущей ролью и выразив готовность оказать полную поддержку усилиям Африканского Союза. Это было подтверждено в Резолюции 1564 во втором пункте, который гласил: «мы приветствуем ведущую роль, которую играет Союз в решении гуманитарной ситуации в Дарфуре, его готовность оказать поддержку поставками и транспортными средствами и помочь достичь необходимого уровня» [115].

Однако из-за нехватки ресурсов, не позволившей донорам оказать материальную поддержку, и недостаточного опыта своих войск, союз решил прекратить действие своего мандата к концу сентября 2006 г. и выразил согласие передать свою миссию в регионе спонсору ООН, исходя из того, что имеющееся финансирование не позволяет ему выполнять свою роль после этой даты, так как расходы оценивались примерно в 40 миллионов долларов в месяц. Именно поэтому военная группа не смогла предотвратить конфликт на данной территории. На основании этого дефицита Совет Безопасности принял резолюцию 1706 от 16 мая 2006 г. которая угрожает преобразовать миссию Союза в миссию ООН с участием африканских стран. Резолюция 1706, изданная 31 августа 2006 г., направлена на помощь в реализации Абуджийского мирного соглашения, обеспечение гуманитарной помощи и размещение в регионе сил ООН, численность которых оценивается в 17 300

гражданских полицейских. Однако суданское правительство резко выступило против резолюции, считая ее неоколониализмом, и заявило, что будет сопротивляться войскам, если они войдут в Дарфур. Оно также потребовало, чтобы Союз вывел свои войска с территории, если они не возобновят свою работу, несмотря на попытки миссии ООН убедить суданское правительство.

В результате этого отказа была принята резолюция ООН 1769 от 31 июля 2007 г. которая требует размещения на территории 26 000 военнослужащих, полицейских и гражданских лиц ООН и Африканского союза. Правительство одобрило ее, внося изменения в пункты о введении санкций против Судана и обязательстве ООН перебросить войска, после чего 31 сентября была назначена дата передачи полномочий от миссии Союза к совместной миссии (далее - ЮНАМИД) [55]. На сегодняшний день эта резолюция так и не была реализована.

Два совета мира и безопасности (Африканский и ООН) пытались разрешить кризис, работая над двумя основными моментами:

а) попытка мирного урегулирования конфликта: вмешательство Союза само по себе считается негативным, так как является исключением из принципа невмешательства согласно тексту статьи 2/7 Устава, и поэтому его задача становится недостаточной для пресечения нарушений прав человека и гуманитарного права по следующим пунктам:

- Африканский механизм мониторинга процесса прекращения огня, созданный Африканским Союзом в Дарфуре, не справился с возложенными на него задачами из-за нарушений, зафиксированных сторонами, подписавшими Нджаменское соглашение.

Продолжение: после эскалации конфликта в Дарфуре в Судане, государство Чад выступило посредником на переговорах в столице Нджамене, которые привели к гуманитарному прекращению огня между суданским правительством и вооруженными движениями «Справедливость и равенство» и движение «Армия освобождения Судана» 8 апреля 2004 года. Другими сторонами, подписавшими соглашение, были государство Чад и Африканский

Союз, где прекращение огня вступило в силу 11 апреля 2004 года. Национальное движение за реформы и развитие, группа, отколовшаяся в апреле от движения «Справедливость и равенство», не участвовала в переговорах о прекращении огня, и после прекращения огня вооруженные группировки продолжали действовать. Африканский союз создал Комиссию по прекращению огня для контроля за соблюдением режима прекращения огня.

- Африканский союз не смог найти независимый механизм для наказания и привлечения к ответственности нарушителей положений международного гуманитарного права и их прав.

- Африканский союз потерпел неудачу в процессе разоружения ополченцев в регионе, а на гуманитарном уровне Африканский союз не достиг желаемых целей.

б) неэффективность роли Африканского союза связана с его ограниченным влиянием на кризис, несмотря на значительную финансовую и логистическую поддержку со стороны Европейского союза и США. Думается, это связано со следующими причинами:

1) обе стороны испытывают дискомфорт от посредничества, поскольку правительство предпочитает повесить роль арабских государств, в то время как оба военных движения (Суданская армия и силы быстрой поддержки) призывают к прямому международному вмешательству.

2) Африканский союз не имеет реального влияния, чтобы выполнять свои решения [116].

3) Механизм разрешения конфликтов в Африканском союзе был и остается не более чем теоретическими юридическими текстами, из которых лишь немногие были применены, а неспособность организации справиться с региональными конфликтами на африканском континенте позволила решать их не напрямую, а через посредников, назначенных ООН [117].

Следует отметить, что Африканский союз в настоящее время стремится подтолкнуть страну к проведению конституционной реформы. Кроме того,

призыв остановить насилие и привлечь к ответственности стороны, призывающие к нему, подстрекающие к нему и причастные к нему, укрепляет позицию Африканского союза в глазах Европы и США.

На данный момент, судя по всему, Африканский союз при помощи других международных игроков активно стремится прекратить кровопролитие и добиться перемен. Дипломатические операции могут включать в себя посредничество в переговорах между противоборствующими группировками, мобилизацию ресурсов для обеспечения безопасности и оказания гуманитарной помощи населению, а также помощь гражданским лидерам в установлении стабильного и легитимного режима правления.

Однако окончательное решение зависит от множества обстоятельств, включая готовность противоборствующих сторон найти и принять решения, предложенные Африканским союзом и другими международными институтами. Кроме того, для осуществления изменений и прекращения насилия может потребоваться долгосрочная помощь.

Участие Лиги арабских государств:

в своей основе Лига арабских государств осуществляет мониторинг за кризисом как в западном, так и в южном Судане. Так, Лига арабских государств (далее – ЛАГ) создала официальную международную миссию для оценки ситуации в регионе, а также осуществляет контроль над перемещенными лицами и беженцами в восточном Чаде и других странах региона.

Совет Лиги оказывает поддержку в разрешении кризиса при участии арабских стран. Лига арабских государств участвует во всех переговорах по просьбе комиссара, в посреднических усилиях под эгидой Африканского союза и международного сообщества. Результатом этих усилий стало следующее мирное соглашение по Дарфуру, которое включало в себя разделение власти и богатства, меры безопасности и диалог между дарфурцами. Подписание соглашения представляет собой очень важный шаг на пути к мирному политическому решению конфликтов в Дарфуре.

Для реализации данных целей особенно важно извлечь опыт из Дарфурских соглашений 2020 года (далее - Соглашения). Результаты SWOT-анализа позволили ряд их характеристик, приведенных в приложении А.

Соответственно, Лига арабских государств сыграла ключевую роль в разрешении этнополитического конфликта. В 2011 году организация активно участвовала в создании мирного соглашения. Лига продолжила свое участие в мирном процессе, предлагая финансовую и техническую помощь, в дополнение к давлению на стороны конфликта с целью соблюдения условий соглашения.

Следующие шаги, которые ЛАГ может предпринять для укрепления своего участия в урегулировании конфликта включают:

- увеличение финансирования для поддержки мирного процесса;
- отправка дополнительных наблюдателей для мониторинга соблюдения соглашения;
- работа с международным сообществом для оказания давления на стороны конфликта для выполнения своих обязательств;
- содействие укреплению институциональных структур для передачи власти гражданским.

Таким образом, ЛАГ обладает уникальными возможностями для содействия мирному урегулированию конфликта в Судане. Благодаря своему региональному авторитету и связям с обеими сторонами конфликта, ЛАГ может играть важную роль в содействии устойчивому миру в регионе. Есть ли конкретные предложения от ЛАГ для урегулирования или эта организация не в состоянии помочь в урегулировании.

Вовлечение Организации Объединенных Наций:

после очередного кризиса, который произошёл 2023 году в Судане, Организация Объединенных Наций была удовлетворена единогласным принятием Советом Безопасности ООН резолюции № 2685, которая продлила мандат Комплексной миссии Организации Объединенных Наций по оказанию содействия в переходный период в Судане (далее - ЮНИТАМС). В резолюции

подтверждаются все предыдущие резолюции и заявления, касающиеся ситуации в Судане, а также приверженность Совета суверенитету, единству, независимости и территориальной целостности Судана.

В резолюции содержится ссылка на доклад генерального секретаря ООН о ситуации в Судане и деятельности миссии ООН там, с просьбой представлять периодические доклады каждые 90 дней о выполнении мандата миссии. Резолюция решительно осуждает все нападения на гражданское население и работников гуманитарных организаций, одновременно призывая все стороны обеспечить быстрый и безопасный гуманитарный доступ.

Резолюция также подтверждает поддержку миссии ООН и настоятельно призывает к продолжению международного сотрудничества и координации. В нем выражается обеспокоенность по поводу последствий конфликта для соседних стран, подчеркивается важность осуществления мирного соглашения в Джубе и оказания международной поддержки в этой связи.

Резолюция также приветствует Джиддскую декларацию, в которой суданская армия и силы быстрой поддержки обязуются защищать гражданское население, и призывает к ее полному осуществлению. Он настоятельно призывает к оказанию гуманитарной помощи Судану и соседним странам, подчеркивая приверженность суверенитету, единству и территориальной целостности Судана в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Очевидно, что международные и региональные инициативы по прекращению этой войны до сих пор были неадекватны, не в последнюю очередь потому, что они имеют расистский характер и предполагают, что Судан - это не «африканская» проблема, а проблема Запада и Востока, хотя Запад (арабские государства в Северной Африке) также является частью Африки.

Это создает некоторые из самых серьезных сложностей:

- постоянное увеличение числа внешних групп и инициатив. Инициативы США, Саудовской Аравии и соседних стран, а также

предыдущие инициативы «друзей Судана», «тройки», «квартета» и трехстороннего механизма (МОВР, АС и ООН) в совокупности приводят к напрасной трате сил и ресурсов. Лидерство не всегда оптимально координируется, а рычаги воздействия не всегда используются для достижения наилучших результатов.

- Рычаги влияния против легитимности. Внешним сторонам, имеющим влияние, не хватает легитимности, а сторонам, имеющим легитимность, не хватает влияния. Это позволяет уклоняться и действовать избирательно не только сторонам конфликта, но и местным гражданским и политическим акторам.

- Маргинализация политических партий и общественных объединений. Этим объясняется недовольство суданских гражданских организаций легитимацией силы как права и отодвиганием на второй план вопросов ответственности, которые они открыто критикуют и предупреждают, несмотря на всю поступающую изнутри страны информацию о грубых и систематических нарушениях прав человека.

- Военная экономика. Трудно понять неспособность остановить поток ресурсов из соседних стран и других подрывных сил, с одной стороны, и отток таких ресурсов, как золото, в обмен на влияние и военную технику, с другой. Именно эти потоки обеспечивают продолжение войны.

Первым приоритетом является серьезное рассмотрение вопроса о том, как реализовать послевоенный сценарий без армии лидеры, как того требуют гражданские и политические партии Судана. Вопрос в том, как перекрыть их финансовые каналы и как остановить вмешательство деструктивных сил.

Вторым приоритет – прояснить, кто должен сесть за стол переговоров после первого этапа убеждения воюющих сторон прекратить боевые действия. Суданцам нужно время, чтобы прийти к консенсусу. Формируется несколько гражданских и политических фронтов, которые встречаются в разных городах и взаимодействуют с различными внешними сторонами.

*Международное давление и санкции как инструмент принуждения
противоборствующих сил в Судане*

Применение международных санкций против Судана привело к ряду пагубных политических последствий на внутреннем уровне. Стоит отметить, что основные мотивы введения этих санкций против Судана связаны с многочисленными обвинениями, выдвинутыми против суданского режима Аль-Башира спонсирует и оказывает поддержку международным террористическим организациям, в дополнение к нарушениям прав человека в регионе Дарфур, дестабилизации соседних государств, совершению акта геноцида во время конфликта в Дарфуре и обвинениям в торговле людьми и других преступлениях против политической системы Судана [118].

Введенные санкции были трех типов: экономические, дипломатические и военные. Влияние этих санкций на суданский режим было значительным, заставив Армию спасения сконцентрировать власть и богатство в руках суданского севера. Следовательно, он маргинализировали остальные этнические группы в Судане, будь то на юге Судана или в Дарфуре и других регионах, что привело к возникновению конфликтов и растущей проблеме национальной интеграции, от которой Судан страдает с момента обретения независимости [119].

Таким образом, отделение Южного Судана можно, несомненно, считать одним из главных результатов введенных санкций, что способствовало ухудшению экономической ситуации во время режима Аль-Башира, тем самым препятствуя его способности эффективно контролировать повстанческие движения на юге. Это направление было еще больше усугублено эмбарго на экспорт оружия режиму из зарубежных стран, в то время как Соединенные Штаты одновременно вооружали повстанческие группы на юге. Другим существенным последствием международных санкций стало ухудшение экономических условий в стране, высокой инфляции и безработице, а также продолжающемуся участием режима в конфликтах. Следует отметить, что в отношении Судана в 2017 г. были частично отменены

санкции, которые решили разрешить экспорт телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения, позволившие суданцам подключаться к Интернету и социальным сетям. Это обстоятельство в последующем сыграло значительную роль в свержении режима аль-Башира. Призывы к революции и критика власти в социальных сетях привели к переносу протестов на улицу с середины декабря 2018 г. [121].

Экономические санкции, наложенные на суданский экспорт и импорт, впоследствии привели к следующим результатам:

- Sudan Airways, ключевой игрок в секторе авиации, столкнулась со значительными проблемами из-за санкций, что привело к приостановке технического обслуживания самолетов и потере значительной части ее парка, насчитывающего около 15 самолетов. Эта ситуация еще больше усугубилась невозможностью закупить необходимые запасные части, что еще больше усугубило и без того плачевное положение.

- Железнодорожный сектор понес значительные потери из-за санкций, при этом сектор потерял около 83 процентов своей инфраструктуры.

- Санкции оказали пагубное воздействие на более чем тысячу заводов из-за невозможности импортировать необходимые запасные части и технологии. Кроме того, США наложили штрафы в размере около 1,5 млрд долларов на тех, кто нарушил режим запрета и санкций Судана.

- Последствия этих санкций были далеко идущими, поскольку банковский сектор Судана был вынужден полностью выйти из мировой финансовой системы.

- Влияние на сектор здравоохранения было особенно выраженным, поскольку импорт основных лекарств и медицинского оборудования из Америки и Запада был серьезно затруднен.

- Влияние на сектор образования было очевидным и серьезным, затронув исследователей, студентов и преподавателей университетов. Санкции не позволили этим лицам участвовать в стипендиях, научных периодических изданиях и даже вертикальных грантах во многих случаях просто из-за их

национальности. Кроме того, им было запрещено приобретать справочные материалы и исследовательские работы для тех, кто находится в Судане.

- В целом, нет точных статистических данных о потерях в результате санкций, введенных против Судана с ноября 1997 г., но суданские источники подсчитали, что общие потери составили около 500 миллиардов долларов.

Помимо огромного воздействия международных санкций на суданский режим, сказывалась также международная изоляция и в гуманитарной и дипломатической сферах, что только усилило политические и экономические кризисы. «Гуммиарабик / камеди арабик» является единственным исключением из вышеупомянутого списка, поскольку это единственный товар, который Судан экспортирует в США и другие западные страны. Это ключевой компонент для фармацевтической и медицинской промышленности, которые в значительной степени зависят от него [122].

Со своей стороны, «механизм квартета», в который входят Америка, Саудовская Аравия, Великобритания и ОАЭ, а также «тройка», состоящая из западных стран, заявили о неприятии любых попыток подорвать политический процесс, чтобы не спровоцировать еще большую нестабильность в Судане. Этот процесс является основой для создания нового правительства с гражданским руководством, которое будет руководить Суданом в течение двухлетнего переходного периода, за которым последуют выборы [123].

Целью последних санкций является оказание давления на стороны, вовлеченные в конфликт, с целью роспуска Управления по контролю за иностранными активами (OFAC). Санкции были направлены против четырех компаний, которые имеют прямые связи с конфликтом в Судане и способствовали эскалации насилия, оказывая поддержку противоборствующим силам. Эти компании связаны с видными деятелями в оперативной поддержке и вооруженных силах Судана. Сюда входят «Al-Junaïd Multi Activity Limited Liability Company» и «Tandem General Trading Limited

Liability Company», в дополнение к системе оборонной промышленности и master technology Sudan.

Двусторонние отношения России и Судана:

История двусторонних отношений между Российской Федерацией и Республикой Судан долгая и сложная, берущая свое начало в 1960 гг. В начале этого десятилетия две страны подписали ряд соглашений, которые способствовали развитию отношений в политической, экономической и военной сферах. Однако отношения были временно прерваны в начале 1970 гг. после провала переворота, предположительно поддержанного Советским Союзом. После этого последовало постепенное улучшение двусторонних отношений, и в 2000 гг. Россия стала важным торговым партнером Судана.

Во время правления президента Омара аль-Башира 1989-2019 гг. отношения между двумя странами достигли пика. Россия предоставила Судану значительную военную и экономическую помощь, а также поддержала его в международных организациях. В 2017 г. аль-Башир публично защитил президента России Владимира Путина от критики.

После свержения аль-Башира в 2019 г. отношения между Суданом и Россией не претерпели значительных изменений. Однако в последние годы наблюдается ускоренное сближение двух стран по ряду вопросов, в том числе по вопросам безопасности и экономики [124]. Кульминацией российских усилий стало подписание соглашения о военном сотрудничестве между Москвой и Хартумом о создании базы в Красном море в ноябре 2020 года. Цель соглашения – это реализация российских интересов на африканском континенте посредством создания опорной территории, облегчающей доступ к зонам влияния России в Центральной Африке, Мали и Мозамбике, а также связывающая их морские станции в Сирии и на Мадагаскаре. Соглашение предоставило базе свободный доступ к России и позволило ей использовать суданские аэропорты для перевозки оружия, боеприпасов и военного

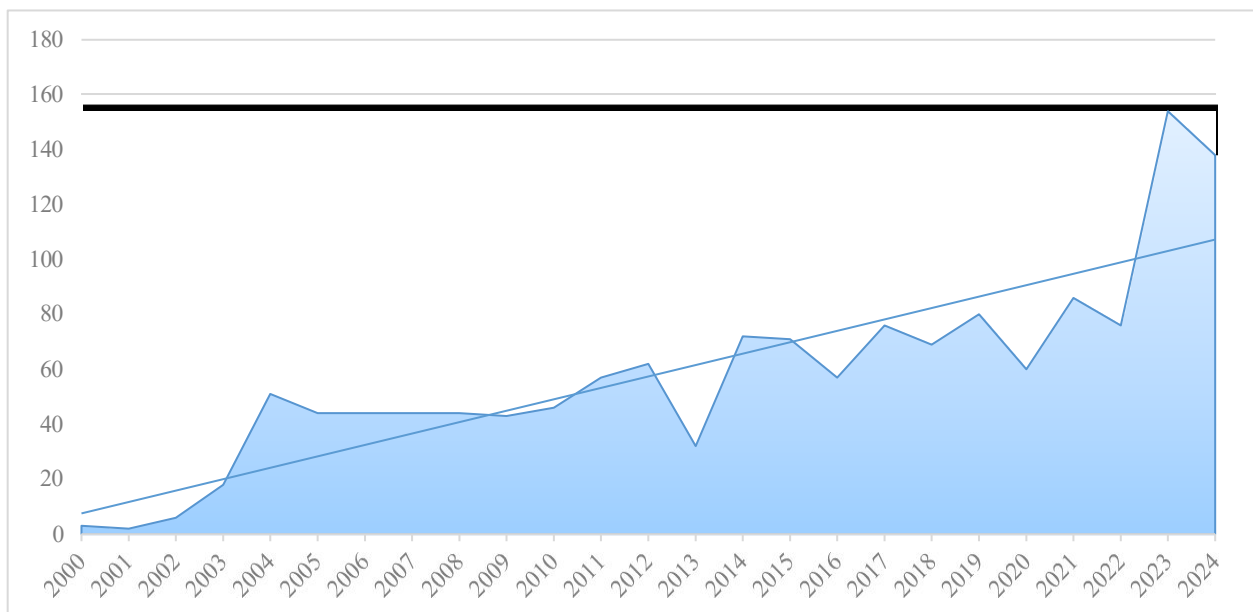
оборудования, а также направлять до четырех судов и 300 человек в порт, который является первым морским портом России в Африке.

Российской Федерации удалось сохранить договоренности, достигнутые с режимом Башира в период коалиционного правительства, когда у власти находились силы свободы, перемен и военные. В это время в основе отношений лежал переворот 25 октября 2021 года. Россия поддержала военную сторону и продолжила усилия по формированию своего влияния на суданское общественное мнение с целью поддержки своих военных союзников и обеспечения стабильности в стране [125].

С начала 2020-х годов Москва продолжила продвижение некоторых проектов с Хартумом в сфере безопасности. Этому, в частности, способствовал саммит в Сочи в октябре 2019 г., и президент Владимир Путин пообещал реализовать широкий спектр российско-суданских оборонных соглашений, направленных на реформирование суданских вооруженных сил и служб безопасности, укрепление их возможностей и сил. В целом, Россия заинтересована в широком взаимодействии с Суданом. В настоящее время имеется значительный потенциал для роста товарооборота. Экономическое взаимодействие пока ограничивается тем, что Россия импортирует такие товары как хлопок, кунжут и арахис, а Судан импортирует, прежде всего, оружие и пшеницу. Хартум считается вторым крупнейшим импортером российского оружия за последние два десятилетия в Африке. На 2023 год объем торговли между Россией и Суданом достиг около 300 миллионов долларов [126].

Тезис о том, что содействие в урегулировании суданского конфликта в качестве третьей стороны находится не только в сфере национальных интересов России, но и реально воплощается в её внешнеполитическом курсе, может быть обоснован по результатам контент-анализа различной информации о Судане, размещенной на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД РФ) [127].

Так, диссертантом было проанализировано 1435 новостей и публикаций на сайте МИД РФ, в которых упоминается Судан. Динамика числа данных публикаций с 2000 г. по 2024 г. представлена на рисунке 5.

Источник: составлено [73].

Рисунок 5 - Число новостей с упоминанием Судана на официальном сайте МИД РФ в период с 2000 г. по 2024 г.

Как демонстрирует линия тренда, число новостей с упоминанием Судана имеет общую тенденцию к росту. Количество и содержание данных публикаций позволяет судить о том, что за последние два десятилетия интенсифицируется как российско-суданское сотрудничество в ряде сфер, так и его медиа освещение.

Следует отдельно обратить внимание на то, что резкий рост числа новостей с упоминанием Судана наблюдается после начала специальной военной операции. Указанный факт наталкивает на мысль об углублении и популяризации курса на укрепление сотрудничества РФ и стран Африки в условиях компликации отношений со странами Запада.

Проанализировать отражение проблематики суданского этнополитического конфликта в данном пуле новостей позволило деление их на две группы.

Первая группа объединила новости, в которых упоминается конфликтная ситуация в Судане, но не указывается на конкретные намерения и (или) действия РФ по ее урегулированию.

Вторая группа включила в себя новости, где упоминаются намерения (например, «Россия продолжит активно способствовать, в том числе в рамках СБ ООН, скорейшей нормализации обстановки в Дарфуре и Судане в целом») и (или) действия (например, «Со своей стороны, Российская Федерация предпринимает конкретные усилия для нормализации обстановки и обеспечения мира в этой стране, приступив к развертыванию российского миротворческого контингента в составе Миссии ООН на юге Судана») РФ по урегулированию конфликтной ситуации в Судане. Поскольку формирование данной группы имеет целью отразить деятельностный компонент участия РФ в конфликте в качестве третьей стороны, в группу не вошли новости, содержащие описание общего курса или оценок РФ по отношению к конфликту. Такие слова-маркеры, как «поощряем», «высоко оцениваем», «позитивно встречаем», «подчеркиваем важность», «приветствуем», «убеждены, что», «рассчитываем на то, что» и схожие по смыслу глаголы позволили отнести подобные новости к первой группе.

Результаты контент-анализа новостей и их последующей группировки представлены на рисунке 6.

Источник: составлено автором [73].

Рисунок 6 - Количественные результаты контент-анализа новостей с упоминанием Судана на официальном сайте МИД РФ в период с 2000 г. по 2024 г.

Результаты показали, что Россия непрерывно и внимательно следит за развитием конфликтной ситуации в Судане и стабильно оказывает поддержку в создании условий для ее урегулирования.

При этом анализ содержания новостей позволил выявить смену преобладающей модели участия РФ в данном конфликте в качестве третьей стороны. В период после формирования Южного Судана как отдельного государства в новостях Министерства начинают часто упоминаться принципы «Африканским проблемам – африканское решение», необходимости решения возникшей конфликтной ситуации исходя из невмешательства во внутренние дела государств и их суверенности. Выстраивая свой курс на данных принципах, РФ продолжает оказывать поддержку Республике Судан и Южному Судану по разным направлениям (гуманитарная поддержка, подготовка кадров для миротворческой деятельности, организация переговорных площадок и многое другое) и через разные каналы, в том числе по линии международных организаций, среди которых особое внимание отводится ООН.

Полученные количественные результаты позволяют констатировать, что Российская Федерация априори способна выступать третьей стороной, способной внести существенный вклад в урегулирование суданского этнополитического конфликта. На данный момент Россия выстраивает политику в отношении данного вопроса без «двойных стандартов» – политику на основе восприятия Республики Судан и Южного Судана как дружественных государств, с которыми стабильно укрепляются взаимовыгодные и взаимно востребованные отношения. В данных странах сформировался образ России как международного партнера, оказывающего уверенную и неизменно искреннюю поддержку как консультативного, так и деятельного характера.

Наглядным подтверждением реального веса России в регионе является её способность противостоять влиянию других государств на продвижение

своих интересов в противовес действиям, направленных на урегулировании этнополитического конфликта. Так в ноябре 2024 года Россия наложила вето на британский проект резолюции в Совете Безопасности ООН, что, по всей видимости, заблокировало реабилитацию ополчения «Сил быстрого реагирования», восставшего против суданского правительства, а также поставило крест на будущем Организации суданских демократических гражданских сил (Такаддум), возглавляемой бывшим премьер-министром Абдаллой Хамдоком.

Такаддум, по замыслу Запада, должен стать единственным представителем гражданского общества, а «Силы быстрого реагирования» призваны заменить суданскую армию (по аналогии с Ираком). Суданская армия остается главным препятствием на пути реализации проекта по реорганизации этой арабской страны в соответствии с западными интересами.

Проект резолюции, подготовленный Соединенным Королевством, для видимости представлен как содействие гуманитарной помощи Судану, но по сути является прикрытием планов, направленных на введение иностранных войск в Судан. В этой связи Россия выразила обеспокоенность тем, что это может потенциально поставить под угрозу суверенитет страны. Кроме того, Великобритания не учла тот факт, что многие суданцы ищут убежища в районах, находящихся под контролем военных, а не в районах, удерживаемых ополченцами. Проект резолюции призывает к открытию контрольно-пропускного пункта Адре на границе с Чадом, несмотря на опасения суданского правительства, что он может быть использован для контрабанды оружия ополченцам.

Так или иначе Судан вполне может стать опорной территорией борьбы за влияние между крупными державами. Россия, США, Китай и Великобритания стремятся укрепить свои позиции в этой стране. Есть и те, кто рассчитывает на то, что Судан сможет балансировать между ними таким образом, чтобы реализовывать свои интересы и не давать международным институтам вмешиваться в свои дела. Россия в течение многих лет

выстраивала отношения с Суданом, будь то посредством экономического сотрудничества или политической поддержки. Россия подписала с Хартумом соглашение о сотрудничестве в военной сфере, включающее создание российской военно-морской базы на Красном море. Российское вето рассматривается как негласный сигнал о поддержке Хартума со стороны Москвы. Ожидается, что этот шаг укрепит военно-политическое сотрудничество между странами [128].

Вместе с тем, российско-суданские отношения подвержены определённым рискам. Прежде всего, это противодействие других крупных геополитических сил. Ещё со времён холодной войны между Соединёнными Штатами и Советским Союзом имелось множество подтекстов, раскрывающих масштабы соперничества за побережье Красного моря.

Вашингтон в настоящее время рассматривает политические процессы в Судане как важную стратегическую переменную для расширения своего влияния и ослабления китайского и российского присутствия в Судане. Для это США традиционно выбрали подход, основанный на поддержке гражданских демократических преобразований для снятия санкций с режима Хартума. Американские санкции с опосредованным давлением на международные финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, привели к изоляции суданской экономической системы. Соединённые Штаты Америки заморозили помощь в размере 700 миллионов долларов, а Всемирный банк приостановил предоставление гранта на развитие в размере 2 миллиардов долларов [129]. В январе 2021 г. Конгресс принял закон о демократическом переходе, подотчётности и финансовой прозрачности, который включает стратегию американской поддержки процесса завершения демократических преобразований, подчеркивая контроль над военными и гражданскими службами и восстановление веры в правительство [130].

В таком же контексте Соединённые Штаты Америки пытались найти подход к сотрудничеству с суданским военным ведомством. После объявления

планов создания российской базы в Красном море американское посольство в Хартуме заявило о своем желании укрепить тесное военное сотрудничество, а американский военный атташе Джейкоб Дэй подтвердил, что он общается с руководством суданской армии с целью укрепления двусторонних отношений. Он встретился с командующим ВМС Судана генерал-майором Хаджи Ахмедом Юссефом на суданской военно-морской базе в Красном море и обсудил с ним рамки двустороннего военного сотрудничества. В свете продолжающегося конфликта между Соединенными Штатами Америки и Россией, Государственный секретарь США по делам Африки предупредил, что победа России в Судане означает тяжелые гуманитарные последствия на Африканском Роге перед Комитетом по международным отношениям Конгресса США в феврале 2022 г. Поэтому Вашингтон стремится переформулировать свою политику в отношении Хартума так, чтобы не допустить сближения с Москвой.

В контексте возможного Судано-Российского сближения вероятны следующие сценарии будущего российского присутствия в Судане:

2) Судано-российское взаимодействие поможет снизить последствия санкций США в отношении Судана. Тем более у России уже имеется весьма успешный опыт преодоления санкционного давления.

3) В контексте специальной военной операции на Украине и нарастания напряженности в отношениях с Западом России становится важным закрепить свое присутствие в Судане для достижения своих стратегических интересов в Африке и на Ближнем Востоке, извлекая выгоду из состояния упадка в американо-суданских отношениях.

Вашингтон продолжает блокаду режима Хартума с целью возвращения на путь так называемого демократического гражданского перехода. Однако, на самом же деле многие политические силы в Судане опасаются взаимодействовать с американским правительством, понимая ненадёжность такого партнёрства. Постколониальный опыт многих стран, да и самого Судана является явным основанием такого недоверия. Вполне очевидно, что

США, прикрываясь заботами о демократии, реально преследуют цели выдавить китайские и российские компании из Судана. Западные страны изначально выдвигают жесткие политические требования не только относительно внутренней, но и внешней политики.

Россия также стоит на позиции, что важно способствовать поддержке гражданским преобразований в Судане, но это не должно быть исключительно западным видением данного процесса, которое опирается, прежде всего, на собственное понимание того, как должен быть устроен мир, без учёта текущих реалий и особенностей страны. Россия не ставит в прямую зависимость политические изменения в обмен на экономическое взаимодействие, поскольку достижение стабильности хотя бы минимально приемлемых условий жизни простых людей не должны зависеть от перипетий политического режима.

По мнению автора, для Российской Федерации наиболее важными направлениями взаимодействия с Суданом являются:

1) сотрудничество с переходным правительством по оказанию финансовой и технической поддержки правительственным, гражданским и военным институтам с целью содействия политической стабильности и безопасности в стране. В свою очередь, Судан предоставляет режим наибольшего благоприятствования для российских компаний в экономической и военно-технических сферах.

2) Российский МИД может сыграть стержневую роль арбитра, участвуя в переговорах между конфликтующими сторонами, тем самым способствуя поддержке примирения в Судане.

3) Предоставление военной и разведывательной помощи для противостояния вызовам безопасности, а также подготовка кадров для вооруженных сил и полиции.

4) Укрепление дипломатического сотрудничества с суданским правительством и региональными, организация помощи по осуществлению политики национального примирения в Судане.

5) Расширение связей в области образовательных программ.

Безусловно, начавшийся «возврат» России в Африку не может быть полноценным без укрепления связей с Суданом, поскольку данная страна занимает важнейшее геополитическое положение и обладает широкими ресурсными возможностями. А главное, со стороны Судана имеется устойчивая готовность к взаимодействию с Российской Федерацией, причем вне зависимости от того, какая политическая сила находится у власти. Именно это обстоятельство делает Россию одной из эксклюзивных третьих сторон, способных оказать значительную помощь, чтобы наконец-то прийти к национальному согласию. В свою очередь, это сделает Россию стратегическим партнером Судана, который станет опорной территорией для неё в Африке.

Таким образом, важно отметить, что решение проблем и разрешение споров в Судане требуют устранения деструктивного вмешательства извне, которое прослеживается на протяжении последних шести десятилетий. Это вмешательство, в том числе со стороны американских и западных прокси сил, серьезно нарушает суверенитет страны. При этом важно придерживаться международных норм и уважать право Судана на самоопределение, свободное принятие решений в различных сферах, а также формирование собственной внешней политики в соответствии с его интересами.

Диссертант взвешенно подходит к потенциалу предложенных стратегий. Поэтому целесообразно изначально выделить их слабые, сильные стороны, их возможности и угрозы реализации.

Сильной стороной (strengths) предлагаемых стратегий является положительная практика применения в различных странах. При этом применительно собственно к ситуации в Судане, диссертант охарактеризовал основные политические силы согласны с реализацией предлагаемой стратегии (в частности это отражено в Дафуровских соглашениях в соответствии с таблицей А. 1. А также отражено в заявлениях, намерениях и действиях основных политических сил как указано в таблице 4.

Слабой стороной (weaknesses) будут являться соответственно процессы в Судане, которые объективно мало способствуют реализации данных стратегий в силу исторических, социально-экономических, военно-политических и других условий.

Возможности (opportunities) позитивные обстоятельства, содержащиеся в стратегии, а главное разделяемые ведущими политическими силами страны, которые способны стабилизировать ситуацию в Республике Судан и содействовать урегулированию этнополитическим конфликтам и перманентного политического кризиса стране.

Угрозы (threats) негативные характеристики, положения стратегии, которые в силу собственных интересов сторон не способствуют урегулированию конфликтов в Республике Судан.

Таким образом, можно сделать вывод, что успешность реализации плана будет зависеть от множества факторов, особенно от политической воли руководства страны, поддержки населения и международного сообщества. Думается, реализация обобщенной стратегии позволит Судану преодолеть многочисленные проблемы и построить более справедливое и процветающее общество.

Выводы по третьей главе

Процессы этнополитического консенсуса в Республике Судан включают в себя различные механизмы и пути учета интересов всех этнических групп. При этом важную роль в урегулировании этнополитических конфликтов в Судане играет привлечение третьих сторон, в том числе международных организаций и государств. Модель национального примирения должна способствовать адаптации подходов к уникальным конфликтным контекстам.

Гуманитарная ситуация в бывшем Южном Судане, Западном Судане (Дарфур) и восточных регионах привела к тому, что конфликты из локальных перешли в разряд региональных и международных, что привело к их интернационализации. Соседние страны своими действиями зачастую

усугубляли эти конфликты, предоставляя оружие и материально-техническую поддержку суданским племенам и не оказывая на них давления с целью вовлечения в серьезные переговорные процессы. Взаимодействие между суданскими силами не привело бы ни к какому консенсусу, ни к плодотворным попыткам сдержать кризис без эффективного участия международных сил. Трехсторонний механизм под руководством Интегрированной миссии ООН по поддержке переходного периода в Судане (ЮНИТАМС), а также Африканского союза и Межправительственного органа по вопросам развития (МОБР) позволит сохранить открытые каналы не прямой связи между суданскими сторонами и выработать консенсусное решение.

Участие третьих сторон в урегулировании этнополитических конфликтов в Судане является важной частью национального примирения. Вместе с тем, имеется ряд рисков, связанных с пониманием местных особенностей, зависимостью от внешних игроков, потенциальной культурной невосприимчивостью, ограниченной эффективностью, политическим давлением и вмешательством, а также устойчивостью. При этом привлечение третьих сторон к урегулированию этнополитических конфликтов в Судане имеет определенные преимущества, важно осознавать потенциальные недостатки и действовать осторожно.

Предложенная рамочная стратегия урегулирования этнополитического конфликта в Судане имеет ряд преимуществ. Во-первых, она направлена на создание более широкой этнической и гендерной представленности в правительстве. Во-вторых, способствует снижению клановости, поскольку члены советов будут назначаться на основе их компетентности, а не политических связей. В-третьих, призывает учитывать исторические и социальные особенности Судана, что повышает его шансы на успех.

Однако, как и любая другая стратегия, она не лишена недостатков. Во-первых, её может быть трудно реализовать на практике, поскольку требует значительных политических, экономических и ментальных изменений. Во-вторых, стратегия неизбежно столкнётся с сопротивлением со стороны

различных групп интересов в Судане. И здесь главным является вопрос воли по её продвижению.

В целом, предложенная стратегия является жизнеспособной моделью для управления Суданом в переходный период. Если она будет реализована в полном объеме, то может помочь Судану преодолеть многочисленные проблемы и построить более справедливое общество. Важно обеспечить, чтобы реформы действительно независимыми и не поддавались давлению со стороны политических партий или других групп интересов. Для этого необходимо разработать четкие правила и процедуры, регулирующие деятельность советов. В целом стратегия должна быть гибкой и адаптируемой к меняющимся условиям. Важно предусмотреть возможность внесения изменений в стратегию по мере необходимости. При этом, несомненно, следует обеспечить поддержку со стороны населения и международного сообщества. Для этого необходимо проводить широкую разъяснительную работу среди общественности и привлекать международную помощь.

Заключение

Этнополитические конфликты связаны с борьбой за власть, распределением ресурсов и защитой национальной идентичности. Методологическое разнообразие в изучении этих конфликтов необходимо для понимания всей их сложности. Всестороннее понимание жизненно важно для разработки эффективной политики, направленной на обеспечение стабильности, мира и примирения в обществах, сталкивающихся с этнополитической напряженностью.

Современный этнополитический конфликт в Судане представляет собой сложную и трудную ситуацию. Несмотря на это существуют потенциальные пути разрешения конфликта, достижения стабильности и мира в регионе. Деятельность в рамках обозначенных стратегий должна содействовать национальному единству и примирению, устранению коренных причин конфликта путем проведения социальных, экономических и политических реформ, а также конструктивному диалогу между противоборствующими сторонами. Кроме того, международное сообщество вполне способно сыграть важную роль в поддержке мирного процесса и содействии стабильности в Судане.

В ходе решения поставленных в диссертации задач был сделан ряд теоретических и практических выводов, к которым относятся следующие:

Особенности этнополитического конфликта в Судане определяются следующими обстоятельствами:

1) этнополитических конфликтов в Судане берут свое начало в колониальном периоде, когда британское правительство проводило политику сегрегации между севером и югом страны. Это привело к формированию различных политических и социально-экономических систем, что в конечном итоге привело к конфликту между этими двумя регионами;

2) политические, религиозные и экономические противоречия между регионами и центром, а также политическая маргинализация и ошибки

сменявших друг друга суданских правительств, затрагивают не только Южный Судан, но также западный и восточный. Имея межрегиональный характер, эти обстоятельства привели к кризисной ситуации политической незащищенности;

3) разрушение родоплеменной системы местного управления, а затем ее восстановление привело к только дальнейшей политизации отношений центр-регионы. В дальнейшем традиционные формы отношений, несмотря на некоторую деполитизацию, стали менее способными разрешать племенные и этнические столкновения;

4) беспрепятственные поставки оружия из соседних стран, в том числе Ливии, Чада, Эфиопии, сыграли активную роль в обострении конфликтов на прилегающих к этим странам территориях;

5) отсутствие успешного опыта государственного управления и клановый характер государственной власти. После обретения независимости в 1956 году не получилось найти баланс в государственно-территориальном устройстве страны. Правительства Судана продолжили проводить политику дискриминации в отношении южных регионов, что положило начало гражданской войне в Судане, которая с перерывами продолжается и сегодня;

6) противоречия относительно властных полномочий и ограничений между центральными и региональными властями в Судане проявились, с одной стороны, в сепаратистских устремлениях, с другой – в активном участии региональных сил в борьбе за центральную власть;

7) влияние внешних сил, преследующих свои интересы, на различные политические силы в Судане.

Конфликты на этнополитической почве в Судане проявляют сложную динамику, часто имеющую циклический характер с периодами остроты и спокойствия. Во время обострения конфликта происходит увеличение актов насилия, включая вооруженные столкновения, массовые убийства и разрушения. В периоды затишья обычно предпринимаются попытки урегулирования конфликта, однако они часто оказываются неудачными.

Было установлено, что соседние страны играют ключевую роль в конфликте, одновременно подпитывая и усугубляя ситуацию путем предоставления оружия и материально-технической поддержки суданским племенам. Однако примечательно, что эти страны не оказали давления на суданские стороны, чтобы заставить их принять участие в значимых переговорных процессах, которые могли бы привести к заключению реальных соглашений и содействовать примирению, тем самым способствуя урегулированию продолжающихся конфликтов.

Взаимодействие суданских сил не привело ни к достижению консенсуса, ни к успешным попыткам сдержать кризис без участия международных сил. Роль этих сил в значительной степени воплощает природу и содержание консенсуса.

Трехсторонний механизм, возглавляемый Интегрированной миссией ООН в поддержку переходного этапа в Судане (ЮНИТАМС), наряду с Африканским союзом и Межправительственным органом по вопросам развития (МОВР), может способствовать сохранению открытых каналов не прямой связи между суданскими сторонами даже после кризиса октября 2021 г. Так или иначе любое участие третьей стороны должно быть тщательно продумано, чтобы обеспечить культурную чувствительность, организационную устойчивость и отсутствие чрезмерной зависимости от внешних субъектов.

Важно сосредоточиться на содействии социально-экономическому развитию всех регионов страны, включая западный и восточный Судан. Это поможет уменьшить различия между регионами и центром и снизить неравенство в экономическом развитии. В этом контексте санкционное давление негативно сказывается на национальной интеграции Судана и приводит к маргинализации ряда этнических групп. Введение экономических санкций было связано со значительными социально-экономическими последствиями, включая повышенные темпы инфляции, высокий уровень безработицы и постоянные социальные волнения. Это также привело к

постепенному ухудшению международных отношений Судана, особенно с крупными финансовыми центрами, такими как европейские страны и корпорации, регион Персидского залива и Азия, из-за опасений по поводу воздействия санкций на их собственные интересы.

Отмена этих санкций потенциально может способствовать включению суданских банковских учреждений в мировую финансовую инфраструктуру, тем самым стимулируя возможности внешней торговли и инвестиций.

Для предотвращения и разрешения конфликтов в будущем необходимо использовать проактивный подход, включающий такие меры, как развитие межэтнического диалога, проведение политики, способствующей обеспечению равных прав и возможностей для всех граждан, а также создание механизмов разрешения конфликтов и миро-строительства.

Необходимо признать, что управление конфликтами может иметь как краткосрочные, так и долгосрочные результаты. Для достижения долгосрочной стабильности и мира в регионе необходимо учитывать не только текущие интересы государств и этнических групп, но и создавать нормы и институты, которые обеспечат устойчивое разрешение будущих конфликтов. При этом крайне важно, чтобы политические институты имели действительно представительный характер и учитывали интересы всех этнических групп, а не только доминирующей группы.

Требуется разработать механизмы содействия участию граждан в процессах принятия решений и оказания помощи в разрешении конфликтов. Это будет способствовать конструктивному диалогу с различными этническими группами.

Для достижения желаемой федеративной структуры необходимо реформировать государственные институты, органы власти и избирательную систему. Это должно включать в себя сокращение вмешательства центрального правительства в дела регионов, за исключением случаев крайней необходимости и вопросов, которые могут вызвать нестабильность или угрожать национальному миру и безопасности.

Важным направлением является продолжение работы над созданием постоянной конституции в стране, поскольку одной из основных политико-правовых проблем, от которых страдает Судан, является конституционный вакуум. В современном Судане с момента обретения независимости в 1956 году конституции менялись, отменялись или дополнялись более восьми раз, последней из которых является переходная конституция 2019 года с поправками 2020 года.

Целесообразно реформирование института Вооруженных Сил путем интеграции движений вооруженной борьбы и Сил быстрой поддержки (ранее «Джанджавид»), поскольку наличие более чем одной армии в одной стране представляет собой реальную угрозу национальной безопасности и политической стабильности в Судане.

Необходимо признать, что решение этих проблем требует уменьшения американского и западного влияния, которое на протяжении последних шести десятилетий негативно сказывалось на достижении стабильности в Судане. Это влияние проявляется в прямом вмешательстве во внутренние дела страны. Важно придерживаться международных и правовых принципов, уважать суверенитет суданского государства, его право на самоопределение, свободного и независимого принятия политических, экономических, социальных и культурных решений и выстраивания внешнеполитических отношений в соответствии со своими интересами.

Список литературы

Книги и монографии

1. Абашидзе, Х.А. Правовой статус меньшинств и коренных народов. Международно-правовой анализ / А.Х. Абашидзе. Ф.Р. Ананидзе. – Москва : РУДН, 1997. – 224 с. – ISBN 5-209-00865-7.
2. Абдулатипов, Р.Г. Этнополитология / Р.Г. Абдулатипов. – Москва : Издательство «Питер», 2004. – 313 с. – ISBN 5-94723-575-7.
3. Алкаев, А.Р. Этнополитическая Конфликтология: Анализ и Менеджмент : учебник для высшей школы / А.Р. Аклаев. – Москва : Дело, 2005. – 472 с. – ISBN 5-7749-0388-5.
4. Беляев, М.А. Примирительные технологии в регулировании этнополитических конфликтов / М.А. Беляев. – Уфа : Башкирский институт социальных технологий (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2015. – 90 с. – ISBN 978-5-904354-54-1.
5. Ботанцов, И.В. Этнополитика в России: историко-правовой анализ / В.И. Ботанцов. – Санкт-Петербург : Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2020. – 162 с. – ISBN 978-5-00045-839-6.
6. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – Москва : Дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с. – ISBN 978-5-7598-0973-9.
7. Глухова, А.В. Политические Конфликты: Основания Типология Динамика. Теоретико-методологический Анализ / А.В. Глухова. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2000. – 203 с. – ISBN 978-5-397-01375-8.
8. Голенищева, Х.М. Сирия: трудный путь от войны к миру «многосторонняя дипломатия Сирийского урегулирования» / М.Х. Голенищева. – Дамаск : Издательство Сирийского генерального книжного управления, 2021. – 944 с. – ISBN 978-9933-0-1040-9.

9. Манойло, А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов / А.В. Манойло. – Москва : Горячая линия-Телеком, 2008. – 392 с. – ISBN 978-5-9912-0036-3.
10. Ожиганов, Э.Н. Инновационного Развития: Глобальная Конкуренция и стратегическая Перспектива России / Э.Н. Ожиганов. – Москва : Либроком, 2012. – 176 с. – ISBN 978-5-379-02445-7.
11. Осколков, П.В. Очерки по этнополитологии : Монография / П.В. Осколков. – Москва : Аспект Пресс, 2021. – 176 с. – ISBN 978-5-7567-1141-7.
12. Росс, Л.Ф. Человек и Ситуация: Уроки Социальной Психологии / Л.Ф. Росс, Н.Р. Конрад. – Москва : Аспект пресс, 1999. – 429 с. – ISBN 5-01-004449-8.
13. Султыгов, А.Х.А. Этнополитические противоречия и формы их разрешения: исторический опыт и современные реалии / А.Х.А. Султыгов. – Москва : Макс Пресс, 2006. – 265 с. – ISBN 5-317-01662-2.
14. Тишков, В.А. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики – Опыт предупреждения и урегулирования / В.А. Тишков, В.В. Степанов, С.И.Алкиева [и др.]. – Москва : ИЭА РАН, 2018. – 452 с. – ISBN 978-5-4211-0232-8.
15. Тишков, В.А. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики - Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / В.А. Тишков, В.В. Степанов. – Москва : ИЭА РАН, 2018. – 449 с. – ISBN 978-5-4211-0232-8.
16. Тишков, В.А. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов / В.А. Тишков, Ю.П. Шабает. – Москва : Издательство Московского университета, 2011. – 414 с. – ISBN 978-5-211-06197-2.
17. Хазем, Б. Причины и последствия гражданских войн в Судане / Б. Хазем, А. Омер, О.Ю. Вашутина / «Эхо русского народа»: отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве. – Омск : Издательство ОмГТУ, 2017. – 147 с. – ISBN 978-5-8149-2449-0.

18. Abdel Ghaffar, M.A. Conflict resolution in Western thought and practice / M.A. Abdel Ghaffar. – Algeria : Homa House for publication and distribution, 1st edition. 2003. – 389 pp. – ISBN 996-16-67-96-4.
19. Abdel Ghaffar, M.A. Lectures on Negotiation and Conflict Resolution / M.A. Abdel Ghaffar. – Khartoum : Sudan Academy of Sciences Publishing House, 2015. – 153 pp. – ISBN 07973-10-1-0.
20. Abdullah, A.H. Governance and administration in Sudan / A.H. Abdullah. – Khartoum : Dar Madarat for printing, publishing and distribution. – 2021. – 2nd edition. – 279 pp. – ISBN 978-99988-50-05-7.
21. Abu Al-Khair, Ahmed Mustafa Alsayed. Sudan's Internal Crises and Contemporary International Law / Alsayed Mustafa Ahmed, Abu Al-Khair. – Cairo : Dar Itrack for Publishing and Distribution. 2006. – 309 pp. – ISBN 977-383-055-1.
22. Abushouk, A.I. The Sudanese Revolution (2018-2019): A Documentary Analytical Approach To Its Goals, Stages and Challenges / A.I. Abushouk. – Doha : Arab Center for Research and Policy Studies. – 2021. – 533 pp. – ISBN 978-614-445-379-2.
23. Ahmed, T.A.M. Darfur: The Territory of Torment: The Problem of Location and the Conflict of Identities / T.A.M. Ahmad. – Amsterdam : Arwaq Publishing. – 2006. – 243 pp. – ISBN 962.7D217.
24. Al Daqqaq, M.S. Ibrahim Ahmed Khalifa, International Organization: International Community - United Nations / M.S. Al Daqqaq. – Alexandria : University Press. – 2011. – 526 pp. – ISBN 07973-10-1-0.
25. Al-Ali, Z. The Juba agreement for peace in Sudan / Z. Al-Ali. – Stockholm : International Institute for Democracy and Elections. – 2021. – 48 pp. – ISBN 978-91-7671-415-7.
26. Al-Bathani, A.H. The Nuba Mountains: Ethnopolitics and the Peasant Movement 1924-1969 / A.H. Al-Bathani. – Khartoum : Dar Azza for Publishing and Distribution. – 2008. – 314 pp. – ISBN 99924-54-163.

27. Al-Buhairi, Z. The Darfur Problem: The Origins of the Crisis - and the Implications of the International Criminal Court / Z. Al-Buhairi. – Cairo : The Egyptian General Book Organization. – 2010. – 406 pp. – ISBN 9789774213741.
28. Al-Mashgba, A. Darfur: Geopolitical Reality, Conflict and the Future / A. Al-Mashgba. – Jordan : Al-Hamid Library and House for Publishing and Distribution. – 2012. – 222 pp. – ISBN 990033771720205171.
29. Al-saqli, M.Y.I. International prohibition in public International Law / I.Y.M. Al-saqli. – Alexandria : Dar Elfikr Aljamee. – 2013. – 249 pp. – ISBN 977-379-120-3.
30. Al-Sheikh, M.A. Constitutional Competences and Powers of the Federal State: The Sudanese Experience / A.M. Al-Sheikh. – Khartoum : Catalog of the National Library. – 2015. – 273 pp. – ISBN 978-9994-236-985.
31. Anja, K.B. Ethnicity as a political resource viewed by scholars from different academic disciplines / K.B. Anja. – Cologne : University of Cologne. – 2015. – 259 pp. – ISBN 978-3-8394-3013-2.
32. Awad, A.A. Studies in the experience of federal Sudan / A.A. Awad. – Khartoum : University of Khartoum / Department of political science. – 2002. – 1st edition. – 172 pp. – ISBN 07551-172-7.
33. Barker, A.J. US Foreign Service Women in the Middle East and Islamic North Africa 1945-2001 / A.J. Barker. — London : Palgrave Macmillan. – 2023. – 369 pp. – ISBN 978-3-031-46758-5.
34. Bercovich, J. The SAGE Handbook of Conflict Resolution / J. Bercovich, V. Kremenyuk, I. William. – Washington : SAGE Publication Ltd. Library of Congress Control № 2008921082. 2008. – 704 pp. – ISBN 978-1-4129-2192-3.
35. Bourdieu, P. Language and symbolic power / P. Bourdieu. – Cambridge : Mass. Harvard University press. – 1991. – 291 pp. – ISBN 978-0-6745-1041-8.
36. Brubaker, R. Ethnicity without groups / R. Brubaker. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2006. – 408 pp. – ISBN 978-0-6740-2231-7.
37. Burton, J. Conflict: Human Needs Theory / J. Burton. – London : Palgrave Macmillan. – 1990. – 1st edition. – 358 pp. – ISBN 978-1-349-21000-8.

38. Chapman, M. Social and Biological Aspects of Ethnicity / M. Chapman. – New York : Oxford University Press, 1993. – 151 pp. – ISBN 978-019-852-280-5.
39. Culler, D.J. Structuralist Poetics: Structuralism, Linguistics and the Study of Literature / J.D. Culler. – New York : 2002. – Routledge: Taylor and Francis Group. – 301 pp. – ISBN 978-041-528-989-4.
40. Dhul-Nun, A. Darfur: The Reality of Revolution and Genocide / A. Dhul-Nun. – Khartoum : Dar Azza for Publishing and Distribution. – 2008. – 219 pp. – ISBN 978-999-428-687-4.
41. Eglal, R. and others. Sudan at the crossroads / R. Eglal and others. – Beirut : Center for Arab unity studies. – 2006. – 1st edition. – 287 pp. – ISBN 9953-82-086-4.
42. El-Khazendar, S.I. Conflict Management and Resolution: A Theoretical Framework / S. I. El-Khazendar. – Doha : Al-Jazeera Center for Studies & Arab House for Science _ Publishers. – 2014. – 295 pp. – ISBN 978-614-01-0866-0.
43. Group of researchers. Conflictology / Researchers Group. – Damascus : Dar Al-Farqad. – 2019. – 351 pp. – ISBN 978-9933-505-72-8.
44. Habiballah, N. Conflict resolution and reconciliation studies / N. Habiballah. – Granada : The Erasmus programme of the European Union. – 2022. – 153 pp. – ISBN отсytctbyet.
45. Ibn Khaldoun. The Introduction of Ibn Kholdoun / Ibn Khaldoun. – Beirut : Sharif Al-Ansari Sons Company for Printing, Publishing and Distribution. 2020. – 2nd edition. – 630 pp. – ISSN 9953-432-54-6.
46. Jahish, A. The Role of External Parties in International Conflicts - A Case Study of the Conflict in the Darfur Region 2003-2014 / A.S. Mohammed, A. Jahish. – Berlin : Arab Democratic Center for Strategic. – 2018. – Political and Economic Studies. – 176 pp. – ISBN отсytctbyet.
47. Khalid, M. The Roots of the Sudanese Constitution. In: The Sudanese Elite and the Addiction to Failure / M. Khaled. – Beirut : Al-Saqi for Publishing and Distribution. – 2014. – Part 2. – 432 pp. – ISBN 978-857-455-22-0.

48. LeBrun, E. Development Deferred: Eastern Sudan After the ESPA / E. LeBrun. – Geneva : Graduate Institute of International and Development. – 2015. – 92 pp. ISBN 978-2-940548010-1.
49. Lijphart, A. Consensual democracy in a plural societies / A. Lijphart. – Beirut – Bagdad : Al Furat publishing & distribution. – 2006. – 1st edition. – 390 pp. – ISBN 07551-0000-0.
50. Mahdi, M.A. Ethnic Pluralism: Strategies for Conflict Management and Resolution / M.A. Mahdi. – Amman : Scientific Center for Political Studies. – 2013. – 1st edition. – 194 pp. – ISBN 9957-416-04-9.
51. May, S. Ethnicity, nationalism and minority rights / S. May, S. Tariq, J. Squires. – Cambridge : Cambridge university press. – 2004. – 261 pp. – ISBN 0-521-84229-8.
52. Merton, K.R. Social theory and social structure / K.R. Merton. – New York : NY: Free Press. – 1968. – 6th edition. – 698 pp. – Library of Congress Catalog Card Number: 68-28789. – ISBN 0-02-150000-0.
53. Musa, A.M. Darfur - From State Crisis to Great Power Conflict / A.M. Musa. – Doha : Al Jazeera Center for Studies. – 2009. – 391 pp. – ISBN 978-9953-87-654-2.
54. Mutsafa, B. The revolution story in Sudan / B. Mustafa. – Michigan : University of Michigan. – 2007. – 219 pp. – ISBN 0-472-11500-0.
55. Nagar, D. Challenging the United Nations peace and security agenda in Africa / D. Nagar. – Palgrave Macmillan. – 2021. – 397 pp. – ISBN 13: 978-3-0308-3522-4.
56. Ramsbothan, O. Contemporary Conflict Resolution: The Prevention, Management and Transformation of Deadly Conflicts / O. Ramsbothan, T. Woodhouse, H. Mail. – Cambridge : Polity Press. 1st edition. – 2011. – 332 pp. – ISBN 978-0-7456-4973-3.
57. Rothschild, J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework / J. Rothschild. – New York : Columbia University Press. – 1981. – 1st edition. – 290 pp. – ISBN 0231-105-236-7.

58. Stauffer, C. South Africa: Truth and Reconciliation Commissions. Encyclopedia of public administration and public policy / C. Stauffer. – 3rd edition. – Edited by: D. Domonic A. Bearfield. – New York : Routledge. – 2015. – 4196 pp. – ISBN 978-135-126-536-2.
59. Ursula, R. Celebrating Transgression: Method and Politics in Anthropological Studies of Cultures / R. Ursula, H. John. – London : Berghahn Books. – 2005. – 256 pp. – ISBN 978-1845450250.
60. Wallensteen, P. Understanding Conflict Resolution / P. Wallensteen. – Washington : SAGE Publication Ltd. Library of Congress. – 2012. – 448 pp. – ISBN 978-0-8572-049-9.
61. Weber, A. Politicized ethnicity: Perspectives in comparative politics / A. Weber, W. Hiers, A. Flesken. – New York : Palgrave. – 2016. – 187 pp. – ISBN 978-1-349-56922-2.
62. Zahran, M. The New Sudan: Transformations of Politics, Society, and Religion / M. Zahran. – Konya : Turkish Center for Global and Area Studies (TIGA). – 2020. – 22 pp. – ISBN 978-605-7019-20-2.

Нормативные правовые акты

63. Ministry of Irrigation and Water Resources. Sudan Water Sector Livelihoods Transforming Strategy (2021-2031). – 2021 Khartoum. – Sudan. – Ministry of Irrigation and Water Resources. – 333 pp. – ISBN отсутствует.
64. Presidency of the Republic of Sudan: Eastern Sudan Peace Agreement between the Government of Sudan and the Eastern Sudanese Front Agreement. – Presidency of the Republic of Sudan, Khartoum. – 2006. – Text : electronic. – URL: <https://www.presidency.gov.sd/uploads/> (Access date: 18.04.2023).
65. Text of the framework political agreement document. Sudan News Agency (SUNA). – Khartoum. – 2022. – Text : electronic. – URL: <https://suna-sd.net/read?id=755873> (Access date: 30.01.2023).

66. The Kingdom of Sweden. Swedish Ministry of Foreign Affairs. Preventing Violent Conflict - Swedish Policy for the 21st Century. – Sweden, Stockholm. – 2001. – URL: <http://elibrary.lt/resursai/Uzsienio%>. – Text : electronic. – (Access date: 18.04.2023).

67. The Lebanese Parliament. Consensual democracy in its global and Lebanese context. The Lebanese Parliament, Beirut, 2007. – Text : electronic. – URL: <https://down.ketabpedia.com/files/bkb/bkb-ab01541-ketabpedia.com.pdf> (Access date: 01.04.2023).

68. The Republic of Sudan. Constitutional Decree № (38) of 2019 approving the constitutional document for the transitional period/ Amendment 2020. – Khartoum : The Sudanese Ministry of Justice. – 2020. – Text : electronic. – URL: <http://www.moj.gov.sd> (Access date: 01.04.2023).

69. The United Nations. Report of the Humanitarian Aid Commission for the month of September 2007. – Humanitarian Aid Commission. – Khartoum : 2007. – Text : electronic. – URL: <http://has.gov.sd> (Access date: 26.12.2022).

70. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs in Sudan. Number of victims of conflicts in Sudan during the year 2022. – United Nations. – Khartoum : 2022. – Text : electronic. – URL: <https://news.un.org/ar/tags/mktb-tnsyq-alshwwn-alansanyt> (Access date: 01.04.2023).

71. World Bank Group. Sudan | Data - World Bank report. – Khartoum : 2021. – URL: <https://data.worldbank.org/country/sudan>. – Text : electronic. – (Access date: 18.04.2022).

Диссертации

72. Аль-Тайеб, Абдул-Джалиль Хуссейн Махмуд. Проблема идентичности и построения современного национального государства: комплекс идентичности, гибридизация культур, сближение интересов и единство судьбы - Аналитическая точка зрения путем изучения состояния

государственного сообщества Аль-Гедарэф, новые ключевые концепции в политологии и стратегических исследованиях : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Махмуд Хуссейн Абдул-Джалиль Аль-Тайеб ; неопубликованная, Язык текста: арабский, перевод автора. – Хартум, 2008. – с. 206. – Библиогр.: с. 198-205.

73. Ясир Рабах, Абд ар-Рахим Салах Аль-Дин. Влияние сектантства и меньшинств на единство государства и политическое развитие - Судан как модель: магистерская работа по программе планирования и политического развития / Салах Аль-Дин Абд ар-Рахим Рабах Ясир ; Национальный университет Аль-Наджах. – Палестина : 2017. – Язык текста : арабский, перевод автора. – 213 с. – Библиогр.: с. 191-199.

74. Agneza, B.R. The Politicization of Ethnicity as a Prelude to Ethnopolitical Conflict: Croatia and Serbia in Former Yugoslavia: A dissertation submitted to the faculty of graduate college in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy, Department of Political Science / B.R. Agneza. – Michigan : 2001. – Western Michigan University. – 287 pp. – Bibliography: pp. 248-287.

75. Al-Nour, Abdullah Adam. The conflict in Darfur and the search for solutions: a case study of the state of North Darfur - Kutum locality (in the period from 2003-2013), specialty: A dissertation submitted to the faculty of graduate college in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in «Peace Culture Studies»: unpublished research submitted for a doctorate in Peace Culture Studies / Adam Abdullah Al-Nour; College of higher studies, Sudan University of Science and technology. – Khartoum, 2015. – 2012 pp. – Bibliography: pp. 204-212.

Электронные ресурсы

76. В Судане отложили подписание соглашения о переходной гражданской власти / РИА Новости : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://ria.ru/20230401/sudan-1862304356.html> (дата обращения: 26.01.2024).

77. В Судане подписано соглашение о переходном процессе / ООН: официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/12/1435532> (дата обращения: 26.01.2024).

78. Власти Судана и вооруженные группировки подписали окончательное мирное соглашение / ТАСС : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/962027> (дата обращения: 24.01.2024).

79. Снятие санкций с Судана: Оправдание и реальность // Обзор стрелкового оружия, Высший институт международных отношений и развития. – Текст : электронный. – URL: <https://www.smallarmssurvey.org> (дата обращения: 24.06.2024).

80. Доклад о человеческом развитии 2023-2024 / ООН : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/> (дата обращения: 30.09.2024).

81. Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт МИД России. – URL: <https://mid.ru/ru/> (дата обращения: 21.02.2025). – Текст : электронный.

82. Муниципальное образование Муниципальный округ УРИЦК. – Текст : электронный. – URL: <http://urizk.spb.ru/munitsipalnyeprogrammy/> (дата обращения: 01.07.2023).

83. ООН : официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 12.12.2023). – Текст : электронный.

84. Abd al-Salam Abdal-Ati. Nour Attia / Arab Democratic Center. – Text : electronic. – URL: <https://democraticac.de/?p=41939> (Access date: 26.12.2022).

85. Abdulrahim, A. Sudan: 5 pending issues postponing the final agreement (framework) / Khartoum : Anadolu Agency. – Text : electronic. – URL: <https://www.aa.com.tr/ar> (Access date: 30.01.2023).
86. Al Jazeera news channel / Al Jazeera Media Network. – Text : electronic. – URL: <https://www.aljazeera.net/politics/2019/> (Access date: 22.12.2022).
87. Al-Ashqar. Al-Zaytouna Center for Studies and Consultations. – Text : electronic. – URL: <https://www.alzaytouna.net/> (Access date: 26.12.2022).
88. Al-Feel, K.O.A journalistic report on: Movement in Sudan: Main Actors and Future Scenarios / K.O.A. Al-Feel / Doha : Al Jazeera Center for Studies. – 2019. – Text : electronic. – URL: <https://studies.aljazeera.net/en/node/4388> (Access date: 22.12.2022).
89. Al-Rahid, Ahmed. The impact of US sanctions on Sudan and the sectors to which they apply, and to what extent they have affected the population / Al-Rahid Ahmed // Doha : Aljazeera network, 2016. – Text : electronic. – URL: <https://www.aljazeera.net/programs/economyandpeople/2016/> (Access date: 23.02.2023).
90. Amel, A. The effective Engagement: Congress and US Policy toward Sudan / A. Amel // Egyptian center for strategic studies. – Text : electronic. – URL: <https://ecss.com.eg/12797/> (Access date: 17.12.2022).
91. Beyene, A.D. The African Report / A.D. Beyene // 16.11.2020. – Text : electronic. – URL: <http://www.theafricanreport.com/50499/> (Access date: 22.12.2022).
92. Cooperate authors. Tigrayit. Online. – Text : electronic. – URL: <https://tigrayit.blogspot.com/> (Access date: 12.22.2022).
93. Global Insights & Market Intelligence / Economist Intelligence Unit. – Text : electronic. – URL: Economist Intelligence Unit. <https://www.eiu.com/n/> (Access date: 21.02.2025).
94. Juba Agreement for Peace in Sudan between the Government of Sudan and the parties of peace process. – Text : electronic. – URL:

<https://constitutionnet.org/sites/default/files/2021-03/Juba-Agreement-for-Peace-in-Sudan-Official-ENGLISH.PDF> (Accessed date: 21.02.2025).

95. Khair, K. Arab Center Washington DC / K. Khair // 23.01.2023. – Text : electronic. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/> (Access date: 30.01.2023).

96. Mekkawi, D.E.B. Strategies for managing ethnic diversity in Sudan / B.E.D. Mekkawi // Al-Mustaqbal Alarabi. – 2009. – Volume 362. – P. 96. – Text : electronic. – URL: <https://search.emarefa.net/detail/BIM-47001/> (Access date: 07.08.2022).

97. Mohammed, B.J. The future of the transitional period in Sudan after the October 21 coup in the light of regional and international support / J.B. Mohammed // Arab Democratic Center. – Text : electronic. – URL: <https://democraticac.de/?p=78660> (Access date: 26.02.2023).

98. Political Studies Unit. The Political Scene in Sudan after the November Agreement: Position Assessment / The Arab Center for Research and Policy Studies, Doha. – Text : electronic. – URL: <http://www.dohainstitute.org> (Access date: 27.12.2022).

99. Population: the size and characteristics of the population / Embassy of the Republic of Sudan. – official site : Government of the Republic of Sudan-Ministry of Foreign Affairs. – Text : electronic. – URL: <http://www.sudanembassy.org.sa/ar/about-sudan/> (Access date: 12.22.2022).

100. Regional Cooperation and Conflict Management: Lessons from the Pacific Rim. Uppsala University, Department of Peace and Conflict Research, Uppsala, 2002. – Text : electronic. – URL: <https://isdpc.eu/content/uploads/publications/2002> (Access date: 07.07.2022).

101. Smuggling Routes Feed the Demand for Weapons in Khartoum, Darfur / Africa Defense Forum, Khartoum. Report. – Text : electronic. – URL: <https://adf-magazine.com/2023/09/smuggling-routes-feed-the-demand-for-weapons-in-khartoum-darfur/> (Access date: 18.03.2024).

102. The Conflict Sensitivity Facility. – Text : electronic. – URL: <https://csf-sudan.org/> (Access date: 21.02.2025)
103. The draft document of the transitional constitution in Sudan / Al Jazeera Media Network. – Text : electronic. – URL: <https://www.aljazeera.net/politics/2022/9/15> (Access date: 15.12.2022).
104. Toumi, K. The Libyan Crisis and National Reconciliation / K. Toumi // Egyptian Institute for Studies. – Text : electronic. – URL: <https://eipsseg.org/> (Access date: 07.08.2022).
105. Turshin, M. The Sudanese - Russian Reapprochement: Challenges and Risks / M. Turshin // Aljazeera center for studies. – Doha : 2022. – Text : electronic. – URL: <https://studies.aljazeera.net/sites/default/files/articles/documents/202207/> (Access date: 22.02.2023).
106. U.S. Department of State. 05 December 2022. – Text : electronic. – URL: <https://www.state.gov/jointstatementbythequadandtroika/> (Access date: 22.02.2023).
107. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs in Sudan. Conflict in Roseires Locality, Blue Nile State, Flash Update № 04 United Nations, Khartoum, 2022. – Text : electronic. – URL: <https://reliefweb.int/report/sudan/> (Access date: 25.07.2022).
108. United Nations. The text of the report of the International Commission of Inquiry on Darfur submitted to the Secretary-General of the United Nations. – Pursuant to UN Security Council Resolution 1564-2004. – New York : The United Nations. – 2004. – Text : electronic. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/530567?ln=en> (Access date: 21.03.2023).
109. US condemns Sudan coup, suspends \$700 million in aid / Associated Press (AP). – Text : electronic. – URL: <https://apnews.com/article/middle-east-africa-sudankhartoum> (Access date: 22.02.2023).

110. Авксентьев, В.А. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74-97. – ISSN 1998-1775.

111. Аль-Адгам, Х.О.Т. Влияние конфликтов между уровнями власти на федеральный опыт в Судане / Х.О.Т. Аль-Адгам // Журнал Колледжа последиplomного образования. – 2020. – № 1. Том 15. – С. 40-44. – ISSN отсутствует.

112. Аль-Шалали, М.Ф.Э. Федеральная система в Судане / М.Ф.Э. Аль-Шалали // Журнал аспирантуры: Аль- Нилайн университета. – 2018. – № 1. Том 10. – С. 34–35. – ISSN 6228- 1858.

113. Брега, А.В. Управление политическим конфликтом / А.В. Брега // Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета. – 2014. – № 1. – С. 33-37. – ISSN 2226-7867.

114. Буторов, С.А. Национальное примирение как компонент политической культуры: о границах приемлемости зарубежного опыта / С.А. Буторов. – Москва : Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 5. Том 79. – 324 с. – ISSN отсутствует.

115. Бучек, А.А. Конструктивистский подход к исследованию этнического самосознания личности / А.А. Бучек // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 18. Том 2. – С. 5-12. – ISSN 1816-8280.

116. Гуриева, С.Д. Межэтнические Отношения: гармония, напряженность, конфликт / С.Д. Гуриева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2012. – № 3. – С. 22-30. – ISSN 0024-0842.

117. Костелянец, С.В. Конфликт в суданском регионе Дарфур: региональный аспект / С.В. Костелянец // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 76–86. – ISSN 0869-1908.

118. Ласария, А.О. Современные теоретико-методологические подходы к урегулированию этнополитических конфликтов / А.О. Ласария // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 63. – С. 202-211. – ISSN 2070-1381.

119. Манойло, А.В. Гражданская война в Судане как угроза гражданской нации / А.В. Манойло // Вестник Российской нации. – 2010. – № 6. Том 14. – С. 124-136. – ISSN 2073-7459.

120. Манойло, А.В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов / А.В. Манойло // Мир и политика. – 2013. – № 10. – С. 130-131. – ISSN 2306-4226.

121. Мохаммед, Х.А.М. Факторы этнической идентичности как причины современных этнополитических конфликтов / Х.А.М. Мохаммед // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – № 4. Том. 12. – С. 59-63. – ISSN 2226-7867.

122. Полончук, А.А. Причины конфликта в Судане. Разделение и последствия / А.А. Полончук // Молодой ученый. – 2015. – № 17. Том. 97. – С. 417–420. – ISSN 2072-0297.

123. Пушкина, Д.Б. Конфликт в Судане: на стыке политики, религии и экономики / Д.Б. Пушкина // Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. Том Специальный выпуск. – Москва; Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. – С. 139-158. – ISSN 2072-0297.

124. Сидоренко, А.В. Роль федерализма в предотвращении и разрешении этнополитических конфликтов / А.В. Сидоренко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 62. – С. 173-182. – ISSN 1992-6464.

125. Ahmed, I.M. Regional security in Africa-an evaluative view / I.M. Ahmed // Journal of international politics. – 2007. – № 1. Volume 168. – pp. 145-150. – ISSN 2812-5818.

126. AL-Jabri, J. The Federal System in Spain and Iraq: A Comparative Study / J. Al-Jabri // Journal of International Studies. – 2020. – № 1. Volume 80. – pp. 1-20. – ISSN 1992-9250.
127. Al-Jazzar, H.A.M.M. The political effects of economic sanctions on Sudan / H.A.M.M. Al-Jazzar // Journal of African and Nile Basin Studies. – 2020. – № 7. Volume 3. – pp. 19-35. – ISSN 2569-7269.
128. Al-Toumi, K. The Libyan Crisis and National Reconciliation / K. Al-Toumi // Istanbul : The Egyptian Institute for Studies. A report of position appraisal. – 2020. – № 1. – pp. 2-10. – ISSN 0757-0275.
129. Amina, Z. The impact of ethnic pluralism and the identity crisis on the unity of society and the state in Sudan - The Darfur region as a model / A. Zardani, R. Shwadra // Algerian Journal of Human Security. – 2022. – № 1. Volume 7. – pp. 317-218. – ISSN 2543-375X.
130. Amir, T.H. Problems of democratization in Iraq: A Study in consensual democracy / T.H. Amir // Diyala Journal. – 2013. – № 1. Volume 58. – pp. 134-204. – ISSN 2600-6480.
131. Ammar, R. Democrats and American foreign policy: The Sudanese model / R. Ammar // Journal of democracy. – 2010. – № 40. Volume 10. – pp. 115-116. – ISSN 2812-5818.
132. Azem, H.A. The Reconceptualization of Conflict Management: Peace, Conflict and Development / H.A. Azem // An Interdisciplinary Journal. – 2005. – № 1. Volume 7. – pp. 4-11. – ISSN 2200-9833.
133. Azm, A.J. Redefining the term conflict management - critical review / A.J. Azm // Arab Journal of Political Science. – 2012. – № 1. Volume 35. – pp. 67-87. – ISSN 2309-2637.
134. Barakat, S. Centrality of the East Region in Sudan Peace: Existing Tensions / S. Barakat, M. Hedaya // Seiyasat Arabiya Journal. – 2021. – № 51. Volume 9. – pp. 24-26. – ISSN 2307-1583.

135. Bishara, A. Consociational of concept of the development on conflicts sectarian resolving for adequacy its and democracy: North Ireland and Lebanon as a case study / A. Bishara // *Siyasat Arabiya*. – 2018. – pp. 7-23. – ISSN 2307-1583.

136. Blau, M.P. Different views on the societal structure and the common denominator among them / P.M. Blau // *The American Sociological review*. – 1994. – № 1. Volume 81. – pp. 8-30. – ISSN 0037-2176.

137. Bouqaeda, T. Consensual democracy and its dimensions / T. Bouqaeda // *Scientific research notebooks*. – 2016. – № 1. Volume 4. – pp. 102-118. – ISSN 2716-8379.

138. Buhabila, R. The Role of Regional and International Organizations in Settling the Darfur Crisis / R. Buhabila // *Altawasul Journal in Administration, Economics and Law*. – 2017. – № 1. Volume 51. – pp. 27-37. – ISSN 2253-0758.

139. Evgeniy, S.E. Conflict Management in the Sphere of Ethnopolitics: Russian Experience / S.E. Evgeniy, K. Lena. Z. Sergey [et al.] // *Revista ESPACIOS*. – 2017. – № 61. Volume 38. – pp. 29-40. – ISSN 0798-1015.

140. Gagnon, V. P. Ethnic Nationalism and International Conflict: The Case of Serbia. / V.P. Gagnon // *International Security*. – 1994. – № 3. Volume 19. – pp. 130–166. – ISSN 0162-2889.

141. Hussein, O.T. The Impact of Conflicts between Levels of Government on the Federal Experience in Sudan / O.T. Hussein // *Al-Neelain University, Journal of the College of Graduate Studies*. – 2020. – № 1. Volume 15. pp. 40-44. – ISSN 1858-6228.

142. Ismail, M.A. The Role of Reconciliation in Achieving Political Stability in Sudan / M.A. Ismail // *Journal of political trends*. – 2020. – № 1. Volume 18. – pp. 62-70. – ISSN 2569-7382.

143. Ismail, O.M. How does Khartoum see the crisis in Darfur? The decision №. 1593 The Force of Law or the Law of Force / M.O. Ismail // *Middle East Journal*. – 2015. – № 1. Volume 1. – pp. 44-64. – ISSN 0026-3141.

144. Jeffrey, S.M. Ethnic Conflict: An Overview of Analyzing and Framing Communal Conflicts from Comparative Perspectives / S.M. Jeffrey // *Journal of Terrorism and Political Violence*. – 2012. – № 4. – pp. 561-580. – ISSN 1534-1453.
145. Julian, B. Ossetia: A Caucasian Bosnia in microcosm / B. Julian // *Central Asian Survey*. – 1995. – № 1. Volume 14. – pp. 45-46. – ISSN 0263-4937.
146. Karima, M. Consensual democracy in Africa: challenges and prospects / M. Karima, Q. Abdul Hamid // *Algerian Journal of Political Studies*. – 2021. – № 8. Volume 2. – pp. 483-506. – ISSN 2600-6480.
147. Khamis, K.M. Ethnic conflicts in Africa and ways to manage them / K.M. Khamis // *Journal of Legal and Political Sciences*. – 2014. – № 2. Volume 3. – pp. 39-70. – ISSN 2602-6643.
148. Khamis, M.K. The Darfur Crisis and the American Variable / K.M. Khamis // *Journal of International Studies*. – 2009. – № 1. Volume 39. – pp. 167-177. – ISSN 1992-9250.
149. Kifle, A.A. The role of International Financial Institutions in conflict, recovery, and transitions in Africa: a focus on Ethiopia and Sudan / A.A. Kifle, F. Olonisakin // *China International Strategy Review*. – 2023. – № 2. Volume 5. – pp. 293-312. – ISSN 2524-5627.
150. Liyew, E.B. Political Transition Tribulations in Sudan: Implications for social work practice / E.B. Liyew // *Journal of Human Rights and Social Work*. – 2023. – № 3. Volume 8. – pp. 218-229. – ISSN 2365-1792.
151. Mawahib, F.A. The Federal System in Sudan / A.F. Mawahib // *Al-Neelain University - Graduate Studies Journal*. – 2018. – № 1. Volume 10. – pp. 34-35. – ISSN 1858-6228.
152. Mekkawi, B.E.D. Strategies for managing ethnic diversity in Sudan / B.E.D. Mekkawi // *Arab Center for Unity Studies*. – 2009. – № 1. Volume 362. – pp. 96-97. – ISSN 1755-0912.
153. Mohamed, S.A. Consensual democracy / S.A. Mohammed // *Hekma Journal of Philosophical Studies*. – 2013. – № 1. Volume 1. – pp. 268-281. – ISSN 2602-5264.

154. Musa, A.M. Tribal Influence on Political Stability in Sudan – Darfur Case Study / A.M. Musa // Arab center for unity studies. – 2018. – № 1. Volume 11. – pp. 1-3. – ISSN 1755-0912.
155. Pantuliano, S. Comprehensive Peace? An Analysis of the Evolving / S. Pantuliano // Review of African Political Economy. – 2006. – № 110. Volume 33. – pp. 709-711. – ISSN 0305-6244.
156. Peter, U. Ethnicity and Power in Burundi and Rwanda: Different Paths to Mass Violence / U. Peter // Comparative Politics. – 1999. – № 3. Volume 31. – pp. 253-271. – ISSN 0010-4140.
157. Rashid, S. Consensual Democracy in Pluralistic Societies: A Comparative Study between Lebanon and Malaysia / S. Rashid // Journal of Legal and Political Sciences. – 2019. – № 1. Volume 10. – pp. 1730-1747. – ISSN 2602-6643.
158. Rossella, M. Somalia: A Long Road Ahead / M. Rossella // Istituto Affari Internazionali (IAI). – 2016. – № 10. Volume 16. – pp. 1-11. – ISSN 2280-4331.
159. Samir, H. On Sudanese affairs / H. Samir, A. Zaid // Journal of international politics. – 2006. – № 1. Volume 150. – pp. 150. – ISSN 2812-5818.
160. Tadeusz, P. Jagiellonian cultural studies human values in intercultural space / P. Tadeusz, S. Zuzanna // Politeja. – 2016. – № 44. – pp. 231-250. – ISSN 1733-6716.
161. Vayrynen, R. Regional Conflict Formation: An Interactable Problem of International Relations / R. Vayrynen // Journal of peace research. – 1984. – № 4. Volume 21. – pp. 344. – ISSN 0022-3433.
162. Younis, A. Renewed crisis in eastern Sudan and demands to dismiss the governor of the Red Sea region / A. Younis // Journal of the Middle East. – 2022. – № 16817. – pp. 1-9. – ISSN 0026-3141.
163. Zeryab, I. Bad Neighbors: Field States and Their Consequences / I. Zeryab, S. Harvey // Conflict management and peace science. – 2008. – № 4. Volume 25. – pp. 319-320. – ISSN 0738-8942.

Список иллюстративного материала

1 Список рисунков

Рисунок 1 Основные религиозные конфессии Судана	62
Рисунок 2 Число новостей с упоминанием Судана на официальном сайте МИД РФ в период с 2000 г. по 2024 г	64
Рисунок 3 Количественные результаты контент-анализа новостей с упоминанием Судана на официальном сайте МИД РФ в период с 2000 г. по 2024 г	65
Рисунок 4 Значения Глобального индекса миролюбия Республики Судан и Южного Судана в период с 2010 г. по 2024 г.....	65
Рисунок 5 Число новостей с упоминанием Судана на официальном сайте МИД РФ в период с 2000 г. по 2024 г.....	180
Рисунок 6 Количественные результаты контент-анализа новостей с упоминанием Судана на официальном сайте МИД РФ в период с 2000 г. по 2024 г	181

2 Список таблиц

Таблица 1 Экономическое состояние Судана с 2019 года по 2021 год	63
Таблица 2 Населённые пункты, пострадавшие от событий в период с 2020 года по 2023 год	86
Таблица 3 Значимые события этнополитических конфликтов в период с 1956 года по 2023 год	87
Таблица 4 Социально-политические объединения Судана, находящиеся в состоянии многостороннего национального конфликта: характеристика интересов, стратегий управления	124
Таблица 5 SWOT-анализ стратегий урегулирования этнополитических конфликтов в Судане	134

Приложение А

(информационное)

Таблица А. 1 - SWOT-анализа Дарфурских соглашений от октября 2020 года

Дарфурские соглашения 2020 года	
Категория	Примечания
1	2
Сильные стороны	1 В Соглашениях учитываются этническое, религиозное, языковое и культурное разнообразие суданского народа, которое рассматривается в качестве основы национальной сплоченности, а также декларируются намерения по его сбережению 2 Продемонстрирована приверженность федеральному управлению: указывается на желание восстановить систему регионального-федерального управления 1973 года в целях содействия всеобщему участию и удовлетворения требований региональной автономии, выявляется нацеленность на создание справедливых механизмов для распределения богатства: 30% власти в Дарфуре для переходного правительства Судана; 10% власти в Дарфуре для других движений, подписавших это соглашение; 20% власти в Дарфуре для заинтересованных сторон. Как определено в документе, 40% доходов от добычи полезных ископаемых, выделяемых Дарфуру, формируются исходя из учета исторических претензий на распределение ресурсов 3 Для целей регистрации в качестве политических партий стороны соглашаются освободить вооруженные политические движения от применения положений Закона о политических партиях 2007 года при условии, что эти движения подписали Мирное соглашение, которое включает меры безопасности 4 Сделан акцент на необходимость правовых реформ, в том числе на аспектах правосудия переходного периода и верховенства закона для обеспечения подотчетности и примирения 5 Предложены конкретные меры по региональному развитию Дарфура, включая проекты по восстановлению инфраструктуры, совершенствованию образования и по сохранению окружающей среды 6 Предложены конкретные меры по региональному развитию Дарфура, включая проекты по восстановлению инфраструктуры, совершенствованию образования и по сохранению окружающей среды 7 Продемонстрирована нацеленность на инклюзивность в управлении, что выражается в обеспечении представленности Дарфура на всех уровнях управления и резервировании 20-процентной представленности для граждан Дарфура на должностях национальной гражданской службы, когда 8 Стороны учитывают все компоненты Дарфура при отборе представителей в вышеупомянутых процентах, с тем чтобы отразить географическое, социальное и гражданское разнообразие в Дарфуре для обеспечения социального сосуществования и прочного мира 9 Предложены решения проблем дисбаланса: Стороны договорились создать комитет для выявления дисбаланса в гражданской службе. Комитет состоит из специалистов, согласованных сторонами под руководством Комиссии по реформе гражданской службы для выявления дисбаланса в представленности мужчин и женщин Дарфура на национальной гражданской службе на уровнях занятости и во всех штатах учреждения

Продолжение таблицы А. 1

1	2
Слабые стороны	1 Соглашение предусматривает многочисленные комиссии и механизмы, которые могут усложнить и задержать процесс урегулирования конфликта 2 Прослеживается зависимость от внешнего финансирования, где успех зависит от обеспечения международной поддержки, которая является неопределенной и подверженной геополитическим влияниям 3 Исключение вооруженных политических движений в Дарфуре из сферы действия Закона о политических партиях 2007 года может подорвать демократические нормы, узаконивая группы с историей насилия, потенциально ведущие к неравной конкуренции на политической арене и вызовам в переходе к мирному правлению, в дополнение к тому факту, что движения уже отказались от этого (например, движение Абд-алавида Мохаммеда Нура)
Возможности	1 Создание Банка развития Дарфура и Комиссии по восстановлению и развитию Дарфура открывает значительные возможности для экономического возрождения 2 Меры по обеспечению правосудия в переходный период и конференции по примирению могут укрепить национальное единство и ослабить этническую напряженность 3 Исключения и позитивная дискриминация в сфере образования для жителей Дарфура создают возможности для повышения человеческого капитала региона 4 Участие международных заинтересованных сторон и региональных организаций открывает возможности для оказания технической и финансовой помощи 5 Политика, ориентированная на сохранение окружающей среды и рациональное использование ресурсов, прокладывает путь к устойчивому развитию
Угрозы	1 Потенциальная политическая нестабильность, поскольку хрупкость переходного правительства может помешать осуществлению соглашения 2 Вооруженные группировки или политические группы, которые не подписали соглашение, могут подорвать усилия по установлению мира 3 Конфликты по поводу земли и природных ресурсов могут сохраняться, несмотря на описанные механизмы совместного использования 4 Региональные и международные субъекты в Дарфуре подвергаются большой опасности оказывать влияние или дестабилизировать выполнение соглашения для своих собственных интересов 5 Изменение климата и деградация окружающей среды продолжают усиливаться: эти факторы усугубляют дефицит природных ресурсов, подрывая усилия в области развития и миростроительства

Источник: составлено автором по результатам SWOT-анализа [59].